

Владимир Рудинский

Мифы
о русской
эмиграции

Русское зарубежье. Коллекция поэзии и прозы

Владимир Рудинский

**Мифы о русской эмиграции.
Литература русского зарубежья**

«Алетейя»

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Рудинский В.

Мифы о русской эмиграции. Литература русского зарубежья /
В. Рудинский — «Алетейя», — (Русское зарубежье. Коллекция
поэзии и прозы)

ISBN 978-5-00165-376-9

Собраны очерки и рецензии Даниила Федоровича Петрова (псевдоним Владимир Рудинский ; Царское Село, 1918 – Париж, 2011), видного представителя «второй волны» русской эмиграции, посвященные литературе Русского зарубежья, а также его статьи по проблемам лингвистики. Все тексты, большинство из которых выходили в течение более 60 лет в газете «Наша Страна» (Буэнос-Айрес), а также в другой периодике русского зарубежья, в России публикуются впервые. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00165-376-9

© Рудинский В.
© Алетейя

Содержание

Непризнанный гений	8
На литературные темы...	12
Легенда о новом человеке	12
Мифы о русской эмиграции	16
Непризнанное поколение	20
В послевоенном Париже	22
Книги о России на французском книжном рынке	24
К истории эмигрантской монархической печати	26
Так мы и жили...	28
Враги или соратники	31
Кризис эмигрантской литературы	33
На зыбкой почве	37
Русские книги из Южной Америки	39
Некоторые отзывы о наших изданиях: книги издательства «Наша Страна»	43
На кривых дорогах	45
Оценка ценностей	47
Дискредитаторы	49
Неизвестные ли?	52
Романтизм	53
К разбойникам сопричисленные	54
А может статья, прав Климов?	56
Гения и славы палачи	58
Все течет, все меняется	60
Художественная литература	63
В блаженной глуши	63
В издательстве имени Чехова	64
«Египетский голубь»	66
В мире таинственного	68
«Смена»	70
Сбывающееся пророчество	73
Н. С. Гумилев, «Неизданное» (Париж, 1980)	74
Певец во стане белых воинов	75
Марина Цветаева, «Проза» (изд-во имени Чехова, 1953)	78
Цветаева	80
Поезд не в ту сторону	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Владимир Рудинский
Мифы о русской эмиграции.
Литература русского зарубежья

Владимир Рудинский

Даниил Федорович Петров (псевдоним Владимир Рудинский)
Царское Село, 1918-Париж, 2011

© А. Г. Власенко, М. Г. Талалай, составление, научная редакция, 2021 © Н. Л. Казанцев,
статья, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

Непризнанный гений

Два года прошло с момента публикации первого сборника статей самого плодотворного и многогранного сотрудника аргентинской газеты «Наша Страна», радовавшего наших читателей своими публикациями в течение 63 лет (!) – Даниила Федоровича Петрова (1918–2011), наиболее известного под псевдонимом Владимир Рудинский. Сейчас я искренне рад представить вашему вниманию новый сборник нашего патриарха русской зарубежной публицистики. И если первый сборник был преимущественно посвящен художественной и публицистической литературе авторов, создававших свои произведения в России, то новая книга включает в себя литературоведческие статьи о произведениях писателей и журналистов русской эмиграции.

Я всегда отмечаю, что Даниил Федорович Петров представлял собою целую эпоху в жизни русской политической эмиграции, являлся ее богатейшим олицетворением. Активнейший монархический деятель; верный сын Зарубежной Церкви; талантливый писатель и журналист; ученый-лингвист, владевший десятками языков, обладавший энциклопедическими познаниями и совершенно феноменальной памятью; поразительно работоспособный труженик, не переставший писать до последнего дня своей 93-летней жизни. Он стал одним из моих основных учителей стилистики и публицистической грамотности, правда это преподавание не было типичным учебным процессом, ибо я не получал от него каких-либо конкретных указаний или советов. Дело в том, что он писал свои мириады статей от руки, неразборчивым для наборщиков почерком, и я должен был перепечатывать их на машинке, невольно попутно впитывая в себя нечто от его манеры изложения материала.

Даниил Федорович родился в Царском Селе 3 мая 1918 года. Сын врача, он окончил там школу. А потом в Ленинграде – филологический факультет, где изучал романские языки. Свой путь журналиста, литературоведа и ученого-лингвиста Даниил Федорович начал сразу же после войны, как только оказался в эмиграции, и поскольку писать под своим именем было опасно, он выбрал себе псевдоним «Владимир Рудинский». Примерно в то же время появился другой его персонаж, «Аркадий Рахманов». С тех пор все его статьи выходили под псевдонимами, исключение он делал лишь для научных лингвистических статей, которые подписывал своей настоящей фамилией. Публиковался Даниил Федорович во множестве журналов выходивших в лагерях Ди-Пи – в Германии, в Италии. С Иваном Лукьяновичем Солоневичем завязал переписку, когда тот был еще в Германии, и его первая статья в «Нашей Стране» появилась в № 6, от 11 ноября 1948.

Даниил Федорович писал под целым рядом псевдонимов: Владимир Рудинский, Аркадий Рахманов, Геннадий Криваго, Виктор Штремлер, Елизавета Веденева, Савва Юрченко, Вадим Барбарухин, Гамид Садыкбаев... Его многочисленные персонажи-псевдонимы жили как бы своей жизнью, в разных странах, и отвечали за различные тематики и направления. Это был целый мир непохожих друг на друга личностей. Так, парижанин Аркадий Рахманов писал исключительно на лингвистические темы и вел в «Нашей Стране» рубрику «Языковые уродства», неустанно борясь за чистый и правильный русский язык, и резко и непримиримо критикуя всевозможные модернизмы, новояз и просто лингвистические ляпы, допускаемые писателями и журналистами, как отечественных, так и русского зарубежья. Канадец Гамид Садыкбаев вел рубрику «Монархическая этнография» и публиковал исследования по истории народов России дореволюционного и советского периодов. Савва Юрченко из Швеции был, наряду с Владимиром Рудинским, ведущим литературоведом газеты и был ответственным за рубрику «Среди книг». Геннадий Криваго из Италии, Виктор Штремлер из Греции и лондонец Вадим Барбарухин выступали с краткими заметками и письмами на разные темы, принимали участие в рубрике «Трибуна читателя», печатали дополнительные комментарии на темы, уже разобранные Владимиром Рудинским. Иногда персонажи эти не соглашались друг с дру-

гом, спорили и даже критиковали друг друга. И, наконец, Елизавета Веденева из Бельгии в течение многих лет была политическим рупором Даниила Федоровича, и ее рубрика «Миражи современности» часто была самым острым, эмоциональным и ярким разделом газеты, печатавшимся, как правило, на первой полосе.

Однако сам Рудинский относился к своим персонажам иронически:

Мои холуи: Савка, Аркашка, Геннашка, да и Елизаветка, – могут при случае, со мною спорить или мои высказывания дополнять. Но хвалить меня они не должны; иначе, в случае разоблачения, получится очень стыдно и позорно; что я сам себя, под псевдонимами, выдвигаю и поощряю. Забавна мне карьера Елизаветки. Она, как говаривал Пушкин:

*Все сердца пленяет эти,
Те, те, те и те, те, те.*

Витька Штремлер, по-моему, не в свое дело полез: про Умберто Эко скорее бы уж мог писать Геннашка, который живет в Италии, знает по-итальянски и интересуется литературой. Вот он-то уж наверняка Эко читал, – и в подлиннике.

Свою склонность к употреблению псевдонимов, он объяснял мне так:

Этот вопрос является необычайно болезненным для подсоветских, включая диссидентов. Вы помните истерические упреки национал-большевика Куняева, обличающего меня в трусости за то, что я пишу под псевдонимами. По-видимому, Назаров ему сказал, что я в «Нашей Стране» пользуюсь многими. Но мы все, вторая эмиграция, меняли и паспортные имена, и имена для печати. Весьма понятно, у каждого оставались в СССР родные и друзья, которых по тамошним законам вполне легально можно и должно было свирепо наказать за наши грехи. Потому и Башилов¹, и Лидия Норд, и Гротов-Ростов скрывались за псевдонимами. Ширяев был сперва Алымовым, а если потом расхрабрился, то оттого, что всю семью вывез за границу. Могу уточнить, что Сергей Петрович Мельгунов, человек абсолютно бесстрашный и с опытом подпольной работы, когда я принес ему статьи, мне велел выбрать псевдоним. Как он объяснил, не хотел брать на себя ответственность, если я пострадаю из-за сотрудничества в его «Свободном Голосе» (менявшем, впрочем, названия, от номера к номеру, так как советский посол Богомолов требовал запрещения, и французы ему уступали).

Кроме «Нашей Страны», он писал в парижских «Возрождении», «Русской мысли», «Русском пути» и «Русском Воскресении», брюссельском «Часовом», нью-йоркских «Знамени России», «Заре России», «Новом Журнале», «России», «Наших вестях» и «Новом Русском Слове», сан-францисской «Русской Жизни», канадском «Современнике», германских «Русском Ключе» и «Голосе Зарубежья», аргентинском «Вестнике».

Помимо очерков и статей, писал Даниил Федорович и художественные произведения, рассказы и новеллы, многие из которых в конце концов были собраны в книге «Страшный Париж», вышедшей в 1992 г. в Иерусалиме, и в 1995 г. в Москве.

В начале своей парижской жизни он активно участвовал в общественной жизни, выступал на собраниях, делал доклады. А также проучился два года в Богословском институте на улице Крима, находящемся в юрисдикции Парижской Архиепископии. Одним из его соучеников был будущий епископ Русской Православной Церкви за рубежом Серафим (тогда Игорь Дулгов), с которым он потом общался многие годы. Потом Даниила Федоровича исключили – фактически за то, что поехал в Брюссель на съезд имперцев, не испросив разрешения, хотя это было во время каникул. Там познакомился с монархическим деятелем Н. Н. Воейковым, с которым у него завязалась дружба на всю жизнь. Затем поступил в Школу Восточных Языков,

---

¹ Биографические справки по упоминаемым в Предисловии деятелям русской эмиграции см. в комментариях к текстам Владимира Рудинского. – *Прим. ред.*

где изучал малайский, и ее окончил. Лингвистикой занимался всю жизнь. По Ленинградскому университету знал языки: французский, испанский, португальский, итальянский, румынский, латынь, английский. По Школе Языков – немецкий. Позже изучал многие другие, включая малайско-полинезийские.

Помимо деятельности журналистской, общественно-политической и литературоведческой, Даниил Федорович вел большую научно-исследовательскую работу. Несколько лет трудился во французском Центре Научных Исследований, а потом в отделе американского Йельского университета. Там составлял рефераты научных статей из журналов и книг на десятках разных языков, – по лингвистике, истории, литературе и пр.

Работы Даниила Федоровича в области лингвистики (он занимался сопоставлением австронезийских и индоевропейских языков), – часть из которых вошла в первую книгу, а также в предлагаемый вам сборник, – имеют не только научное, но и богословское, религиозное значение, доказывая существование первоначального единого языка человечества, исходящего от одной, и очевидно небольшой, группы, если не из единой пары. А научное доказательство, что некогда был единый язык у человечества (а значит и общие предки) было бы свидетельством об истинности библейского повествования.

Жил он всегда очень скромно, и на окружающую обстановку, да и свой внешний вид обращал мало внимания. Я имел возможность в этом убедиться, когда посещал его в его маленькой квартирке в Париже. Видать, все, что не относилось к умственной работе, творчеству, его научным лингвистическим открытиям – просто не попадало в поле его зрения, ничего для него не значило.

Невезение в профессиональной карьере (да и в личной жизни, – он не имел семьи), можно отчасти отнести за счет его весьма тяжелого характера. Но главными факторами несомненно были та травля и то замалчивание, которым он всю жизнь подвергался со стороны масонского фланга русской эмиграции во Франции. Так он и остался – непризнанным гением.

Близкий друг Рудинского, также многолетний сотрудник газеты «Наша страна» Е. З. Кармазин отметил, что Рудинский мало рассказывал о своей жизни, однако в книге «Страшный Париж» было описано много, явно носившего автобиографический характер².

Многое было утеряно из того, что Даниил Федорович собирал всю жизнь. Вольно, или невольно, но в 1999 году, когда он находился в больнице, при ремонте его квартиры была уничтожена значительная и очень ценная часть его архива, в частности, коллекция редчайших журналов и газет, где он сотрудничал. Уникальные, почти нигде не сохранившиеся. На машинке, потом типографским способом, – Чухнова в германских лагерях, Ефимовского в Париже, Сакова в Италии, Шапкина в Аргентине, по-французски «Russie-URSS» Майера, и многое другое, всего не пересчитать. Это была его гордость и радость, вся монархическая мысль эмиграции за весь период жизни целого поколения! Слава Богу, значительная часть уцелевшего архива Даниила Федоровича была все же передана в русский отдел архива Бременского университета.

Однако, его худшие ожидания относительно своего творческого наследия и архива только подтвердились после его смерти. Завещание, в котором он распорядился, чтобы его лингвистические рукописи, содержащие открытия в области малайского языка, фотографии, а также лингвистические и другие ценные и редкие книги были переданы на хранение в научный архив Бременского университета, так и не было выполнено. Наиболее ценная часть лингвистических рукописей была вывезена в Россию, а оставшаяся часть архива находится неизвестно где. Кроме того, поскольку Даниил Федорович не имел родственников во Франции и не оставил в завещании формальных распоряжений относительно своих похорон, его останки хранились по французским законам во временной могиле пять лет, а затем были кремированы, а прах

---

² См. статью Е. З. Кармазина в Приложении.

развеян, в соответствии с буквой закона, над специально отведенным участком кладбища, где за многие годы таким же образом был развеян прах многих других не имевших наследников парижан.

О многом, сказанном выше, упоминается в статьях Даниила Федоровича, вошедших в настоящий сборник. Слава Богу, трудами А. Г. Власенко и М. Г. Талалая уже вторая книга его литературоведческих статей увидит свет на родине. Первый сборник, вышедший также в издательстве «Алетейя» два года назад, дал возможность российскому читателю ознакомиться со статьями, посвященными русской классике, советской художественной литературе и публицистике, а также с лингвистическими работами Даниила Федоровича, и назван он был по заголовку одной из статей, «Вечные ценности». Нынешний сборник включает статьи Д, опубликованные в журналах и газетах русского рассеяния и посвященные литературе представителей русской эмиграции, книгам эмигрантских издательств, а также литературоведческие статьи о зарубежных писателях и, как и в первом сборнике, представлено лингвистическое наследие Даниила Федоровича Петрова.

*Николай Казанцев,
август 2021 г.,
Буэнос-Айрес*

На литературные темы...

Легенда о новом человеке

Я никогда не забуду моих первых встреч с русскими эмигрантами во Франции.

Казалось, что люди смотрят сквозь меня и, упорно не видя моей сущности, ищут во мне совершенно другой образ, не имеющий ничего общего с реальностью. Подчас это доводило до отчаяния. Ведь между нами не было никакой разделяющей грани: культурно я стоял на том же уровне, мои убеждения были убеждениями многих из них, в моих жилах текла та же самая кровь, а между тем мои собеседники упрямо, с мучительной настойчивостью, старались провести какую-то незримую черту, приписать мне взгляды, для меня чудовищные и непонятные, допускать действия с моей стороны, каких я не совершил бы и под угрозой смертельной казни.

Вопросы, задаваемые мне, зачастую звучали какой-то дикой наивностью, и что меня поразило – не в области фактов, а во всем, что относилось до моральной и духовной стороны современного русского человека.

«Как немцы» – невольно приходило мне в голову при наблюдении подобного непонимания от нежелания понять. Но ведь у немцев это было результатом долгой и злонамеренной агитации, исказившей их нормальные представления о России, а здесь?

И лишь гораздо позже, пробежав немало томов эмигрантской литературы, я нашел корень всех зол: между мной и старобеженским миром стояла фигура «нового человека». Его черты искали во мне пылливо оглядывающие глаза; его слова, выражение его идеологии хотели от меня услышать; именно мое – и большинства других новых эмигрантов, – несоответствие заранее созданному стандарту вызывало недоверие и удивление.

Но факт остается фактом. Мы вовсе не похожи на «нового человека»; мы больше не желаем оставаться в его громадной и чудовищной, вызывающей у нас глубокую гадливость тени. И для нас очевидно, что существование этой фикции – создавшейся, возможно, с роковой неизбежностью в годы полного разрыва заграничного и подсоветского миров – является вредным, сея подозрение и вражду там, где нужны и должны безраздельно царить любовь и единение.

Поэтому я хочу выступить от лица новой эмиграции с одним предложением: давайте, господа, убьем «нового человека»... Согласимся, что его никогда не существовало; если же и допустить его наличность в форме нескольких десятков, даже сотен индивидуумов, насквозь растленных советским режимом, – то их бытие есть явление чисто временного характера, ибо после нашей победы их придется незамедлительно ликвидировать.

Наиболее блестящая идея о новом человеке выражена в статьях господина Федотова³ – вообще одного из наиболее талантливых русских журналистов Зарубежья.

Я уже указал, в чем вина нового человека перед новой эмиграцией; но и по отношению к старой он сыграл не менее вредную роль. Отнимая у нее веру в русский народ, он неизбежно парализовал их политическую деятельность, и, таким образом, приносил прямую пользу большевизму. В самом деле, если согласиться, что все новое поколение в России «перековалось» и приобрело все те отталкивающие черты, коими щедро наделен «новый человек» – какие же шансы на успех у борьбы со сталинским режимом? Кто же ее поддержит? Да и стоит ли трудиться на благо «нового человека»? Заслуживает ли он наших жертв? Ясно, что нет. Оставим же Сосо Джугашвили вкушать плоды его побед.

---

³ Георгий Петрович Федотов (1886–1951) – русский историк, философ, публицист. С 1925 в эмиграции во Франции, а с 1940 в США. Был профессором Свято-Владимирской православной семинарии в штате Нью-Йорк.

«Новый человек», якобы, не понимает свободы. Но вот десятки тысяч советских граждан не хотят возвращаться в СССР, несмотря на чудовищные условия, в которые их поставили за границей. Говорить же о том, что в Советском Союзе недостаточно борются за свободу – легко со стороны; надо знать, чтобы судить об этом, всю чудовищность сталинского террора.

Господин Федотов, в своих «Письмах о русской культуре» красочно описывает характерные черты старой русской интеллигенции; подчеркивая ее оторванность от народа, и называет ее особым «орденом», а далее несколько поспешно заключает, что она исчезла с лица земли и более не играет никакой роли. В действительности, эта группа, являющаяся носителем лучших культурных традиций и по своему образованию стоящая бесконечно выше всего остального населения, продолжает существовать. Старая интеллигенция еще не вымерла, хотя и подверглась бесчеловечным преследованиям. Кроме того, по законам природы, у большинства этих интеллигентов были дети. Эта ныне подросшая молодежь в основном стоит по своим культурным и моральным данным немногим ниже своих родителей. Эти последние жертвовали всем ради того, чтобы их дети получили высшее образование; кроме того, дома они получили воспитание по старому типу.

Итак, «орден» продолжает существовать и еще будет, по всей вероятности, серьезным фактором при решении судеб России. Мал золотник, да дорог. Что до его политических убеждений, то они конечно резко поправились. Тот, кто видел настоящий террор, не может особенно ужасаться «зверствами царизма». По отношению к этой группировке было бы абсурдом говорить о любви к советской власти.

Но ниже их лежит другой слой, в котором гораздо скорей мог бы угнездиться новый человек, представители которого скорее соответствуют типу «гомо эропео-американус», как его изображает г. Федотов. Это – люди не из потомственной интеллигенции, а вышедшие из народа. Но обвинение в преданности советской власти и здесь не очень уместно.

Странно звучит для меня, например, такая фраза: «новая интеллигенция органически предана советскому строю, чувствует свою кровную связь с народом и с правящим классом». Как это можно одновременно любить народ и «правящий класс»? Это отзывает старым представлением о советском строе, как о народовластии – но ведь оно, казалось бы, изжито всеми культурными людьми. Кому же неизвестно, что большевистский режим есть одна из самых свирепых форм деспотии, при которой народные массы страдают хуже, чем где бы то ни было? Поскольку новая интеллигенция связана с народом, она настроена оппозиционно. Преданы власти лишь люди, оторвавшиеся от масс, чувствующие, что по своей никчемности они могут существовать лишь при поддержке правительства, вместе эксплуатируя низы.

Нельзя отрицать ряда происшедших перемен, в смысле создания новых социальных групп, профессий, изменения уровня образования, но было бы неверно делать отсюда вывод об изменении характера русского народа.

Интеллигент новой выделки, конечно, сер, его горизонт ограничен, голова забита неправильными идеями, но он вовсе не является столпом советской власти, а его сердце осталось русским, и психология его переключается с таковой подлинного интеллигента с одной стороны, и крестьянина от сохи с другой. Назвать его хомо эропео-американусом можно лишь в отношении к его чисто внешним, бытовым сторонам. Впрочем, возникновение этой новой прослойки было экономически неизбежно вне зависимости от революции, как результат технического прогресса.

Коснемся еще самого народа, толщи, глубины русского крестьянства. Как часто наталкиваешься на уголки, где живет самая нетронутая «святая Русь»! В деревне даже и высший слой подмалевки очень тонок; чуть внимательнее взглядеться, и встает есенинская Россия, а то и Русь Ярослава Мудрого. Во всяком случае в деревне мы найдем мало образов нового человека; здесь, в глубине, все живет глубокою стариною.

Федотов верит в очень уж быструю, в циркулярном порядке, перестройку всего народного духа. Он пишет, например: «Мы привыкли считать, что русский человек отличается тонкой духовной организацией (даже в народе); что он "психологичен", чуток, не переносит фальши». Да, и так оно и осталось. Едва ли не все русские, попавшие в Германию, переживали именно ощущения, что немцы нестерпимо грубы и вульгарны, что русские по сравнению с ними сложнее и тоньше, насколько фарфоровая ваза хрупче глиняного горшка. Это чувство, по-разному формулируемое, жило в самом несчастном остолице⁴, презираемом немцами, и он сам их порой презирал.

Какое брезгливое недоумение вызывают, к примеру, у всех простых людей (а у образованных тем паче) объятия и поцелуи в трамваях, столь обычные на Западе! Насколько отталкивает копеечный практицизм в его семейных и дружеских отношениях! Как мелка кажется нам европейская любовь!

Отмечу еще, что все мы в Советской России были глубоко убеждены, что наша распушенность поражает Европу, и что грехи наши превзошли Содом и Гоморру.

Нужно было повидать Европу, чтобы узнать, что наоборот, Россия осталась едва ли не самой чистой и целомудренной страной в мире. Во всяком случае, современная Германия, не говоря уже о Франции, испорчена гораздо больше. Я констатирую этими словами не только впечатление русских, но и немцев, которых здесь трудно заподозрить в пристрастии. Немецкие врачи были в свое время поражены, убедившись в необычайно высоком проценте невинных девушек среди мобилизованных в Германию работниц. Американские журналисты, посетившие СССР, дают приблизительно ту же моральную оценку:

«Мы привыкли думать, что русский человек добр. Во всяком случае, что он умеет жалеть. Мы видели основное различие нашего христианского типа от западной моральной установки. Кажется, жалость теперь совершенно вырвана из русской жизни, и из русского сердца. Поколение, воспитанное революцией, с энергией и даже яростью борется за жизнь, вгрызается зубами не только в гранит науки, но и в горло своего конкурента-товарища. Дружным хором ругательств провожают в тюрьму, а то и в могилу, поскользнувшихся, павших, готовы сами отправить на смерть товарища, чтобы занять его место. Жалость для них бранное слово, христианский пережиток, "злость" – ценное качество, которое стараются в себе развить».

От таких обвинений остается только руками развести. Мне пришлось бы квалифицировать их как клевету, если бы автор не употребил слова «кажется». Подлинно, наваждение.

Не буду говорить о доброте и жалости в СССР среди адских условий, о которых эмиграция не имеет представления. Упомяну здесь только несколько моих последних встреч с Советской Россией, из того периода, когда я бежал из занятого советскими войсками Берлина и, выдавая себя за иностранца, постепенно продвигался все дальше на запад.

У самого выхода из города, в лесах, что между Берлином и Потсдамом, я с группой других русских повстречали сторожевого красноармейца. Белокурый гигант в кожанке, со вздернутым носом, с типично русской физиономией, освещенной голубыми глазами, к которому мы обратились по-русски, нас не задержал и даже показал нам дорогу. Но ведь он был во власти одной заботы, каковой он с нами наивно поделился: «Там в лесу ходит немец (солдат). Я ему кричу: "Ком хир"⁵, а он испугался, ушел в глубину. Ведь наткнется на других, могут застрелить; зря пропадет человек!» И, удрученно качая головой, исполин поправил на перевязи свой автомат и снова стал бродить по опушке, напряженно смотря в лес.

В этой жалости к врагу была типичная русская натура; невольная теплая улыбка скользнула по губам всех моих спутников, наверно и по моим.

---

⁴ Остолицы, осты или, правильнее, остарбайтеры – представители гражданского населения захваченных германской армией областей довоенного (до 1939) СССР, занятые на работах в пределах Третьего Рейха и оккупированных им стран.

⁵ Kommher! – Иди сюда (нем.).

Много позже, у перехода через Эльбу, будучи в лагере для иностранцев в пределах советской зоны, я зашел, поранив ногу, в русский амбулаторный пункт. Меня приняла санитарка – молодая, довольно хорошенькая девушка.

Как и естественно, она свое дело знала плохо, а общая ее культура была так слаба, что она едва могла записать латинскими буквами мою фамилию. Но надо было видеть, с каким сочувствием, с какой жалостью она стремилась мне помочь – а ведь я был для нее неизвестным иностранцем. Я навсегда запомнил, как вздрагивали ее ресницы, когда, перевязывая мою царапину, она старалась не причинить мне боли. Этого теплого, чуткого отношения я никогда не видел на Западе. В той простой девушке жила русская душа, какой она всегда была и будет.

Эльба перейдена – блаженный миг! – и наш поезд медленно движется на запад. Напротив нас на станции остановился идущий в другом направлении поезд с русскими рабочими, возвращающимися домой. К ним подходит какая-то немка и, жалуюсь на голод, просит подать хлеба. Один из русских, собрав полную миску галет – видно, дорожного пайка – подал ей, не беря денег, и сказал на ломаном немецком языке:

– Когда я был голодный в Германии, никто мне не помог – но бери! Русский – не немец. В эту минуту, острее, чем когда-либо в жизни, я испытал чувство национальной гордости.

Нет, чтобы не говорил г. Федотов и иже с ним, русский человек остается по своим моральным свойствам одним из самых прекрасных и чистых представителей арийского типа.

Было бы нелепо приписывать хоть крупицу этих свойств большевизму. Наоборот, он сделал все, чтобы испортить, развратить, изуродовать русский народ – но эта задача оказалась товарищам не по силам.

Надо любить русский народ, надо верить в него; но именно ради этой любви и во имя этой веры мы обязаны неумолимо бороться с угнетательской властью, делающей жизнь народа столь беспросветно тяжелой.

Я говорил до сих пор все время только о русских; но ведь Россия – не одни русские; чтобы получилась Россия, надо взять и мордву, и татар, и кавказцев. Но эти народы, защищенные своим еще более примитивным родовым строем, дебрями, твердыми обычаями и твердой верой еще менее, чем русские, подверглись деформирующему влиянию коммунизма.

Но все же есть ли где-нибудь «новый человек»? Да, он, пожалуй, есть; но почему г. Федотов не уточнил среды и круга этого типа? Новый человек живет в ГПУ (НКВД), в партии, в том «активе», о котором говорит Солоневич⁶. Ненавистный народу, он ласкаем властью. Но есть ли столь специфически новое в его психологии?

Жажда власти, жестокость, беспринципность – все весьма старые явления. Все то же можно было найти и в национал-социалистической партии, все это черты всякого карьериста и интригана; ограничиваясь Россией, думаю, что все те же черты наличествовали среди опричников Иоанна Грозного; по словам Лермонтова, и между придворных позднейших царей попадались субъекты, «жадной толпой стоящие у трона, свободы, гения и славы палачи». Итак, новый человек оказывается весьма старым – едва ли не как мир (Каин, несомненно, обладал некоторыми его чертами).

Один советский патриот в споре со мной проговорился, что он видит нового человека в лице Глеткина (персонажа из романа Кёстлера⁷ «Нуль и бесконечность»).

Это поразительно верно. Таков и есть новый человек – по своему положению чекист, а по своей психологии – сочетание палача, паразита и фанатика.

Против этого человека мы боремся.

«Россия» (Нью-Йорк), 1 января 1947, № 3533, с. 2–4.

---

⁶ Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953) – публицист, мыслитель, исторический писатель и общественный деятель, создатель теории народной монархии. Основатель газеты «Наша страна» (Буэнос-Айрес).

⁷ Артур Кёстлер (1905–1983) – писатель, журналист, автор романа «Слепящая тьма» об эпохе большого террора в СССР.

Мифы о русской эмиграции

До сравнительно недавнего времени дело обстояло просто. Советская печать об эмиграции, – первой, второй, потом и третьей, – молчала или сообщала только плохое. Но это было не так уж и страшно: публика в СССР знала, что большевики лгут, читала между строк и отцеживала факты, которые все же в печати проскальзывали.

Теперь положение усложнилось. Тема стала модной, и о ней усиленно пишут то один, то другой подсоветский литератор. Причем, вроде бы они полны к нам сочувствия, не скупятся на добрые слова... но, увы; под их пером, поистине: «Все врут календари!». Получается в результате не информация, а вредная дезинформация. Тем более вредная, что в нее порядочные люди на территории несчастной Снегии могут и всерьез поверить.

Перечислим ряд фальшивых трафаретов, сперва о нашей, новой эмиграции, потом и о старой. Что до новейшей, – она, полагаем, сумеет защититься и сама.

Выработался прием о людях из второй волны чем-либо замечательных говорить так, будто они попали за границу случайно и невольно, не могли вернуться на родину по не зависящим от них обстоятельствам и, упаси Боже, никогда ничего не делали, да и в мыслях не имели что-нибудь делать против советского строя и большевицкой партии. Если, на деле, они участвовали во Власовском движении, служили в РОА, энергично выступали, устно и письменно, против коммунизма, – на эту часть их биографий опускался непроницаемый покров.

Появилась теперь и другая еще тенденция, утверждать, что-де вторая эмиграция состояла из людей старшего возраста, выросших до революции и сохранивших потому старые идеи. Такая версия не держится на ногах! Среди нас были, и немало, даже глубокие старики и старухи, и, вообще, люди всякого возраста; но бесспорно, что основное ядро состояло из молодежи, преимущественно от 18 до 25 лет. Легко понять: его формировали бывшие военнопленные и остовцы, то есть – вывезенные в Германию на работу молодые ребята и девушки.

Антисоветский накал этого слоя, – все, кто помнит то время, могут подтвердить, – достигал необычайной силы: люди смертельно боялись принудительного возвращения в Советский Союз и отталкивались от него любыми средствами. Опять же, иначе и быть не могло: все те, кто хотел возврата, или хотя бы с колебанием допускал мысль о возврате, – подчинялись ялтинским приказам. Остались те, кто нашел возможность и ею воспользовался – уклониться от выдач: что являлось весьма трудной задачей! Но и таких набралось, по примерным подсчетам, до двух миллионов человек...

Еще один ложно освещаемый пункт: при перечислении лиц, проявивших сочувствие или, тем более, оказавших активную помощь по отношению ко второй волне, называются отчего-то вовсе не те имена: умалчивается о всерьез хлопотавших и работавших... а выдвигаются такие, которые к нам относились равнодушно, а то даже и враждебно!

Другая еще неправда, – можно догадаться от кого она исходит, – касается настроений сих обездоленных масс. Будто бы среди них монархисты представляли редчайшие исключения, а преобладающим чувством было сочувствие солидаристам.

Это совершенно не соответствует действительности. Будь так, не произошло бы того, что, например, «Наша Страна» оказалась с самого своего возникновения окрыленной именно сотрудниками, выделившимися из среды новой эмиграции, сотрудниками часто блестящими.

Вспомним Б. Ширяева⁸, Л. Норд⁹, Б. Башилова¹⁰, Н. Кусакова¹¹, М. Бойкова¹², В. Богдан¹³, – и список можно бы далеко продолжить.

---

⁸ Борис Николаевич Ширяев (1889–1959) – писатель, журналист. Участник Первой мировой войны, штабс-капитан. В 1922 был арестован, приговорен к смертной казни, которая была заменена заключением в Соловецкий лагерь особого назначения, затем ссылкой в Среднюю Азию. В 1932 был сослан в ссылку в Воронежскую область. Писать начал в лагерях и ссылках. Во время второй мировой войны жил в Ставрополе и на Северном Кавказе. Редактировал газеты «Ставропольское слово» и

Такие же сотрудники отыскивались и у Н. Н. Чухнова¹⁴, выпускавшего, сперва в Германии, потом в США, монархический журнал, несколько раз менявший название (под нажимом американцев): «Огни», «На переломе», «Знамя России».

Все монархические организации Зарубежья получили мощный толчок от прилива свежих сил в годы непосредственно после Второй мировой войны.

То, почему политические организации за границей, вообще, постоянно толклись на месте, спорили между собой, распадались, – есть уже вовсе иной вопрос, коего мы здесь затрагивать не будем.

В изображении старой эмиграции, нынешние ее подсоветские бытописатели впадают в другие, не менее лживые клише.

«Утро Кавказа». В 1944 работал в Казачьем стане на севере Италии. По окончании войны остался в Италии, в лагерях для Ди-Пи (перемещенных лиц). Написал несколько книг, включая получившие широкую известность воспоминания о Соловецком лагере «Неугасимая лампада». Сотрудничал в газетах «Наша страна» (Буэнос-Айрес), «Знамя России» (Нью-Йорк), журналах «Возрождение» (Париж), «Грани» (Франкфурт-на-Майне) и др.

⁹ Лидия Норд (Оленич-Гнененко, в замужестве Бакалова, затем Загорская Ольга Алексеевна; 1907–1967) – писательница. Дочь полковника гвардии. Жена сослуживца М. Тухачевского. После ареста мужа была сослана на Дальний Восток, затем сумела вернуться в Ленинград. Во время войны была военным корреспондентом, после ранения попала в плен. Вступила в Русскую Освободительную Армию генерала А. Власова и была направлена в Италию ответственным секретарем газеты РОА «Доброволец». После войны жила в Великобритании. Печаталась в газетах «Наша страна» (Буэнос-Айрес), «Русская мысль» (Париж), «Новое русское слово» (Нью-Йорк), журналах «Часовой» (Брюссель), «Возрождение» (Париж), работала в Русской службе Би-Би-Си, активная участница культурной и общественной жизни русской эмиграции в Великобритании. Автор книг «Маршал М. И. Тухачевский» (1948, Париж), «Инженеры человеческих душ» (1954, Буэнос-Айрес), «Из блокнота советской журналистки» (1958, Буэнос-Айрес), повести «Офелия» (напечатана в 1956 в журнале «Возрождение», Париж).

¹⁰ Борис Башилов (наст. имя Юркевич Борис Платонович; 1908–1970) – писатель, журналист, общественный деятель. Начал печататься с 1924. Во время войны попал в плен под Вязьмой в октябре 1941. Воевал в рядах бригады Б. В. Каминского, служил в звании капитана РОА. После войны оказался в репатриационном лагере для военнопленных в американской оккупационной зоне Платлинг, затем в лагере для перемещенных лиц Менхегоф близ Касселя в Германии. После окончания войны жил в Мюнхене, где под фамилией Тамарцев опубликовал исторические повести «В моря и земли неведомые», «Юность Колумба российского» и «Необычайная жизнь и приключения Аристарха Орлова». Основал издательство «Юность», издававшего детскую литературу. Принимал участие в деятельности Народно-трудового союза (НТС), работал секретарем издательства «Посев». В 1948 порвал с НТС и переехал в Аргентину. Состоял членом Суворовского союза. В 50-х принимал активное участие в работе Российского Имперского Союза-Ордена. Публиковал свои произведения в газетах «Наша страна» (Буэнос-Айрес), «Знамя России» (Нью-Йорк), журналах «Владимирский вестник» (Сан-Пауло) и «Жар-Птица» (Сан-Франциско). В 50-60-х написал девять книг «Истории русского масонства», изданные в собственном издательстве «Русь», издавал монархический журнал «Былое и грядущее».

¹¹ Николай Кусаков (наст. имя Чурилов Николай Петрович; 1909–1997) – журналист. Жил в Аргентине. Соредатор газеты «Суворовец», долготелный сотрудник газеты «Наша страна» (Буэнос-Айрес), сотрудник Российского Имперского Союза-Ордена.

¹² Михаил Матвеевич Бойков (1911–1961) – журналист, писатель. В 30-е работал в Пятигорске корреспондентом газет «Утро Кавказа» и «Молодой ленинец», в 1937 был арестован и содержался в ставропольской внутренней тюрьме НКВД. Во время оккупации работал в газете «Русская правда» («Ставропольское слово», «Утро Кавказа»). После войны переехал в Италию, а в 1948 в Аргентину. Работал в русских эмигрантских издательствах и организациях, библиотекарем в Доме Русских Белых, а также корректором издательства «Сеятель» и редактором приложения к газете «Новое слово» «Смех. Газета сатиры и юмора». Многолетний сотрудник газеты «Наша страна» (Буэнос-Айрес). Печатался в газете «Новое слово» (Буэнос-Айрес), журналах «Православное слово» и «Сеятель» (Буэнос-Айрес). Автор книг «Горные братья» (1943), «Партизаны холодной войны» (Буэнос-Айрес, 1955), «Рука майора Громова» (Буэнос-Айрес, 1956), «Бродячие мертвецы» (Буэнос-Айрес, 1956), «Люди Советской тюрьмы» (Буэнос-Айрес, 1957), «Сокровище сердец» (Нью-Йорк, 1953). Был отравлен во время встречи со знакомым из СССР, о чем успел оставить предсмертную записку.

¹³ Валентина Алексеевна Богдан (1911-?) – инженер, писатель. В эмиграции с 1943. Жила в Великобритании. Автор книг «Студенты первой пятилетки» (Буэнос-Айрес, 1973) и «Мимикрия в СССР» (Франкфурт-на-Майне, 1981).

¹⁴ Николай Николаевич Чухнов (1897–1978) – журналист, издатель, общественно-политический деятель. Корнет, участник Белого движения. С 1920 в эмиграции в Сербии. Председатель Союза русской молодежи. В 1924–1926 – издатель газеты «Наше будущее» (Белград), в 1926–1927 – главный редактор еженедельника «Словен» (Белград). После окончания войны жил под Мюнхеном в лагере «перемещенных лиц». В 1947 вошел в состав инициативной группы по возрождению монархического движения в Зарубежье. С 1947 был Генеральным секретарем Представительства Высшего Монархического Совета (ВМС) на Германию и Австрию. В 1949 переехал в Америку, поселился в Нью-Йорке. В 1949 основал и был редактором-издателем монархического общественно-политического журнала «Знамя России». Был членом Главного управления Российского Общественно-монархического Объединения (ГУ РОМО) в Северной Америке, с 1953 стал его председателем. Автор книги «В смятенные годы» (Нью-Йорк, 1967).

Прежде всего они, как правило, не в состоянии сдерживать симпатии к движениям, как сменовеховцы и совпатриоты, ошибочно (по наивности или с умыслом?) принимая их за друзей России.

Но те отнюдь не были друзьями России или русского народа: они были друзьями и сообщниками большевизма, и притом в его самой гнусной, сталинской форме!

Персонажи, как Эфрон¹⁵, – их нашлось множество, – занимались шпионской работой в контакте с чекистами за плату или из чистого энтузиазма; впрочем, обычно то и другое у них соединялось. Они всячески содействовали истреблению советских перебежчиков, а позже – всех беглецов из сталинского ада; они делали все, что могли, дабы заглушить правду о творящемся на родине, дабы укрепить розовые иллюзии Запада и не дать ему очухаться и понять сущность большевизма.

Допустимо ли их принимать за друзей народа, нестерпимо страдавшего под игом НКВД и кровавого кремлевского деспота? Полагаем, – они были самые худшие враги этого народа! С изумлением читаешь теперь под пером новоявленных борзописцев похвалы митрополиту Евлогию, стремившемуся подчинить эмигрантскую Церковь Советам, ездившему на прием к советскому послу Богомолу вместе со всякого рода Милюковыми¹⁶ и прочими февральстами.

Далее, – вообще, рисуется нереальная, фиктивная и фантастическая картина быта эмиграции, особенно во Франции (которой почему-то больше всего пока в СССР и занимаются). Нам рассказывают сказки о левой, «либеральной» интеллигенции, которую якобы травил и преследовали злые реакционеры. . . В реальности, именно левые, наследники Февраля, сумели с самого начала взнудать беженскую стихию, подавляющим большинством в тот момент монархически настроенную. В их руках оказались деньги и связи, их поддерживали и с ними считались иностранные специалисты, масоны, в конечном счете те, кто делал погоду в Европе и в Америке. Они управляли печатью, благотворительностью, занимали посты в административных учреждениях, ведавших делами русской эмиграции. Так оно было в промежуток между двумя войнами, так осталось и после Второй мировой войны. А если сейчас что и изменилось, – то только в виде общего упадка эмиграции.

Проглядывая сочинения нынешних советских специалистов, видишь (иногда угадываешь, а иногда они и сами открыто заявляют), что в роли их информаторов всегда выступают одни и те же лица, из узкого круга (их бы легко и поименно пересчитать): обломки Февраля, часто уже во втором поколении.

Отметим, что культурный уровень и способности у них куда ниже, чем были у их предшественников.

До той части эмиграции, монархической и патриотической, которая всегда боролась за освобождение и возрождение России, которая и сейчас хотела бы и могла бы данному возрождению содействовать, – приезжающие из СССР писатели и журналисты (даже правого направления) по не совсем понятным причинам, почти никогда не добиваются.

А жаль: именно с нами они могли бы найти общий язык. Любовь к отечеству, желание ему счастья, мечта, что бы оно нашло верный путь для выхода из нынешнего мрака и страдания, – у них и у нас одинаковые.

---

¹⁵ Сергей Яковлевич Эфрон (1893–1941) – писатель, поэт. Муж М. И. Цветаевой.

¹⁶ Павел Николаевич Милюков (1859–1943) – политический деятель, историк и публицист. Лидер конституционно-демократической партии. Член «Прогрессивного блока» Государственной Думы, критиковавшего царское правительство и требовавшего создания правительства, подотчетного парламенту. Выдвигал обвинения непосредственно против царской семьи и ее окружения. В 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства. С 1918 г. в эмиграции во Франции. Разработал «новую тактику», отвергавшую как продолжение вооруженной борьбы внутри России, так и иностранную интервенцию. Возглавлял Союз русских писателей и журналистов в Париже, редактировал газету «Последние новости» и журнал «Русские записки».

Те силы, которые (надо признать, очень ловко!) нас разъединяют, служат делу Зла; но не всякий сумеет разглядеть их подлинный лик за маской, которой их черты завуалированы.

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), 27 февраля 1993, № 2221, с. 1.

Непризнанное поколение

Когда меня спрашивают: как я попал на Запад, я обычно отвечаю: «Отступил с оружием в руках».

Фронта против большевиков больше не было, а оружие... У нас оставалось свободное слово, устное и письменное.

Я работал в журнале Мельгунова¹⁷; журнал, которого так боялся советский посол Богомолов, требовавший от французов его закрытия (те и закрывали; а он потом издавался под новым именем). И позже – в журнале Ефимовского¹⁸ (первоначально печатавшемся на пишущей машинке). Его, Ефимовского, Б. Носик¹⁹ в своей книге о «погосте русской эмиграции» изобразил почему-то чуть ли не советским патриотом. А это был, как равно и Мельгунов, один из самых смелых борцов против коммунизма в тяжелое, смутное время. Мельгунов действовал под знаменем народного социализма, Ефимовский под флагом конституционной монархии; но оба были рыцарями свободы против рабства, правды против лжи.

В те страшные дни на Западе полагалось любить коммунистов и наипаче «доброе дядю Джо».

А нам, врагам советского государства, просто не полагалось существовать. Нам объявляли, как римляне первохристианам: «Non licet vos esse»²⁰.

Мы, бывшие советские граждане, подлежали, согласно ялтинским договорам, выдаче, означавшей для нас смерть – вполне бесполезную, в молчании и мраке. Имена погибших тогда никто не помнит, и их не называют. Кроме редких случаев ярких личностей, как расстрелянный в красном концлагере Николай Давиденков²¹, попавший на страницы «Архипелага Гулаг».

С возмущением читаешь у позднейших советских и постсоветских туристов презрительные отзывы о нас, эмигрантах второй волны: «Они чего-то боялись, зачем-то скрывались».

Очень было чего бояться, и серьезная причина была скрываться! То есть, каждому приходилось найти предлоги (обычно ложные) для избежания выдачи.

Многие из наших были морально раздавлены ужасом того периода и навсегда отошли от активного сопротивления наступающему напору красного фашизма. Ну, о себе с гордостью вспоминаю отзыв обо мне одной эмигрантской дамы, когда ее спросили, не испугаюсь ли я встретиться с кем-то из известных староэмигрантских антикоммунистов: «Он такой, что ничего не боится!».

---

¹⁷ Сергей Петрович Мельгунов (1880–1956) – историк, журналист, издатель, политический деятель. Один из создателей партии народных социалистов, руководитель «Союза возрождения России». В эмиграции с 1922, жил в Париже. Издавал журналы «На чужой стороне», «Голос Минувшего на чужой стороне», «Борьба за Россию». Автор публикаций по истории русской революции, гражданской войны. После Второй мировой войны издавал журналы «Свободный голос», «Российский демократ». В 1950–1954 редактор журнала «Возрождение». Председатель «Союза борьбы за свободу России», а также координационного центра антибольшевистской борьбы.

¹⁸ Евгений Амвросиевич Ефимовский (1885–1964) – публицист, издатель, адвокат, общественно-политический деятель. Окончил юридический и исторический факультеты Московского университета, Александровское военное училище. Участник Первой мировой и гражданской войн. С 1919 в эмиграции, жил в Праге, Берлине и Париже. Активно участвовал в деятельности монархических организаций. Редактировал парижские газеты «Русская газета», «Родина», «Грядущая Россия», журналы «Театр и жизнь» и «Русский путь»; сотрудничал в газете «Русское воскресение» и журнале «Возрождение».

¹⁹ Борис Михайлович Носик (1931–2015) – журналист, писатель, переводчик. С 1982 жил во Франции. Автор книг о русской эмиграции в Париже, путеводителей по Франции.

²⁰ Не должно вам быть (*лат.*).

²¹ Николай Сергеевич Давиденков (1916–1950) – журналист, публицист. Учился на биологическом факультете Ленинградского университета. Был арестован по делу «Ленинградской студенческой террористической организации», осужден на 8 лет лагерей, однако приговор не был утвержден, и его участники были оправданы. В 1941 попал в плен, позднее вступил в РОА. В 1944 находился в Казачьем стане в Италии, был корреспондентом газеты «Казачья лава». В 1945 вместе с казаками в Лиенце был выдан англичанами советским властям, осужден на 10 лет лагерей и этапирован в Сибирь. В 1950 был расстрелян по статье «За измену Родине».

Так я стал журналистом, каковым остаюсь по сегодняшний день; и всегда мое перо было инструментом войны против коммунизма в любой его форме и во всех его проявлениях.

Наша борьба стала легче в период «холодной войны». Увы, ненамного! Вместо войны против большевизма, Запад старался превратить ее в войну с русским народом.

А там всякие разрядки и примирения... В одну из них, когда Хрущев прибыл в Париж, я удостоился некоторого признания своих заслуг со стороны французского правительства, отправившего меня на Корсику. А там из русской эмиграции побывало человек 10 (в большинстве – солидаристы).

Так или иначе, начиная с первых дней после Второй Мировой, в Европе и Америке (а потом и в Австралии, и на Дальнем Востоке) возникала антикоммунистическая русская пресса, в том числе монархическая.

Монархисты в основном постепенно группировались вокруг двух органов, «Наша Страна» в Аргентине и «Знамя России» в США (я активно участвовал в обоих).

Об этом и сейчас не жалею. Если бы надо было бы начинать с начала – повторил бы. Если бы хватило мужества...

Но тогда, в минуты, когда оно оказалось необходимым, оно, слава Богу, у меня нашлось.

Как и у моих товарищей по несчастью, которых с гордостью могу назвать коллегами по «Нашей Стране», и которых, увы, уже нет на свете: Бориса Ширяева, Бориса Башилова, Лидии Норд и многих других.

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), 12 января 2008, № 2835, с. 6.

В послевоенном Париже

Париж, куда я попал в 1945 году, это был Париж жуткой эпохи Libération. Французы свирепо уничтожали своих, обвиняемых в сотрудничестве с немцами (часто ложно и несправедливо). Мы, новые эмигранты, согласно ялтинским соглашениям, подлежали поголовной выдаче. К чести французских чиновников, им (кроме коммунистов) подобные преследования претили. Они требовали бумажки, доказывающей, что человек не является бывшим советским подданным; но очень-то разбираться в ее качестве они и не умели, и не слишком хотели.

Поэтому подсоветских не было. За исключением не слишком многих, кто сам желал вернуться на родину, или был неспособен справиться с трудностями (все же не малыми). В остальном, мы все стали турками, поляками, западными белорусами или украинцами, на худой конец старыми эмигрантами. Вот почему все статистические исследования о числе людей, не согласившихся возвращаться домой, неизбежно фальшивы и не соответствуют никакой реальности.

Итак, официальные власти были для нас относительно не худшей угрозой. Страшно было другое. Франция, в силу союза с СССР, предоставила советским миссиям вылавливать и безнаказанно хватать всех, кого оные уличали или подозревали в том, что те жили до начала войны на территории, где царствовал Сталин и агелы его.

Пойманные попадали в страшный лагерь Борегар под Парижем, и оттуда спасения уже не было.

Опять же, большевикам заниматься охотой на изменников (какими они всех нас считали) оказывалось не столь уж легко: Франция оборачивалась для них непролазными джунглями.

Но тут у них нашлись верные, ретивые помощники, в лице новоявленных советских патриотов из первой эмиграции. Сии иуды старались не за страх, а за совесть – и не даром: им, в советском посольстве за каждого уловленного по их доносу платили крупную сумму.

В семье не без урода. Позорное, черное время для белой эмиграции был этот период: на поверхность всплыло все самое скверное, что в ней имелось... Происходило (как формулировали антикоммунисты) хождение из Голгофы в Каноссу, иначе говоря, явка достаточно крупных эмигрантских деятелей с повинной в советское посольство. Ходили, в том числе, митрополит Евлогий, философ Бердяев²², даже Бунин (который, впрочем, быстро одумался).

Помню толпу, сгрудившуюся вокруг посольства на улице Гренелль, где ренегатам выдавали красные паспорта. Сборище, однако было разнородным: многие пришли из любопытства.

Пошел и я. Сперва в человеческой куче, а потом даже взобравшись на цоколь фонарного столба, я этой публике кое-что рассказал о жизни в большевицком раю. У меня обнаружился союзник, до того мне незнакомый молодой латыш Петерс (позже он участвовал в различных антикоммунистических акциях русской эмиграции). Положение наше было небезопасное. Но враги ничего не решились сделать: главным образом потому, что состав присутствовавших был, как я говорил выше, разнообразный; так что применять методы физического воздействия не представлялось удобным. Даже проследить нас не сумели.

Для меня тогда дело обстояло ясно: раз нельзя больше против большевиков бороться с оружием в руках, – надо бороться с трибуны и в печати.

Русская печать-то пребывала в Париже в руках все тех же совпатриотов; они издавали несколько газет, – «Русские Новости», «Советский Гражданин», даже юмористическую газету «Честный Слон». А антикоммунистическую прессу представлял только крайне скром-

---

²² Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – религиозный и политический философ, представитель экзистенциализма и персонализма. Один из организаторов Союза освобождения (1903–1904). Принимал участие в деятельности Религиозно-философского общества в Москве. В 1922 на «философском пароходе» покинул советскую Россию, жил в Берлине, в 1924 переехал во Францию. Принимал участие в работе Русского студенческого христианского движения (РСХД), был редактором журнала религиозной мысли «Путь». В 1946 получил советское гражданство.

ный по размерам журнал народного социалиста С. П. Мельгунова «Свободный Голос» (впрочем, название многократно менялось: по представлению советского посла Богомолова журнал закрывали... но не запрещали выпускать другой, под новым наименованием). Я там участвовал с первых же номеров. Потом перешел в журнал конституционного монархиста Е. А. Ефимовского «Русский Путь» (издававшегося... на пишущей машинке!).

Этого, конечно, было мало. Но в Германии, в лагере Шлейсгейм, действовал Н. Н. Чухнов, выходил журнал (тоже не раз менявший название) «Знамя России», позже перекочевавший в США. В Нью-Йорке существовала газета «Россия» под редакцией Н. П. Рыбакова²³. Но гораздо ближе мне моему сердцу оказалась газета в Аргентине «Вестник» под редакцией В. В. Шапкина²⁴.

Кто-то из старых эмигрантов сообщил мне адрес И. Л. Солоневича, где-то в лагере в Германии. Причем предостерегал меня, что у него-де дурной характер, и он может мне ответить грубостями. Я написал; и ответ получил отнюдь не грубый. Солоневич говорил, что скоро переезжает в Аргентину, будет там выпускать газету, и приглашал меня в соотрудники.

Так и произошло. И дальше, хотя мы во многом расходились во мнениях (в частности, я никогда не разделял его отрицательного отношения ко дворянству и к петербургскому периоду истории России), он мое сотрудничество, видимо, ценил, и у меня с ним конфликтов не возникало.

В Париже дела постепенно изменились. Большевики зарвались со скандальным похищением студента Лапчинского, оказавшего яростное сопротивление. Работе их репатриационных миссий был, в конце концов, положен конец; лагерь в Борегае закрыт. Дышать стало легче...

Надо сказать, что жизнь на Западе в тот момент отнюдь не поражала роскошью (как потом она открывалась эмигрантам третьей волны): все продукты выдавались по карточкам; молоко, например, только при предъявлении врачебной справки. Хлеб некоторое время продавали только маисовый, желтый по цвету и препротивный на вкус.

Но мы искали не материальных благ, а свободы. Увы! Ее мы не нашли... Страшные выдачи шли по всей Европе, в Италии, в Германии... Многие из наших остались навсегда морально сломленными, и не в силах бороться дальше.

Но обо всем этом в двух словах, на двух-трех страницах, не расскажешь... И многое останется неизвестным ни потомкам, ни будущим – уже теперешним – исследователям.

Мой собственный архив, плод многолетней работы, врагам удалось недавно уничтожить. По памяти же, даже если бы я и хотел, мало что можно восстановить.

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), 21 ноября 1998, № 2519–2520, с. 3.

---

²³ Николай Павлович Рыбаков (1890–1963) – издатель, журналист. Участник Белого движения на Востоке России, Участник Первой мировой и гражданской войн. С 1922 в эмиграции, жил в США, в Нью-Йорке. Издатель газеты «Россия», а также журнала «Russia» (на английском языке).

²⁴ Владимир Васильевич Шапкин (1888–1967) – издатель. Казак Богоявленской станицы войска Донского. Окончил Новочеркасское военное училище и Московский археологический институт в Москве. Полковник. Участник Первой мировой и гражданской войн. Член Войскового круга и министр земледелия на Дону. В эмиграции с 1919. Переехал в Аргентину в 1930-х. Основал там Донскую станицу имени П. Н. Краснова и был ее атаманом. Один из основателей и издателей «Русской газеты», «Вестника» (Буэнос-Айрес).

Книги о России на французском книжном рынке

Среди книг о России, пользующихся в последнее время популярностью во Франции, надо в первую очередь назвать «Я выбрал свободу» Кравченко²⁵. Такой же успех она, впрочем, имеет и в других странах. Наши знакомые, побывавшие недавно в Англии, рассказывают, что там ее можно найти в каждом доме. Во Франции русские наталкиваются на эту книгу даже в самой глухой провинции.

Интерес данного в ней материала и мастерство изложения делают книгу мощным оружием пропаганды, производящим на иностранцев сильнейшее впечатление. Недавно мы слышали из уст одной интеллигентной француженки: «Я ничего не знала о России, пока не прочла Кравченко». Было бы и несправедливостью отрицать за автором «Я выбрал свободу» серьезную заслугу перед русским народом.

реалист, то тут мы имеем дело с мистиком. Действительно, книга Корякова исполнена живым религиозным чувством, приводящим автора подчас на грань суеверия. Заметна во всем рука опытного, талантливого журналиста; многие места трогательны, и думается, что они могли быть написаны только добрым отзывчивым и порядочным человеком. Таков эпизод «Ленхен», где описывается, как автор защищал от насилия и унижения одну немецкую девушку в обстановке советской оккупации.

Тем более тяжело и неприятно встретить в той же вещи озлобленные и несправедливые страницы, направленные против власовцев и новой эмиграции. Как много выиграла бы книга, если бы из нее удалить подобные отрывки!

Раздирающую историю Дуньки, советской девушки, не желавшей возвращаться домой и силой захваченной чекистами («Она отбивалась, как тигрица», пишет Коряков), автор дает с каким-то странным, садистическим удовольствием. Почему у того, кто так братски заботился о Ленхен, никакого милосердия не нашлось в сердце для Дуньки, в жилах которой течет наша родная русская кровь?

Я не мог удержаться от возражений по этому поводу, так как здесь, на улицах Парижа, мне, как и другим, так часто приходится встречать подобных Дунек – бедных русских девушек, у которых большевизм отнял все, не только отцов и братьев, погибших, когда в концлагере, когда на поле боя за сталинские завоевания, не только человеческую жизнь, но даже устои и воспитание. Но каждый раз, когда имеешь терпение ближе взглянуть в судьбу такой беглянки, для которой все слилось в протесте, для которой все лучше, чем большевицкое рабство, находишь в ней, сквозь всю внешнюю грубость и простоту, говоря словами Некрасова: «Золото, золото – сердце народное».

Не удивительно, что иностранец, никогда не изведавший их доли, часто не может их понять и смотрит на них с презрением... Но как Коряков, сам сын того же великого народа, сам знающий большевизм, сам «выбравший свободу», не видит в них сестер? Или ему кажется, что его случай – исключение, а все остальные новые эмигранты – низший сорт?

Все это – молвит без обиды; я очень высоко ставлю творчество Корякова и его идеологию; но видно, что он еще ищет себя и во многом не нашел настоящей точки зрения.

Третья книга, о которой нельзя не упомянуть, носит название «Я выбрал виселицу» и, якобы, написана со слов самого генерала Власова хорошо знавшим его человеком. Но для каждого, знакомого с Власовским движением, с первых же строк делается ясно, что это – просто грубый подлог, исходящий из советских кругов. Это доказывают многочисленные анахро-

---

²⁵ Виктор Андреевич Кравченко (1905–1966), невооруженный, автор известной книги «Я выбрал свободу», описывающей коллективизацию и голод в СССР. С 1943 жил в Нью-Йорке. В 1949 в Париже выиграл шумный «процесс Кравченко», иск о клевете против французской коммунистической газеты «Les Lettres françaises». В 1966 погиб при подозрительных обстоятельствах (официально его смерть считается самоубийством).

низмы (то и дело различные действия приписываются лицам в такое время и в таком месте, когда это физически было невозможно), но еще более утрированное стремление доказать, что все дело Власова было с самого начала – «и глупостью, и изменой». Иностранцев, совершенно неосведомленных о фактах, это «произведение» может порою ввести в заблуждение; всякий русский антибольшевик с презрением отбросит эту фальшивку; легко понять, кто и зачем ее сфабриковал! Характерно, что книга издана большим тиражом и по довольно дешевой цене.

Скажу несколько слов еще об одном литературном событии. Весь русский Париж возмущен рядом статей известного французского писателя Франсуа Мориака²⁶, опубликованных в «Фигаро», в которых он настойчиво проводит идейку, что, мол, беда не в коммунизме, а в русской нации, что большевизм продолжает дело русских Царей, и т. п., и т. п., повторяя все те тошнотворные благоглупости о России, в каких испокон века изоощряются ее враги.

Мориак – воплощение идиотизма известной части французских «правых». Для них ксенофобия, бессмысленная ненависть к иностранному вообще, заслоняет лик действительного врага – мирового коммунизма – и мешать им видеть настоящих союзников – угнетенные большевизмом народы.

«Россия» (Нью-Йорк), 26 февраля 1948, № 3821, с. 3–4.

---

²⁶ Франсуа Мориак (1885–1970) – французский писатель, один из самых крупных католических писателей XX века, лауреат Нобелевской премии по литературе.

К истории эмигрантской монархической печати

В заметке по поводу кончины Н. Э. Вуича²⁷, в «Нашей Стране» от 4-го января, А. Ростов²⁸, перечисляя основных сотрудников некогда выходившего в Риме журнала «Русский Клич», то ли по рассеянности, то ли по недостатку места, не упомянул меня. Свой список он завершает грустными словами! «Из них сейчас я один остался в живых».

Как факт, я тоже. А что я там работал, легко убедиться, перелистав комплект журнала. Впрочем, можно и без того. В книге покойного профессора Б. Н. Ширяева «Ди-Пи в Италии» (Буэнос-Айрес, 1952) имеется такой абзац:

«Первыми примкнувшими к "Кличу" Сакова²⁹ и Вуича были Виктор и я. За ними потянулась лагерная молодежь. За границей откликнулись молодые Рудинский и Каралин³⁰, старик Юрпе. "Клич" стал выходить уже брошюрой, не хуже, а даже и лучше многих народившихся тогда по германским лагерям русских изданий. В Италии он был единственным».

Не помню, возникали ли у меня контакты с Н. Э. Вуичем. Зато переписывался я с Б. Н. Ширяевым и с А. Н. Саковым; с этим последним, с перерывами, до самой его недавней еще смерти, неожиданной, безвременной и глубоко меня огорчившей. Кроме того, два или три раза он, приезжая в Париж, урывал время встретиться со мной, и беседы у нас всегда получались сердечные и интересные.

Оно, вроде бы, и не важно: писал я в «Русском Кличе» или нет; да и, как говорится: «Где наша не пропадала!». Но тут есть другая сторона. Быстро и прочно забыт тот существенный вклад, какой наша, новая эмиграция внесла, после Второй мировой войны, в оживление русской заграничной прессы, особенно же монархической.

Немудрено: левая зарубежная общественность столь для нее неудобные обстоятельства игнорировала и замалчивала; и, к несчастью, с большим успехом. Сейчас, когда появилась новейшая эмиграция, когда свободное слово начало проникать через железный занавес в СССР, – некому про это рассказать, да кто и может, не придает тому значения; а напрасно!

Я же, признаться, не без гордости и удовлетворения вспоминаю о том периоде жизни, – однако, тяжелом и полном лишений и затруднений, – и именно об этой части моей журналистской деятельности; а она была никак не оплачиваемой, и не только невыгодной, а иногда и прямо опасной.

Не буду касаться здесь «Свободного Голоса» народного социалиста С. П. Мельгунова, где я опубликовал первые свои статьи в изгнании. Но назову «Русский Путь» конституционного монархиста Е. А. Ефимовского, выходивший в Париже на пишущей машинке, а потом, когда на

---

²⁷ Николай Эммануилович Вуич (1897–1976) – общественный деятель. Выпускник Пажеского Его Величества корпуса. Сражался в рядах Добровольческой армии. В эмиграции с 1920. Жил в Югославии, Франции, Италии, Люксембурге, Бельгии. Почетный директор Судебной палаты Европейского содружества. Начальник Походной Канцелярии Великого князя Владимира Кирилловича. Один из основателей журнала «Русский клич» (Италия, 1948–1949).

²⁸ Сергей Викторович Сигрист (псевдонимы А. Ростов, проф. Грогов, Сиверс; 1897–1986) – журналист, общественно-политический деятель. Монархист. Окончил Императорское училище правоведения в Петербурге. Профессор международного права. В 1930 был обвинен в участии в монархическом заговоре академика С. Ф. Платонова и приговорен к 5 годам заключения. Во время Второй мировой войны воевал в штрафбате. Попал в плен. Занимался антикоммунистической деятельностью как публицист. После войны жил в Италии, преподавал русский язык. Многолетний сотрудник газеты «Наша страна» (Буэнос-Айрес). Генеральный секретарь Российского Народно-Монархического Движения. Наблюдатель Русской Православной Церкви зарубежом в Ватикане.

²⁹ Александр Николаевич Саков (1915–1974) – ученый-экономист, общественно-политический деятель. Окончил факультет политических наук Римского университета. Работал в Институте земледелия в Риме. Секретарь Русского собрания в Риме.

³⁰ Каралин (наст. имя Владимир Семенович Гацкевич; 1917–1985) – журналист. Секретарь редакции смоленской газеты «Ударная стройка». Библиограф в Смоленской центральной библиотеке. В период немецкой оккупации ответственный секретарь газеты «Новый путь». С 1950 жил в США, работал диктором радиостанции «Голос Америки». В 1958 вернулся в СССР.

ротаторе, когда и типографским способом. Он, собственно, печатается и теперь, под редакцией Г. Н. Колесова; но это уже совсем другой журнал (хотя и вполне симпатичного направления).

Что до «народившихся тогда по германским лагерям русских изданий», эта фраза Б. Н. Ширяева вызывает в моей памяти журналы, редактировавшиеся Н. И. Чухновым, сделавшим, надо ему отдать должное, в тот период много полезного, – и с незаурядным мужеством: «Обзор иностранной печати», «На Переломе», постепенно превратившиеся в нынешнее, теперь уже нью-йоркское «Знамя России», – увы, отошедшее, за последнее время, от самых драгоценных идеалов и принципов, каковым оно прежде служило.

В данных изданиях я тоже прилежно сотрудничал, вместе с упоминаемым в книге Ширяева Владимиром Каралиным. Как и почему он, – новый эмигрант, убежденный монархист, судя по статьям и письмам, человек искренний и порядочный, – решился несколько лет спустя, будучи в США, вернуться в Советскую Россию, это для меня и по сей час загадка, подробности которой мне остались неизвестны...

Об участии моем, весьма энергичном, в изданиях Н. Н. Чухнова, он сам засвидетельствовал в своей книге «В смятенные годы» (Нью-Йорк, 1967), но, к сожалению, в скупых и даже двусмысленных выражениях: «С благодарностью вспоминаю... исчезнувшего с парижского горизонта Владимира Рудинского». Впрочем, к тому моменту, наши с ним политические дороги прочно и непоправимо разошлись.

Наша, монархистов из новой эмиграции, борьба выражалась, понятно, не только в журнальных и газетных статьях, а и в выступлениях с трибуны, в участии в политических организациях; проявлялась она и в опубликовании немалочисленных книг (к коим принадлежат и блестящие «Записки продавца кукол» Б. Н. Ширяева, цитировавшиеся мною выше). Но обо всем этом нужно бы было говорить отдельно...

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), 22 марта 1977, № 1412, с. 4.

Так мы и жили...

Резко враждебная атака на меня А. Ефимовой («Наша Страна», № 1682) заставила меня лишний раз задуматься о судьбах русской печати в изгнании.

Наша зарубежная культура изначально влачила тяжкий груз, вроде прикованного к ноге каторжника ядра; мертвый груз, от коего и по сей час полностью не освободилась (а ныне встают на горизонте новые опасности!): недоброе наследие воззрений левой интеллигенции, десятилетиями делавшей революцию и в ужасе сбежавшей от ею же порожденного детища. Она не могла отречься от взглядов, приросших к ней как собственная кожа; и если умом постигла их порочность, гордость ей не позволяла в том сознаться. Даже половинчатое отречение от старого мира далось немногим, – чьи голоса с ловкостью душили безмолвием, хотя бы речь и шла о широко известных писателях (Амфитеатров³¹, Арцыбашев³², Наживин³³). Пересмотреть прежнее, перестроиться на новое и нужное оказалось эмиграции тем труднее, что за роковой промежуток керенщины большинство послов и представителей России за границей было смещено и заменено человечками, потребными для дела сатанинского псевдопрогресса. И в их-то руках, при радостном попустительстве Запада, сосредоточились средства и возможности.

Фатальным явилось и другое. Левые представляли собою людей, прошедших солидную политическую школу, привыкших проводить свою линию в условиях оппозиции правительству (с которым, по его либеральной снисходительности, бороться-то мало чем грозило!), приучавшей к притворству и хитрости. Правые, наоборот, вербовались из бывших офицеров и чиновников, воспитанных в принципах законности и дисциплины, готовых повиноваться власти, которой верно служили, но совсем не подготовленных к агитации, отстаиванию своих идей и к пропаганде своих убеждений (да и убеждения эти, пусть трезвые и твердые, были у нее скорее вопросом чувства и здравого смысла, чем результатом четко сформулированной программы). Добавим еще бредовой и губительный, в обстановке политической эмиграции, лозунг военного возглавления: «Армия вне политики!».

Европа, между тем, вступила в мутные годы увлечения фашизмом. Утерев свои здоровые основы, частично утратив монархию, начиная покидать христианскую веру, колеблясь в своих моральных установлениях, великие и малые западные державы все хуже путались в противоречиях колониального, социального, экономического и мировоззренческого порядка. Фашистское поветрие, в разных формах, коснулось русских беженцев (чем бы держаться за свое, родное, – в десять раз высшее!).

На данном фоне, с журналистикой у эмиграции обстояло так: в левых органах платили, и хорошо (тем, кто был нужен); в правых – все глубже усваивали безумное правило, что писать надо для идеи, бесплатно. Хотя всякий другой труд вознаграждается! Труд же журналиста не столь уж прост и неизбежно связан с расходами: нужно следить за газетами, журналами, книгами, посещать собрания; а все это требует времени и денег. Как это выполнять, если каторжно работаешь и живешь в бедности?! Как обязательное последствие, всякий, кто мог себе пером заработать на хлеб, адресовался в левую печать. Коли уж он был личностью насквозь идейной, то писал там научно-популярные статьи, вел обзор спортивной, театральной или художествен-

---

³¹ Александр Валентинович Амфитеатров (1862–1938) – писатель, публицист, журналист, драматург и театральный критик. С 1922 в эмиграции, в Праге, затем в Италии. Сотрудничал во многих периодических изданиях русского зарубежья.

³² Михаил Петрович Арцыбашев (1878–1927) – писатель, драматург, публицист. В России стал известным после романа «Санин», который вызвал судебные процессы по обвинению в порнографии. В эмиграции жил в Польше, сотрудничал в газете «За свободу!» (1923–1927).

³³ Иван Федорович Наживин (1874–1940) – писатель. Разделял идеи Л. Н. Толстого. Участник Добровольческого движения, сотрудник ОСВАГа. С 1920 в эмиграции. Жил в Болгарии, Югославии, Бельгии. Автор многочисленных исторических романов, фантастических произведений, мемуаров.

ной жизни, не слишком изменяя своим взглядам; но польза-то шла налево, а не направо. Менее же принципиальные люди (каких всегда большинство) просто приспособлялись и писали, что у них спрашивали.

Журналист правого лагеря находился в необходимости работать весь день, почти всегда тяжело (легкой работы русским эмигрантам не предоставляли; тем более – без протекции), а писать потом. Но... как мне один такой журналист рассказывал: «Начнешь писать, а глаза слипаются...» Ну, с писателями еще проще, – тех давили сразу: ни стихи, ни рассказ не опубликуешь; а если и удалось – казнь молчанием (против которой, по мнению А. Ефимовой, этически недопустимо протестовать!).

Присовокупим, что у левых имелся запас грамотной интеллигенции первого и второго сорта, формально ставшей антисоветской, и всегда готовой выполнять заказ. Направо же, помимо иных трудностей, раздоров, ссор (оны-то случались, положим, и у левых), денег не хватало, а когда и были, – разбазаривались нередко зря. Миражи фашизма откололи к тому же от нашего стана сравнительно компактную массу в солидаризм (правда, состоявшую из тех, кто не в силах был вполне избавиться от соблазнов левой идеологии).

Все это радикально ограничивало сотрудничество в правой прессе способных людей; испытывая же необходимость чем-то страницы ее заполнять, редактора открывали волей-неволей двери писакам без таланта, порою и с нелепыми идеями, и старались затем с ними не ссориться. Диво ли, что публика предпочитала левую прессу милюковского типа, где встречала свежую и точную информацию в приличной литературной форме? Так устанавливался трагический заколдованный круг...

Нарисованная выше картина характерна для периода между двумя мировыми войнами, во многом и для позднейшего; но в этом последнем с некоторыми модификациями. Значительное число правых эмигрантов поддерживало немцев, и потому подверглось свирепым преследованиям; а кто и не подвергся, – понятно, сидел тихо. Печатать что-либо по-русски, особенно в первые несколько лет, осмеливались только левые. По счастью, – и к большой их заслуге, – открыто просоветскую печать на русском языке удалось-таки в основном ликвидировать, при помощи реалистически мыслящих кругов западного мира.

С нами, новыми эмигрантами, левые в ту пору говорили откровенно до цинизма. Исповедуешь социалистические взгляды, – на тебе путевку в американский университет в Алабаме или Флориде (НТС своих пристраивал тоже, иными путями). Монархист?! – и все двери перед тобою навек закрыты. И тогда оставались в удел (во Франции, но верно не в ней одной), голод, бытовые и административные затруднения и самая черная работа (лишавшая при том же социального статуса и обрекавшая на всеобщее пренебрежение).

Левые своим помогали. Правые же... Случалось мне тогда поражаться, что они, в общественных и материальных делах, отворачиваясь от единомышленников из новых, выдвигали старых эмигрантов с февралистскими, а то и комунистанствующими настроениями. И на вопросы мне отвечали: «Тех, ваших, мы не знаем... а Иван Иванович служил в энском гусарском полку!». Что тут скажешь?

И. Л. Солоневич, пробивший все стены своим огромным талантом, сделал немало пользы. Беда была лишь та, что сотрудничество с ним связывалось с принятием всех его концепций, часть коих позже себя не оправдала и отпала (например, антидворянские его комплексы, враждебность к петербургскому периоду в целом и пр.). Были и другие, с честью защищавшие в те страшные годы монархическую идею. Никогда не забуду конституционного монархиста Е. А. Ефимовского, ставшего мне другом и отчасти учителем. Сколько ярких сцен рисует мне память из борьбы нашей второй волны за монархию, сообща с разумной – и вопреки безумной! – частью первой. Кое-что о них я, может быть, еще расскажу тем, кто того периода не застал.

Позволю себе несколько выводов. Давайте все вместе стараться создать могучую, популярную в пределах русской диаспоры и дальше, монархическую газету (а можно, так и газетах)! Учтем ошибки, произошедшие перемены. Улучшим качество, – подыметя и тираж; добьемся самокупаемости, – появятся и средства. Имея их, начнем и сотрудникам платить (дело сразу на лад и пойдет). Пока же, не будем их обижать намеками, что они желают эксплуатировать работающих, занимаясь сами праздным переливанием из пустого в порожнее, вымогая от них с ножом к горлу самоотречение и смирение. Им и так не весело; а не они ли, в обстоятельствах Зарубежья, ведут самую активную войну с большевиками и остальными врагами? Скорее уж, попросим тех, кто более доходной службой обеспечил себе мало-мальски обеспеченное положение, оказывать своей газете, в пределах своих сил, материальное содействие.

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), 11 декабря 1982, № 1690, с. 3.

Враги или соратники

Публика, как всегда, с интересом встретила появление нового сборника под редакцией С. П. Мельгунова – «Российский демократ». Многое в нем нас радует и вызывает в нас светлые надежды. На замечание одного корреспондента: «Вы определенно становитесь на путь социалистического объединения, и монархическую эмиграцию Вы отбрасываете», редакция сборника решительно заявляет: «Это – сплошное недоразумение». Те же нотки сквозят в оценке письма в редакцию М. Е. Семенова и в приведении такого высказывания некоего монархиста: «Мы, сторонники восстановления монархии, признаем необходимым подчинить разрешение вопроса о форме правления в освобожденной России решению свободного избранного Всероссийского Учредительного Собрания». Видимо, эта точка зрения вызывает полное одобрение «Российского демократа», а ведь она, собственно говоря, является доминирующей в монархическом движении.

К сожалению, в силу какого-то досадного недоразумения, редакция «Российского демократа» считает, что Высший Монархический Совет занимает иную позицию. Между тем, В. М. С. с полной ясностью провозглашает, что восстановление монархии в России может иметь место не насильственным образом, а лишь через Земский Собор, Земский же Собор будет, разумеется, созван так, чтобы весь русский народ мог свободно выразить свое мнение. Итак, казалось бы, о чем же спорить?

Правда, «Российский демократ» признает только конституционную монархию. Но ведь он же сам защищает лозунг непрещенства. Мы позволим себе и в этом вопросе не торопиться заранее решать за русский народ: формы будущей монархии определит Земский Собор: от него будет зависеть, окажется ли эта монархия самодержавной или конституционной.

Мы ознакомились с несколькими номерами выходящей в Германии газеты «Свобода». Она производит двойственное впечатление. Значительную часть данного в ней материала можно только одобрить. Отметим талантливое стихотворение Дедори Донца «Встречи», прекрасную статью Леонида Галича «Непротивление злу» (о случае с Косенкиной), под которой мы могли бы полностью подписаться, простой, но жуткий рассказ священника М. о его аресте в России – «Бесконечная ночь», блестящую отповедь Корякову в статье «Спор о Дуньке» за подписью В. С. Интересны и заметки по истории антибольшевистской борьбы в России А. Северянина и Ив. Михайловского. Казалось бы, с таким штатом сотрудников, газета могла бы стать интересным информационным и литературным органом. Но совсем другое чувство испытываешь, когда читаешь передовицы и вообще не подписанные, редакционные статьи в той же газете.

Эти статьи ставят себе ясную задачу борьбы с монархизмом. То ли же думают рядовые сотрудники, а тем паче читатели газеты? Думаем, что нет. У них явным образом основная мысль та, что сейчас надо объединить все силы против большевиков и они – мы уверены – не без досады смотрят на своих зарвавшихся «вождей», подменяющих борьбу со Сталиным войною против ненавистной им монархии и тем разрушающих общий фронт.

Мы не можем не относиться с живой симпатией к выходящему в Бельгии журналу «Часовой», хотя бы только в силу его долгого и славного прошлого. Журнал этот был до войны органом русской военной эмиграции и непоколебимо служил выражению идеологии русской армии, всегда боровшейся за Веру, Царя и Отечество. После войны, он превратился из журнала чисто военного в общественно-политический, и это повлекло за собою изменение его политических установок, ставших крайне широкими и гибкими и утративших прежние определенные контуры. Однако, поскольку во главе журнала продолжает стоять все тот же редактор,

Василий Васильевич Орехов³⁴, известный нам как убежденный монархист и стойкий борец за национальную Россию, и поскольку во главе политического движения, начатого «Часовым», стоит Георгий Ермолаевич Чаплин³⁵, капитан Императорского флота, прославившийся своими энергичными действиями во время гражданской войны, не только против большевиков, но и против социалистов (им было, в частности, арестовано русское социалистическое правительство в Архангельске), мы полагаем, что можем относиться к «Часовому» и его деятельности с доверием и сочувствием.

«Русский путь» (Париж), рубрика «Обзор русской печати», октябрь 1948, № 1, с. 3.

---

³⁴ Орехов Василий Васильевич (1896–1990) – журналист, военный и общественный деятель. Участник Первой мировой и гражданской войн. Издатель и соредактор журнала «Часовой» (Брюссель). Основатель Русского национального объединения.

³⁵ Георгий Ермолаевич Чаплин (1886–1950) – военный и общественный деятель. Капитан 1-го ранга. Участник Первой мировой и гражданской войн. С 1920 в эмиграции, жил в Англии. Участник Русского общевойскового союза (РОВС). Один из организаторов Русского национального объединения в Лондоне.

Кризис эмигрантской литературы

Помещенная в «Нашей Стране» в № 298 статья Михаила Бойкова «Литературная клюква» затрагивает проблемы, куда более острые, чем может показаться при поверхностном взгляде. Внимательному читателю она может гораздо больше сказать о причинах кризиса эмигрантской литературы и о путях из тупика, в котором она сейчас находится, чем та многотонная масса бумаги, какая была до сих пор исписана по этому поводу.

Одним из главных несчастий русской эмиграции была укоренившаяся в ней с самого начала ее бытия своеобразная кружковщина и та странная система, при которой маленькие группки людей захватывали все ведущие посты в главных отраслях ее жизни и затем ею тиранически управляли, ревниво не допуская в свою среду никого, к ней не принадлежащего. Так это все время обстоит и обстоит и по сей час в общественной жизни, хуже всего, может быть, во Франции.

То же самое произошло и в литературе. Небольшое число людей, более или менее сами себя назначившие в писатели, поэты и критики, были приняты как непогрешимые авторитеты, и через их неумолимую цензуру могли в дальнейшем пробиться лишь те, кто им был так или иначе близок и приятен, или, самое большее, те, кто с абсолютной покорностью следовал всем их рецептам и указам.

Это худо само по себе. Но еще хуже в силу того, что эти самозванные диктаторы из монпарнассских кафе усвоили себе принципы, совершенно не соответствовавшие запросам читательской массы. Им нравилось только то, на чём, с одной стороны, лежала печать самого мрачного пессимизма, самого безысходного отчаяния: вот почему они и сделали успех Георгия Иванова³⁶, Ходасевича³⁷ и многих других поэтов в этом же роде, о которых справедливо было бы сказать словами Сельвинского³⁸, что у них «столько же поэзии, сколько авиации в лифте». С другой, они все оказались решительными партизанами чеховской традиции, по которой в романе или рассказе ничего не должно случаться.

Какой-либо сюжет, что-либо похожее на движение, не скажу уж, Боже упаси, на приключения, вызывали в них глубокое отвращение. Это для них был Пинкертон³⁹, чтиво для обывателя, детские книжки, все, что угодно, только не серьезная литература. И в смысле создания повестей, где все стоит на месте без всякого дуновения жизни или хотя бы движения воздуха, кто сможет соперничать с поднятым ими на щит Борисом Зайцевым⁴⁰. Наконец, глубокая тяга к выверту, к чему-то неестественно вычурному в стиле и выражениях дополняла картину этого декаданса, возведенного в догму.

Между тем, их читателями была масса обыкновенных русских людей средней культурности, с обыкновенными человеческими запросами. И именно потому, что жизнь многих из них была тяжела, у них была настоятельная потребность развлечься и забыться, и почерпнуть

---

³⁶ Георгий Владимирович Иванов (1894–1958) – русский поэт, писатель, публицист, критик. Один из крупнейших поэтов русской эмиграции.

³⁷ Владислав Фелицианович Ходасевич (1886–1939) – русский поэт, литературовед, критик, историк литературы. С 1922 в эмиграции, жил в Париже. Возглавлял литературный отдел газеты «Возрождение».

³⁸ Илья Львович Сельвинский (1899–1968) – писатель, поэт, драматург. Основатель Литературного центра конструктивистов.

³⁹ «Пинкертоновщина» – синоним детективно-приключенческой литературы, названной так по имени популярного героя серии детективов, сыщика Ната Пинкертона.

⁴⁰ Борис Константинович Зайцев (1881–1972) – писатель, переводчик. В эмиграции с 1922, сначала в Германии, затем в Италии. С 1924 жил в Париже. Член правления, а с 1945 председатель Союза русских писателей и журналистов в Париже. Сотрудничал в парижских журналах «Иллюстрированная Россия», «Современные записки», газетах «Возрождение», «Последние новости», «Русская мысль»; в журнале «Грани» (Франкфурт-на-Майне), «Новом журнале» (Нью-Йорк) и др. Писал романы, повести, рассказы и очерки, беллетризованные биографии русских писателей (И. С. Тургенева, А. П. Чехова).

из книг запас бодрости и энергии, которых не всегда хватало; им хотелось чего-нибудь яркого и увлекательного. Сирины⁴¹, Газдановы⁴² и тутти куанти мало им могли в этом помочь. При том, эта масса, начиная с первых же дней, жила бурными политическими интересами, а русская зарубежная литература старательно изображала аполитичность. Масса эмиграции всегда была и остается настроенной право, а писатели, под маской индифферентности, были в большинстве левыми, отчасти, может быть, в силу правила «бытие определяет сознание»; не будем расшифровывать, так как понять выгоду быть левым, в эмигрантских условиях, не трудно.

Что же делала публика? Во-первых, читала, кто в оригинале, а кто в переводе, тех писателей, которых перечисляет Бойков, как Конан Дойля, Честертон, Агату Кристи. Чего тут особенно стыдиться, когда ими зачитывается весь мир, и не испытывает по этому поводу никакого комплекса неполноценности? И притом, даже в плохом переводе или на плохо понятном языке они все же не в пример легче для уразумения, чем многое из упражнений хотя бы того же, по своему, впрочем, талантливого Сирина (не будем уж говорить о Ремизове⁴³!).

Во-вторых, она читала по-русски то, что хоть сколько-нибудь отвечало ее запросам. Отсюда бурный успех не только Краснова⁴⁴, но даже и какого-нибудь Брешко-Брешковского⁴⁵, и посмертная популярность сочинений Крыжановской⁴⁶, и посейчас принадлежащих к числу самых ходких книг в русских библиотеках.

В то же время, надо учесть, что то отталкивание от всего написанного по-русски, которое является типичной чертой русской молодежи за границей, в значительной мере объясняется именно вот этим характером русской зарубежной литературы, теми флюидами гниения и скуки, какие от нее исходят. Исключения, понятно, есть, как, например, Алданов⁴⁷, статично-

---

⁴¹ Владимир Владимирович Набоков (псевдоним Сирин) (1899–1977) – писатель, поэт, литературовед. В эмиграции с 1919. Жил в Германии, Великобритании, Франции, Швейцарии. Писал по-русски и по-английски.

⁴² Гайто (Георгий) Иванович Газданов (1903–1971) – писатель, журналист, литературный критик. Участник гражданской войны. С 1920 в эмиграции. Жил Константинополе, затем в Париже. Работал на радио «Свобода». Автор нескольких романов, рассказов, литературно-критических эссе, рецензий.

⁴³ Алексей Михайлович Ремизов (1877–1957) – писатель. Отбывал 5-летнее наказание в ссылке за сопротивление полиции во время демонстрации. С 1921 в эмиграции. Жил в Берлине, затем в Париже, плодотворно занимаясь литературной деятельностью. В конце жизни получил советское гражданство, однако остался жить в Париже.

⁴⁴ Петр Николаевич Краснов (1869–1947) – военный, писатель, публицист, общественный и политический деятель. Генерал-майор Русской императорской армии. Атаман Всевеликого Войска Донского. Видный деятель Белого движения. С 1920 в эмиграции. Автор романа-эпопеи «От двуглавого орла к красному знамени» и других популярных произведений, переведенных на многие языки. Сотрудничал с Русским общевоинским союзом, «Братством Русской Правды». Участвовал в создании «Казачьего стана» в Италии. В 1945 был выдан британским командованием в г. Лиенце (Австрия) и казнен в Москве вместе со своими соратниками.

⁴⁵ Николай Николаевич Брешко-Брешковский (1874–1943) – писатель, журналист. Сын одной из создателей партии эсеров Е. К. Брешко-Брешковской, из-за ссылки матери воспитывался с 10 лет в семье дяди на Вольни. По окончании Ровенского реального училища в 1893 жил в Петербурге, публиковался в «Наблюдателе», «Биржевых новостях», «Русском слове», «Новом слове», «Звезде», «Ниве», «Огоньке» и других газетах и журналах. Издавал сборники повестей и рассказов, романы, и вскоре стал популярным писателем, одним из родоначальников русского политического детектива. Также писал о живописи и русских художниках. В 1920 эмигрировал в Варшаву, писал политические романы. В 1927 по требованию властей покинул Польшу и переехал в Париж. Сотрудничал в эмигрантских газетах и журналах «Иллюстрированная Россия» (Париж), «Для вас» (Рига), «За Родину» (Рига), «Наше слово» (Рига); в общей сложности опубликовал более 60 романов. Погиб во время бомбардировки Берлина британской авиацией.

⁴⁶ Вера Ивановна Крыжановская (в замужестве Семенова, псевдоним Рочестер; 1857–1924) – писательница. Интересовалась спиритизмом и оккультизмом. Утверждала, что ее романы были продиктованы ей духом английского поэта Джона Уилмота, графа Рочестера. Писала на французском языке, затем написанное переводилось на русский язык и редактировалось автором. Помимо исторических и спиритических произведений писала сочинения на современные темы. За описание быта Древнего Египта в книге «Железный канцлер Древнего Египта» Французская Академия наук присвоила ей почетное звание «Офицер Французской Академии». Роман «Светочи Чехии» был удостоен почетного отзыва Российской Императорской Академии наук. После революции эмигрировала в Эстонию. Более двух лет работала на лесопильном заводе, что отрицательно сказалось на ее здоровье, заболела и умерла в нищете.

⁴⁷ Марк Алданов (наст. имя Марк Александрович Ландау) (1886–1957) – русский писатель, публицист, химик. С 1919 в эмиграции. Жил во Франции, в 1940 переехал в США, после войны вернулся во Францию. Наиболее известны его исторические романы.

сти абсолютно чуждый; но его замолчать было невозможно, да и его левизна заставляла критику прощать ему многое.

Между тем, почему, собственно, эпигоны Чехова, конечно, не имеющие таланта своего учителя, возвели себя в сан единственных продолжателей русской литературной традиции? Будто в России не было «Капитанской дочки», или «Героя нашего времени», или «Преступления и наказания» с их острой сюжетной линией? Или гоголевского «Портрета», лермонтовского «Штосса», «Упыря» Алексея Толстого, с их загадочной мистикой? Кто и почему наложил табу на продолжении этой традиции?

Казалось, все идет гладко в русской зарубежной литературе, но прямой дорожке к безболезненной смерти. Читателей охочих на то, что она предлагала, делалось все меньше и меньше; читали классиков, читали на иностранных языках, не читали вовсе, но никто не желал пить из их усыхающей лужи. Дело мирно сходило на нет.

Но тут произошел непредвиденный кризис. Волна новой эмиграции внесла два изменения: дала авторов, желающих писать по-новому, и читателей, желающих читать – то актуальное и интересное, и непременно по-русски. И повсюду саван стал рваться, и из-под льда стали пробиваться цветы. Скажем, стихи Олега Ильинского⁴⁸ куда ближе к Гумилеву, чем к Георгию Иванову. «Денис Бушуев» Сергея Максимова⁴⁹, как и названное выше «Преступление и наказание», не только психологический, но и детективный роман (имеем в виду главным образом его первую, наиболее удавшуюся часть). «Девушка из бункера» Л. Ржевского⁵⁰ полна самой живой актуальности, не боящейся современных и политических тем. «Мнимые величины» Н. Нарокова⁵¹ от начала до конца держат читателя в напряженном любопытстве перед рядом поставленных ему загадок.

К этой же струе относятся и те романы, из-за которых сейчас сыр-бор загорелся: «Две силы» И. Л. Солоневича и «Рука майора Громова» Михаила Бойкова. Вовсе напрасно говорить о них, что они «легкое чтение» и т. п., как с чрезмерной скромностью признает М. Бойков. О романе Солоневича во всяком случае. Его герои – живые люди с интересной и индивидуальной психологией, а картины быта в нем ценнее, чем в десятках эмигрантских романов. Попытки снобов из «прогрессивной» старой эмиграции их критиковать с точки зрения жизненной пра-

---

⁴⁸ Олег Павлович Ильинский (1932–2003) – поэт. С 1944 жил с родителями в Германии, с 1956 в США. Публиковал стихи и эссе о русской литературе в журналах «Грани» (Франкфурт-на-Майне), «Новом журнале» (Нью-Йорк) и многих других изданиях русской эмиграции. Автор пяти сборников стихов.

⁴⁹ Сергей Сергеевич Максимов (наст. имя Пасхин; 1916–1967) – советский писатель, поэт, драматург. В эмиграции жил в Германии и США. Входил в редколлегию журнала «Грани» (Франкфурт-на-Майне). Наиболее известное произведение – роман «Денис Бушуев».

⁵⁰ Ржевский Леонид (наст. имя Леонид Денисович Суражевский; 1905–1986) – писатель, литературовед. В 1930 окончил литературно-лингвистическое отделение педагогического факультета 2-го Московского государственного университета. Преподавал в Орехове, Туле, Москве. В 1941 защитил в качестве кандидатской диссертации составленный им двухтомный словарь языка «Горя от ума». Защита состоялась 28 июня, а 1 июля ушел на фронт в звании лейтенанта. Был помощником командира дивизионной разведки, попал в плен. В 1941–1943 в лагерях для военнопленных. В 1943 был освобожден и служил лектором для учителей на оккупированной территории. После 1944 жил под Мюнхеном и взял псевдоним Ржевский, в 1950–1953 жил недалеко от Франкфурта-на-Майне, где был редактором журнала «Грани» (1952–1955). В 1953–1963 преподавал в Лундском университете в Швеции. В 1963 он переехал в США, где ему предложили место профессора в Оклахомском университете. Позднее профессор славянской литературы в Нью-Йоркском университете. Член американского Пен-клуба. Публиковал книги а также статьи в журналах «Мосты» (Мюнхен), «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Грани» (Франкфурт-на-Майне), «Литературный современник» (Мюнхен), «Воздушные пути» (Нью-Йорк), «Континент» (Париж), «Посев» (Мюнхен).

⁵¹ Николай Нароков (наст. имя Николай Владимирович Марченко; 1887–1969) – писатель. Окончил Киевский политехнический институт, затем работал в Казани. Принимал участие в денкинском движении, попал в плен, но сумел бежать. До 1932 преподавал в школе математику, затем как бывший участник Белого движения был арестован и осужден на несколько лет. С 1935 жил в Киеве, откуда в 1944 эмигрировал в Германию. В 1950 переехал в США, где жил в Монтере (Калифорния) вместе с сыном, поэтом Николаем Моршеном, преподавал русский язык. Сотрудничал в «Новом журнале» (Нью-Йорк), газетах «Русская мысль» (Париж) и «Новое русское слово» (Нью-Йорк). Опубликовал книги «Мнимые величины» (Нью-Йорк, 1952), «Могу» (Буэнос-Айрес, 1965).

вильности просто смешны: не стоит им придавать значения. Они нам, новым эмигрантам, будут говорить о жизни в СССР! Только этого, в самом деле, еще недоставало.

Другую часть не публики, а критиков, возмущает самый жанр этих вещей, как будто по-русски нельзя писать детективные и приключенческие романы. Да почему же собственно? Даже если бы их до сих пор и не писали, отчего же нельзя попробовать?

Что до обвинений в несерьезности и просто замалчивания со стороны критики, хочется вспомнить совет архиерея из одного из лесковских рассказов: «Не устрашайтесь!». Давайте, будем писать, как нам сердце подсказывает. Если мы больше нравимся публике чем престарелые наставники, всегда наводившие на нас одну лишь скуку, и вызывавшие уважение разве только тем, что, желая «ученость свою показать», говорят очень непонятно, то этого пока с нас и довольно. Потомство уж разберет, кто был прав, кто виноват в нашем споре. И, может быть, его суд будет для нас более снисходителен, чем таковой нынешних властителей русского Парнаса из кафе «Ротонда» и всяких прилегающих к нему областей.

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), 17 ноября 1955, № 304, с. 3.

На зыбкой почве

Само по себе, оно бы радостно, что в Советском Союзе стали теперь интересоваться литературой второй эмиграции. Хотя некоторые тенденции в разработке данной темы решительно неприятны. Например, о чем мы уже упоминали прежде, стремление смягчить «вину» новых эмигрантов, якобы оказавшихся за границей случайно и против их воли, и уж тем более мол не борющихся никогда активно против советской власти.

К несчастью, почва к тому подготовлена была отчасти уже в Зарубежье. Я бы мог, скажем, назвать имя уже покойного поэта и критика, тщательно скрывавшего свою службу в РОА, и с успехом унесшего свой секрет в могилу. Сдается, – таких случаев было много... Еще бы! Правда, в годы после войны, могла стоять жизни, а в более позднее – принести всяческие неудобства.

Особую неутомимость проявляет в исследовании прозы и поэзии второй волны В. Бондаренко – см. его статьи в московском журнале «Слово», № 10 за 1991 год, «Казненные молчанием» и в московской же газете «Русский Рубеж», № 11, за тот же год и «Архипелаг “дипии”» (эта последняя перепечатана в мюнхенском альманахе «Вече» № 42).

Однако при освещении им вопроса, встает под его пером целый ряд неясностей.

Они относятся, в первую очередь, ко хронологической классификации. Навряд ли можно, – хотя для нас было бы и лестно! – причислять к нашей второй эмиграции И. Л. Солоневича и его семью. Их бы надо или выделять в особую промежуточную группу, или бы уж скорее считать за продолжение первой эмиграции.

собственно к послевоенной эмиграции (которую американцы пытались наглухо отделить от нашей, рассматривая нас как изменников родины, а тех как ни в чем не скомпрометированных искателей свободы). На деле-то они, положим, быстро слились с нами. Стоило бы все же отметить, что Коряков на первых порах являлся активным врагом, критиком и обвинителем второй волны, и лишь гораздо позднее с нею более или менее примирился.

Кроме того, предлагаемый Бондаренко термин дипийская литература весьма спорен и чреват недоразумениями. Обозначение Ди-Пи, то есть *displaced persons* имело чрезвычайно широкое применение. Оно прилагалось не только к беженцам из советской России времен Второй мировой войны (о которых в узком смысле и толкует автор), а равно и к старым русским эмигрантам из Прибалтики, Польши, Румынии, Чехословакии, с Балкан, и даже из восточной части Германии. Эти последние, между прочим, иногда даже писали про нас (например, И. Сабурова⁵² в книге, которая так и называется «О нас» или Н. Чухнов в книге «Смятенные годы»), но – как бы со стороны.

Более того, тот же термин *displaced persons* обнимал беженцев из числа коренного населения Прибалтики, Польши и всех стран восточной и центральной Европы. А это уже выводит нас далеко за рамки русской литературы и культуры (в числе литературных памятников других

---

⁵² Ирина Сабурова (наст. имя Ирина Евгеньевна Кутитонская, в замужестве Перфильева, затем баронесса фон Розенберг; 1907–1979) – писательница, поэт. Родилась в семье офицера. Училась в Риге. Воевала в Белой армии. Была замужем первым браком за поэтом Александром Михайловичем Перфильевым. Печататься стала в рижской газете «Сегодня» в 1922. Писала стихи, прозу, сказки, делала переводы зарубежных прозаиков. Публиковалась в журналах «Балтийский альманах» (Рига), «Наш Огонек» (Рига), «Для Вас» (Рига), «Для всех» (Рига), «Новая нива» (Рига), «Новая неделя» (Рига), «Иллюстрированная Россия» (Париж), газетах «Маяк» (Рига), «Двинский вестник» (Рига), «Русский вестник» (Рига) и «Правда» (Рига). С 1946 жила в Германии. Работала в Мюнхене на радиостанции «Свобода» (с 1953). Сотрудничала в газете «Новое русское слово», была секретарем редакции ежеквартального журнала «Голос Зарубежья». Издавала стихи А. М. Перфильева. Автор книг «Тень синего марта» (Рига, 1938), «Королевство алых башен» (Мюнхен, 1947), «Корабли Старого города» (Мюнхен, 1950), «Разговор молча» (Мюнхен, 1956), «Копилка времени» (Мюнхен, 1957), «Счастливое зеркало» (Мюнхен, 1966), «Королевство» (Мюнхен, 1976), «После...» (Мюнхен, 1961), «О нас» (Мюнхен, 1972).

народов, пострадавших от большевиков есть и весьма примечательные как романы румына В. Георгиу⁵³).

Для наименования нашей литературы, литературы второй российской эмиграции, хотелось бы найти иное слово.

Тем более, что в устах старой эмиграции, в частности во Франции, это выражение, дитя часто произносилось с оттенком презрения и недоброжелательности, делающими его употребление, в качестве литературоведческого термина, не совсем удобным.

Положим, Б. Ширяев назвал свою замечательную книгу «Ди-Пи в Италии»; но или он вкладывал в это заглавие иронический смысл, или не ощущал его пейоративного звучания.

С особой горечью читаю я в статьях В. Бондаренко сочувственные, почтительные упоминания имени страшного человека, встреча с которым некогда едва не окончилась для меня гибелью⁵⁴. В годы Второй мировой он был внедрен большевиками, в составе целой группы, в немецкую полицию на оккупированной зоне России, с заданием истреблять или по меньшей мере ущемлять русских антикоммунистов, каковых советская власть рассматривала как потенциально себе опасных, а также всячески толкать немцев на жестокости и несправедливости, дабы озлоблять против них местное население.

Почуввав опасность разоблачения, этот господин перебежал на сторону красных; сообщники его были выявлены и ликвидированы.

После же войны он всплыл в Италии, где, вкравшись в доверие к англичанам, энергично содействовал выдаче власовцев и бойцов кавказского легиона. Много еще черных дел на совести у этого Иуды; о чем есть письменные показания покойных, и о чем бы нашлись устные свидетельства живых. Но непонятное покровительство ему известных американских учреждений связывает языки.

Сей субъект, может быть, и должен почитаться за героя советского шпионажа и за ветерана чекистской разведки. Но выступать в роли представителя второй эмиграции, глубоко антикоммунистической по своим настроениям, он определенно не имеет ни малейшего права!

Очень жаль, что он сумел ввести в заблуждение В. Бондаренко. Хотим надеяться, что тот, хотя бы и с опозданием, одумается и разберется в своей ошибке!

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), 22 февраля 1992, № 2168, с. 2.

---

⁵³ Константин Виргилий Георгиу (Constantin Virgil Gheorghiu; 1916–1992) – румынский писатель, священник Румынской Православной Церкви.

⁵⁴ Речь идет о Н. Н. Рутченко-Рутыче (1916–2013).

Русские книги из Южной Америки

Две последние книги, выпущенные издательством «Наша Страна» в Буэнос-Айресе «Рука майора Громова» Михаила Бойкова и «Всюду жизнь» Николая Кусакова, представляют собою определенную удачу. Оба романа известны уже части публики, ибо печатались в свое время в газете «Наша Страна», но оба выигрывают при чтении целиком и подряд. Между ними то общее, что как в том, так и в другом, действие происходит в Советской России, и они явно написаны новыми эмигрантами. Во всем остальном, однако, по жанру, стилю и приемам эти два произведения глубоко различны, в силу чего их можно бранить или хвалить, но нельзя сравнивать между собою, нельзя утверждать, что одно из них лучше другого.

«Рука майора Громова» вызвала при своем опубликовании в газете весьма интересную полемику, которой стоило бы отвести больше места и времени, чем это было сделано, и в которой мы стоим полностью на стороне автора романа. Вопрос шел о допустимости в русской, и в частности в эмигрантской печати детективного и вообще авантюрного жанра. Аргументы противников Бойкова, очень страстные и раздраженные, удивили нас еще тогда своей неубедительностью. Бесспорно, что сейчас по всему миру детективные романы пишутся и читаются в огромном количестве. Это, впрочем, не явление последнего времени: их успех начался еще в прошлом веке, с романами Конан Дойля и до него с рассказами Эдгара По. Бесспорно и то, что русские эмигранты почти все читают детективные истории по-французски или по-английски, как кто может, и без сомнения читали бы по-русски, если бы такие по-русски были.

Найдутся люди, которые ответят, что подобный род литературы сам по себе является «нездоровым» и «вредным», и что интерес к нему эмиграции есть акт подпадения под губительное влияние Запада. Оставляя в стороне факт, что тяга к этому виду чтения налицо и в Советской России, где даже не раз делались попытки создания «советского Пинкертон» или «советского Шерлока Холмса», непонятно, почему сочинения Агаты Кристи хуже, чем Франсуаза Саган⁵⁵ или Сартра⁵⁶? Эти последние входят в сферу психологического романа: но мы думаем, что на впечатлительного читателя, а особенно на молодежь, они действуют в десять раз отрицательнее, чем даже самые низкопробные повествования о приключениях сыщиков и преступников. И между тем, можно бы без труда назвать в эмигрантской литературе произведения, отмеченные печатью того же западного разложения, стоящие на грани порнографии и извращения, и с ними эмигрантская критика мирится; но детективный роман ее почему-то приводит в возмущение.

Другой довод тот, что этого жанра не было в дореволюционной литературе. По здравому смыслу, это ровно ничего не значит, ибо ведь все постепенно меняется, и нельзя законсервировать предрассудки, лишённые какого-либо основания, лишь потому, что они когда-то существовали при совершенно иных условиях, чем нынешние. Но данное рассуждение и само по себе сомнительно. Ибо где лежит грань между детективным и психологическим романом? По форме «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» было бы справедливо назвать детективными романами; и в свою очередь лучшие из рассказов Честертона ближе к психологическому, чем детективному жанру, и даже Агата Кристи, если взять роман, как «Sad Sypress», или Дороти Сейерс⁵⁷, если взять ее «Gaudy Night», создали прекрасные образцы психологического анализа.

---

⁵⁵ Франсуаза Саган (Françoise Sagan; наст. имя Куаре [Quoirez]; 1935–2004) – французская писательница, драматург.

⁵⁶ Жан-Поль Шарль Эмар Сартр (Jean-Paul Charles Aymard Sartre; 1905–1980) – французский писатель, драматург, критик, журналист, общественный деятель. Представитель атеистического экзистенциализма. Лауреат Нобелевской премии по литературе (от которой отказался).

⁵⁷ Дороти Ли Сейерс (Dorothy Leigh Sayers; 1893–1957) – английская писательница, драматург, переводчик. Одна из основателей британского Детективного клуба.

Тот факт, что в области детективного романа пишется немало халтуры, не может что-либо доказать; пишут ее и во всех других областях. Если пытаться делать общие заключения, надо брать вершины, как Конан Дойль, Эдгар По, Честертон и др.

Ригористы любят еще заводить речь о том, что, мол, наша родина страдает, и мы не должны об этом забывать, и т. п. Но это оружие против Бойкова обратить как раз невозможно, ибо она именно и посвящена изображению ужасов большевизма и борьбы с ним. Можно бы скорее уж наоборот критиковать ее за пропагандное, политическое направление. Но как в эмиграции возражать против перенесения антибольшевистской борьбы в сферу художественной литературы? Полагаем, что это есть явление неизбежное, да и имеющее свои положительные стороны.

Если же разбирать «Руку майора Громова» с чисто литературной точки зрения, легко заметить в этом интересном и легко читающемся романе ряд дефектов, вероятно связанных с тем, что это первая попытка автора в данном жанре, да и тем, что самый этот жанр мало разработан в русской литературе. Пожелаем, чтобы Бойков написал еще вещи в том же роде, и мы уверены, что они будут иметь уже более высокую технику. Покамест же персонажи слишком поверхностно показаны, без настоящего вскрытия их души, их характера, без достаточной индивидуализации. Скажем, идеальный образ Ольги Громовой остается вовсе абстрактным, лишенным конкретных черт; главный герой, Холмин, тоже бледен и неопределен. Лучше удались почему-то некоторые из второстепенных персонажей, как превосходная буфетчица Дуся, полная жизни и огня. Другие, как чекистский капитан Шелудяк, слишком утрированы. Найдя забавную черту в виде его языка со смесью церковнославянских и блатных выражений, автор чересчур нажал на педали, и вся фигура сделалась неправдоподобной.

Как мы уже указали, роман Николая Кусакова «Всюду жизнь» написан совсем в ином тоне. У Бойкова советский быт показан как фон для увлекательной и исключительной, если не невероятной, интриги, выступая на заднем плане ярко освещенной сцены. У Кусакова наоборот, интрига умышленно сведена к минимуму, упрощена, все сколько-нибудь необычное тщательно устранено, и повествование неумолимо подчинено цели изображения повседневной жизни в СССР. Самое может быть удивительное, это, что он так сумел справиться со своей задачей, что его книга читается безо всякой скуки. Хотя автор и близок к натурализму, и фиксирует, казалось бы, второстепенные житейские мелочи, он наделен той степенью художественного чувства, которая неуклонно мешает ему сказать лишнее и превращает его работу из механической фотографии в картину, с тщательно выписанными деталями, но подчиненную общей идее передать известную идею, выразить известное настроение.

Верность изображения условий подсоветского существования, с его непрерывными трудностями, с его ежечасными унижениями, с его непрестанно давящим страхом, поистине изумительна, и за нее автор заслуживает благодарности и поздравления. Важным фактором его успеха было, несомненно, то, что он всегда четко умеет отделить людей от политического строя, показывает их страдания и мытарства, но не приписывает им каких-нибудь гнусных, специфически советских черт, как это, увы, иногда делается даже русскими зарубежными писателями, не говоря уж об иностранцах. Как это и соответствует действительности, герои Кусакова, жители захолустного города Вожеграда, учителя, служащие, студенты, – настоящие русские люди, не герои, но скромные, честные и отзывчивые по природе, с трудом отстаивающие против глубоко им ненавистного всемогущего режима свою личную жизнь, замыкающиеся в узком кругу семьи и друзей, в котором они только и могут дышать и быть искренними.

В рамках нашего знания советской действительности, мы почти не можем найти в повести Кусакова неправдоподобные образы или ситуации. Главные и второстепенные действующие лица, старые и молодые, положительные и отрицательные – все они прежде всего живые люди. Есть сцены, почти перерастающие в символические, прочно врезающиеся в память, – как встреча бухгалтеря Попова, приехавшего из провинции, с иностранными туристами в москов-

ском магазине, или партийное совещание по поводу провинившейся учительницы. Представители дореволюционной интеллигенции, как Митин и его жена, кающийся коммунист Жовтынский, ломающая себе головы над проблемами веры и атеизма молодежь – все это настоящие, типичные облики Советской России.

Нас удивило, правда, упоминание о порке, которая в наше время в интеллигентной семье была бы абсолютно невозможной и представлялась несовместимой с человеческим достоинством: так было, правда, в Ленинграде, может быть, в провинциальной глуши интеллигенция вела себя иначе – хотя нам и трудно себе это представить. В общем, к образу профессионального педагога и добродушного по природе Андрея Васильевича Митина, эта деталь идет как корове седло.

Не менее интересна и не менее заслуживает упоминания изданная в Сан-Пауло книга Вениамина Васильевича Сапелкина⁵⁸ «Пушкин и Достоевский». Выпущенная в очень хорошем внешнем оформлении, на прекрасной бумаге, со многими иллюстрациями, она не представляет собою специального научного исследования, а лишь повторяет несколько докладов, сделанных автором в Сан-Пауло и в Рио-де-Жанейро.

Тем не менее, написанная в духе любви и понимания Пушкина и с неизменным здравым смыслом, книга полезна и ценна, особенно сейчас, когда и о Пушкине, и о Достоевском так часто с серьезным видом говорят глупости, и когда хороший тон состоит в том, чтобы повторять безнадежно устарелые лады установившихся в русской литературе с легкой руки левых критиков, тенденциозные и фальшивые представления о великом поэте.

К наиболее значительным страницам работы В. В. Сапелкина мы бы отнесли те места, где он говорит о взглядах Пушкина и об его отношениях с Царем. Здесь он рассказывает правду объективнее и вернее многих специалистов-пушкинистов.

Разбирая веру и сомнения, взлеты и падения Пушкина за всю его жизнь, автор не только приводит факты его биографии, его стихи к Филарету и столь существенные для его психологии отрывки, как его слова по поводу монастыря на Казбеке:

Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!

но и приводит важные выдержки из записок А. О. Смирновой⁵⁹. В них есть такие отрывки: «Я думаю, что он серьезно верующий, но он про это никогда не говорит. Глинка рассказал мне, что он застал раз его с Евангелием в руках, причем Пушкин сказал ему: "Вот единственная книга в мире: в ней все есть". Я сказала Пушкину: "Уверяют, что вы неверующий".

Он расхохотался и сказал, пожимая плечами: "Значит, они меня считают совершеннейшим кретином"».

Или вот приводимые Смирновой слова самого Пушкина: «Человек рожден с инстинктом сверхъестественного, которое находится в нем самом, – вот почему народ везде склонен к религии. Я хочу этим сказать, что он чувствует, что Бог существует, что Он есть высшее существо вселенной, одним словом, что Бог есть. Я в конце концов пришел к тому убеждению, что человек нашел Бога именно потому, что Он существует. Нельзя найти то, чего нет... Нельзя выдумать и чувств, мыслей, идей, которые не прирождены нам; вместе с тем таинственным инстинктом, который и отличает существо чувствующее и мыслящее от существ, только ощу-

---

⁵⁸ Вениамин Васильевич Сапелкин (?-1958) – журналист, издатель. Издавал несколько периодических изданий в Харбине и Тяньзине. С 1953 жил в Бразилии, в Сан-Паулу. Редактор единственной русской газеты «Вестник Бразилии». После ее закрытия, основал издательство «Луч» с собственной типографией. Погиб в автомобильной катастрофе.

⁵⁹ Александра Осиповна Смирнова(-Россет) (1809–1882) – фрейлина императорского двора. Дружила с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, Н. В. Гоголем, М. Ю. Лермонтовым.

щающих. И эта действительность столь же реальна, как все, что мы можем трогать, видеть, испытывать...»

Хорошо, что В. В. Сапелкин отдает хотя бы некоторую справедливость Государю Николаю Первому, приводя ряд его высказываний о Пушкине, которые обычно тщательно и эффективно скрываются и замалчиваются. К числу таковых принадлежат следующие строки из письма Государя к А. О. Смирновой: «Рука, державшая пистолет, направленный на нашего великого поэта, принадлежала человеку, не способному оценить того, в которого он целил. Эта рука не дрожала от сознания величия того гения, голос которого он заставил замолкнуть».

Не менее характерны и слова Царя графу Киселеву⁶⁰: «Я теряю в нем самого замечательного человека в России» (известно, что «самым умным человеком в России» Николай Первый назвал Пушкина еще после первой встречи). Типично и то, что Пушкин, умирая благословил Царя и сказал Жуковскому: «Скажи Государю, что я желаю ему долгого, долгого царствования, что я желаю ему счастья в его сыне, что я желаю ему счастья в его России».

Как сочетать такие факты, достаточно ясные с обеих сторон – а ведь ни Царь на престоле, ни умирающий Пушкин не имели нужды лгать – со злопыхательными мифами, будто Царь подстроил смерть Пушкина, продолжающимися, как это ни грустно и ни стыдно, бытовать не только в Советской России, но и в эмиграции – это объяснить трудно. Обычно предпочитают эти детали просто игнорировать; так удобнее.

Отметим еще с одобрением мысль автора книги подчеркнуть связь между Пушкиным и Достоевским и то, что он воспроизводит полностью историческую речь Достоевского. Значение этой последней столь велико, что о ней очень кстати напомнить.

*«Возрождение» (Париж), рубрика «Среди книг и журналов»,
февраль 1958, № 74, с. 125–129.*

---

⁶⁰ Павел Дмитриевич Киселев, граф (1788–1872) – государственный деятель. Генерал от инфантерии. Командующий русскими войсками в Лунайских княжествах. Первый министр государственных имуществ. Посол России во Франции.

Некоторые отзывы о наших изданиях: книги издательства «Наша Страна»

Нельзя не признать, что за последнее время продукция этого русского издательства в Буэнос-Айресе интересна и разнообразна. После увлекательного детективного романа М. Бойкова «Рука майора Громова» и хорошего бытового романа из советской жизни – «Всюду жизнь» Н. Кусакова, – необычайно реально и убедительно рисуящего повседневный быт граждан СССР, мы прочли теперь выпущенный там же в Аргентине сборник рассказов и очерков Г. Месняева⁶¹ «За гранью прошлых дней» и два исторических исследования: «Император Николай I и военный заговор 14 декабря 1825 года» профессора М. В. Зызыкина⁶² и «Император Павел Первый» Н. Потоцкого⁶³.

В художественном отношении книгу Г. Месняева следует поставить на первое место. Его имя уже хорошо известно читающей публике в эмиграции, и мы уверены, что его сборник будет иметь заслуженный успех. Стоит, может быть, пожалеть, что он не выступает с цельным и законченным произведением, романом или циклом рассказов, так как соединенный в «За гранью прошлых дней» материал распадается на несколько групп, ничем между собою не соединенных. Самое лучшее среди опубликованного здесь – путевых очерков, рассказов из советской жизни, воспоминаний о прошлом, – это, на наш взгляд, литературный очерк о графе А. К. Толстом, под заглавием «Околдованный витязь». Хотелось пожелать, чтобы автор развил и дополнил эту работу, дав полностью биографию А. К. Толстого и более глубокий анализ его творчества, и когда-нибудь издал ее в таком расширенном виде; он бы этим заполнил пробел, существующий в русской литературе в отношении этого замечательного и не оцененного по заслугам поэта, драматурга и романиста.

Книга профессора Зызыкина о Николае I, весьма интересная, вызывает некоторое недоумение, особенно, если принять во внимание научную квалификацию ее автора. Поставив себе,

---

⁶¹ Григорий Валерианович Месняев (1892–1967) – писатель, журналист. Учился на юридическом факультете Киевского университета. В 1914 поступил в Виленское военное училище, по окончании которого служил в 152-й пехотном Владикавказском генерала Ермолова полку 38-й пехотной дивизии. Участвовал в Первой мировой войне. Воевал в Добровольческой армии, в Марковском пехотном полку. В 1920, при отступлении, заболел тифом и остался в Ростове-на-Дону; скрывал свое прошлое. В 1942 оказался в немецкой оккупации; в 1943 эвакуировался на Запад, жил в Баварии. После войны переехал в США, активно сотрудничал с газетой «Наша страна» (Буэнос-Айрес), был редактором газеты «Россия» (Нью-Йорк), печатался в журналах «Знамя России» (Нью-Йорк), «Возрождение» (Париж). Опубликовал книги «За гранью прошлых дней» (Буэнос-Айрес, 1957), «Поля неведомой земли» (Буэнос-Айрес, 1962), «По следам минувшего» (Нью-Йорк, 1965).

⁶² Михаил Валерианович Зызыкин (1880–1960) – историк, правовед, публицист. Образование получил в Императорском Московском университете, с 1911 приват-доцент. В 1921 эвакуировался в Константинополь, после перебрался в Рим, а затем в Софию. Преподавал в Софийском университете до 1929. В 1929 устроился в Варшавский университет, состоял в нем профессором православного богословского факультета на кафедре православной социологии и канонического права. Активно участвовал в монархическом движении и церковной жизни, был избран членом Международной Академии христианских социологов. В начале Второй мировой войны уехал в Аргентину, где сотрудничал с газетой И. Л. Солоневича «Наша страна». Опубликовал книги и брошюры «Царская власть и Закон о престолонаследии в России» (София, 1924), «Функции церковной власти: Епископ как ее орган» (Варшава, 1931), «Патриарх Никон – его государственные и канонические идеи» (Варшава, том 1, 1931; том 2, 1934), «О церковной самостоятельности в новейших построениях церковно-государственных отношений» (Варшава, 1932), «Философия власти в свете христианской социологии» (Варшава, 1933), «Тайны императора Александра I» (Буэнос-Айрес, 1952), «Император Николай I и военный заговор 14 декабря 1825 года» (Буэнос-Айрес, 1958) и др.

⁶³ Николай Потоцкий (наст. имя Николай Георгиевич Шаповаленко; 1894–1976) – офицер, журналист. Участник Гражданской войны. В эмиграции жил во Франции, в Ницце. В 1930 организовал в Ницце Общество изучения России, входившее в Российское народно-имперское («штабс-капитанское») движение. После Второй мировой войны продолжил свою деятельность в Российском народно-монархическом движении И. Л. Солоневича, редактировал «Бюллетень Российского Народно-монархического движения», руководил Литературным Фондом Народной Монархии. Сотрудничал с газетой «Наша страна» (Буэнос-Айрес). Автор книг и брошюр, изданных «Нашей страной»: «Беседы о народной монархии. Народно-монархическое движение» (совместно с И. Н. Владимировым; 1953), «Спутник пропагандиста народной монархии» (1954), «Император Павел Первый» (1957), «Курс национального воспитания русской молодежи» (1958), «Народная монархия» (1959), «Правда о царской России» (1959) и «Земля – грядущим!» (1960), а также книги «К русской молодежи» (Ницца, 1962).

видимо, вполне рациональную и актуальную задачу дать исторически правдивый образ этого замечательного русского Царя, составитель исследования, не соблюдая строгого плана, дает множество высказываний современников и позднейших историков, не всегда сопровождая их должными комментариями, так что читатель во многих случаях может остаться в растерянности. Особенно нам хотелось бы возразить против включения в эту компиляцию отрывков из тенденциозного, несправедливо враждебного к Николаю Первому романа Мережковского⁶⁴, которым иные из публики смогут, не разобравшись, приписать историческую достоверность.

Этого упрека нельзя сделать книге Н. Потоцкого о Павле Первом, в которой весь материал подчинен цели опровергнуть ложные обвинения и возвеличить павшего от рук заговорщиков Царя. Меньшая по размеру и менее обстоятельная, чем исследование профессора Зызыкина, она оставляет впечатление большей цельности и ценности.

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), 3 сентября 1959, № 501, с. 4; перепечатано из газеты «Русское Воскресение» (Париж) от 29 марта 1958.

---

⁶⁴ Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) – писатель, поэт, литературный критик, переводчик, литературный и общественный деятель. Муж поэтессы Зинаиды Гиппиус. Один из основателей русского символизма.

На кривых дорогах

Французам принадлежит печальная честь создания легенды о величественном русском дереве «развесистой клюкве» под которым бояре имели в старину обычай вкушать сочные ломти самовара.

Справедливость требует, однако, признать, что все это в основном принадлежит уже прошлому. В нынешних французских журналах и газетах часто находишь статьи и отчеты корреспондентов, составленные людьми, явно хорошо знающими русский язык и русскую жизнь и иногда очень здраво разбирающимися в большевицкой политике. Общая здравая оценка этой последней почти типичная сейчас для правых и умеренных газет, встречается порой и в левых. Конечно, в «Юманитэ» и близких к нему органах подход иной, но о теперешних французских коммунистах кто-то из сотрудников «Монда» выразился недавно весьма справедливо, что они стали «и менее убежденными, и менее убедительными, чем прежде».

На этом фоне всеобщего отрезвления, особенно непонятым диссонансом прозвучало выступление «католического» писателя и мыслителя Франсуа Мориака. В номере журнала Экспресс» от 29 января 1989 года, атакуя Западную Германию и стараясь представить ее как угрозу для Франции, Мориак пишет:

«По моему мнению, мы должны были бы лучше понимать мотивы русской политики. Какое ослепление – искать в них желание советизировать весь мир! Россия следует только рефлексу самообороны, законной самозащиты, о которой должны бы были подумать и мы, и о которой нам придется думать, когда объединенная Германия опять откроет перед нами ту же бездну, в какой погибли наши лучшие люди... Глупость и наивность наших сторонников объединения Европы поистине неизмеримы!.. Культурное соглашение с Россией нам мало поможет, если ему не будет сопутствовать политическое соглашение».

Несколькими строками далее Мориак с яростью обрушивается на «ослепление Соединенных Штатов, содействовавших возрождению нацистской Германии», и объясняет его (кажется, не совсем точным) соображением о том, что никто из американских граждан не сидел в гитлеровских концентрационных лагерях.

Можно не сомневаться, что советские специалисты пропаганды с большим удовлетворением прочтут статью Мориака, включая и этот злобный антиамериканский выпад. Мориак, хорошо знающий своих компатриотов, бьет их по больному месту, стараясь возбудить ужас перед немецким нашествием.

Можно все же надеяться, что эта агитация, хотя и ловкая, останется бессильной. Вражда Франции к Германии, срывавшая некоторое время дело создания в Европе общего фронта свободного мира против большевизма, сменилась сейчас более реалистической и осмысленной политикой союза с ней, и экономического, и политического. И тот факт, что проводником этой политики явился генерал де Голль, весь проникнутый французским национализмом, иногда кажущимся даже чрезмерным и узким, делает эту линию – тем более прочной. Свободный мир в наши дни подобен осажденной крепости, и вести в своей среде междуособную борьбу было бы для него самоубийством; в каком положении очутилась бы Франция, если бы она, как того желает Мориак, встала во враждебные отношения с Западной Германией и с Америкой?

Личность и деятельность Мориака встают во всяком случае из этого его выступления в несколько новом свете, ибо его просоветские тенденции до сих пор не выражались столь открыто. По крайней мере, после того, как он вышел из союза «Франция – СССР» после событий в Венгрии, когда во Франции прямое исповедание симпатий к коммунизму могло казаться неудобным и небезопасным (шла речь о закрытии компартии, студенты громили коммунистические учреждения и т. д.). Его обычная линия заключается в ядовитых нападках на французское правительство, с обвинениями в том, что оно применяет по отношению к алжирским

повстанцам пытки, казни и запугивания. Участь французов, которых алжирские террористы убивают и пытаются, его совершенно не беспокоит при этом, хотя это его соотечественники и христиане (а Мориак все время проповедует с позиций христианства, красивыми и красноречивыми словами). Это не меняет, понятно, факта, что если по отношению к арабам имеют место жестокость и несправедливость, то с этим надо бороться; жаль только, что Мориак имеет привычку писать так тенденциозно и с такими преувеличениями, что крупница правды у него тонет в море лжи.

Более любопытно другое: читатели и полемизировавшие с ним журналисты многократно задавали Мориаку вопрос, почему он никогда не упоминает о жестокостях, несправедливостях, пытках, казнях за железным занавесом? И Мориак всегда отвечал уклончивыми, скользкими фразами, как например: «Я француз и пишу о французских делах, а это меня не касается». Можно подумать, что в Евангелии Франсуа Мориак избрал себе за образец Понтия Пилата!

Но как можно взбираться на ходули христианской морали, если жалость и милосердие нужны Мориаку лишь для одних, любезных его сердцу, а для других, тоже людей, тоже ближних, он готов допустить любой ад на земле? С точки зрения логики и религии, позиции Мориака не защитимы никак; но их внутренний смысл разъясняется разбираемой нами статьей. Защита арабов нужна Москве и компартии, а защита христиан за железным занавесом была бы им вредна.

Хочется все же опросить новоявленного защитника советской власти, объясняет ли он тоже «рефлексом самозащиты» политику большевиков в Венгрии и на Дальнем Востоке? Вероятно – да. Советская агрессия для него, должно быть, как для Хрущева или Микояна, есть всегда «самозащита», «защита мира» и т. д. Диковинно и возмутительно лишь то, что он пропагандирует большевизм, ссылаясь на Священное Писание; или, что католическая иерархия не отгораживается от этого лукавого философа, заставляющего своей хитрой диалектикой святые истины служить грязным и бесчеловечным целям...

Большевики мобилизуют все силы, чтобы воспрепятствовать союзу между Францией, Германией и Америкой, и в этом деле они используют всех, кого можно подкупить или обмануть. Вот для чего они стараются воздвигнуть пугающее чучело германского империализма, чтобы скрыть за ним свои собственные завоевательные планы. Но если бы западный мир поддался ослеплению и выдал им Германию Аденауэра, через ее труп в самое сердце Европы хлынули бы советские танки, превращая Париж в новый Будапешт. Все сознательные патриоты видят эту реальную опасность, исходящую от СССР, и стремятся сосредоточить силы для отпора ей, не тратя труда на борьбу с ветряными мельницами.

«Новое русское слово» (Нью-Йорк), 11 марта 1959, № 16792, с. 4.

Оценка ценностей

Мне когда-то случилось встретиться с видным французским славистом, профессором Трэном⁶⁵, другом России и русских и решительным врагом большевизма, который скончался примерно год тому назад. И вот мне запомнился один его разговор с поэтом Владимиром Смоленским⁶⁶, тоже уже покойным, когда мы оказались однажды оба у этого последнего в гостях.

Наш хозяин выразил ту мысль, что было бы хорошо, если бы французские и иностранные студенты, изучающие русский язык, почаще посещали разные эмигрантские лекции и собрания, в особенности литературного характера, так как это несомненно сильно содействовало бы их успехам.

Трэн ответил (беседа шла по-русски; он по-русски говорил превосходно), что вообще-то, конечно, да; но что у французских профессоров есть тут некоторые сомнения и возражения, каковые он нам откровенно и изложил:

– Мы нашим ученикам объясняем, что Достоевский, Толстой, Гоголь, это – вершины русской литературы, писатели мирового значения. А на эмигрантской лекции они очень даже могут услышать, и притом от вроде бы авторитетных людей, что Достоевский был идиот, Гоголь – сумасшедший, а Толстой – лицемер. Вы представляете себе, какая у них в голове тогда образуется путаница?

Я потому не забыл слов этого умного и благожелательного к нам человека, что их верность постоянно чувствовал потом, и теперь нередко чувствую, читая рассуждения всяких знаменитых эмигрантских критиков или участвуя в литературных опорах. Спроси у меня кто примеры – да, кажется, десятки без труда приведу! Вот именно таких суровых, безапелляционных и, в сущности, нелепых суждений, какие упоминал Трэн.

Что говорится, ради красного словца не щадили и отца. Ниспровергать Достоевского и Гоголя – это уже стало настолько модно, что постепенно превращается в пошлость прескверного тона. Впрочем, с равным жаром уничтожают и Белинского. А ведь, – оставляя в стороне политическое ослепление его последних лет, – его художественному вкусу и его пронизательности можно бы только удивляться.

Пушкина и Лермонтова, слава Богу, как поэтов все же все признают, но как о людях – именно в эмиграции держатся о них до сих пор, как в глухой провинции, много злостных глупостей, уже давным-давно опровергнутых в Советской России.

Не лучше обстоит дело и с оценкой позднейших поэтов, даже самых больших, бесспорно великих: до наших дней не собрались отвести должного места ни Гумилеву, ни Есенину... и сколько бы еще можно тут назвать, и поэтов и прозаиков! В общем, рубим сук, на котором сидим.

Зато, очевидно для того, чтобы показать свою способность мыслить самостоятельно, наши зарубежные специалисты постоянно выдвигают своих кандидатов в ранг гениальных рус-

---

⁶⁵ Жан Трэн (Jean Train; 1909–1973) – профессор русского языка Школы восточных языков (в настоящее время Национальный институт восточных языков и культур) в Париже.

⁶⁶ Владимир Алексеевич Смоленский (1901–1961) – поэт. Родился и вырос на Дону, в семье потомственного донского казака, полковника жандармского полицейского управления, расстрелянного большевиками в 1920. Воевал в Добровольческой армии. В эмиграции жил в Тунисе, потом во Франции, где окончил Высшую коммерческую академию. Работал бухгалтером. Печатать стихи начал с 1927. Активно участвовал в деятельности Союза молодых писателей и поэтов, Союза русских писателей и журналистов, объединения казаков-литераторов. С 1947 соредатор журнала «Орион». Печатали стихи и литературоведческие статьи в газете (а затем и журнале) «Возрождение», газете «Русское воскресенье». Автор четырех сборников стихов, выпущенных в Париже: «Закат» (1931), «Наедине» (1938), «Собрание стихотворений» (1957) и посмертно вышедшего «Стихи. 1957–1961» (1963).

ских поэтов (каждый своего): Иннокентия Анненского, Случевского⁶⁷, Клюева, Хлебникова, Лившица⁶⁸...

Ну, конечно, это так оригинально, так шикарно: ни в грош не ставить Гумилева, но восхищаться Анненским! Посмеиваться над Есениным, но обожать Клюева! О какой необычайно тонкости вкуса это свидетельствует! Как мы умеем эпатировать буржуа!

Слов нет, такие откровения эпатируют. Не только они отпугивают наших потенциальных друзей в иностранном мире, как подметил Трэн. Розовый интеллигентный эмигрант тоже о них только плечами пожимает или головой качает; а, впрочем, он уже и удивляться перестал...

Надо ли доказывать, что эти причуды даже и в среде эстетствующих снобов живут не дольше бабочки-однодневки. Что в Россию они никогда не проникнут, и там не утвердятся? Не стоит: оно и так самоочевидно.

Скажем только, что среднему, даже весьма культурному эмигрантскому читателю эти внезапно вспыхивающие попытки переоценки то футуризма, то декадентства, то еще чего, вовсе не нужны и не созвучны. Как выразался Маяковский:

А зачем нам это все?
Как собаке – здрасте!

«Русская жизнь» (Сан-Франциско), 19 декабря 1973, № 7871, с. 5.

---

⁶⁷ Константин Константинович Случевский (1837–1904) – поэт, писатель, драматург, переводчик. Тайный советник. Служил в Министерстве внутренних дел. Главный редактор газеты «Правительственный вестник».

⁶⁸ Бенедикт Константинович Лифшиц (1887–1938) – поэт, переводчик. Участник Первой мировой войны. Переводчик и редактор «Всемирной литературы». Арестован и расстрелян как участник «ленинградского писательского дела».

Дискредитаторы

Много лет назад, зайдя однажды к поэту В. Смоленскому, встретил я у него французского слависта профессора Трэна, и присутствовал при таком их разговоре. Хозяин спросил у гостя, почему тот не посылает своих студентов по Школе Восточных языков, для практики, на русские литературные вечера и доклады, тогда частые в Париже; и вот что получил в ответ:

– Мы своим ученикам внушаем, что Л. Толстой и Достоевский – гениальные мастера, стоящие на вершинах художественного творчества; а ведь в кругу русских литераторов они запросто могут услышать, что Толстой был бездарен, а Достоевский – и совсем идиот. Так уж лучше этого избежать...

Грустно, но факт. Подобные изречения в Зарубежии сыпались из уст и лились из-под перьев безответственных снобов, типичным представителем каковых являлся, скажем, Г. Адамович⁶⁹, по загадочным причинам выдвинутый левой прессой на роль великого критика земли эмигрантской; хотя этот насквозь растленный, аморальный эстет никак не делал чести русской нации.

Травля на подлинно больших писателей продолжается, впрочем, и поныне. И странно: как взглядишься, словно бы и различаешь в ней некий узор... но он быстро вновь исчезает в путанице хитросплетений.

А все же... Вот Адамович был лютым гонителем Цветаевой (и не мало содействовал ее гибели) и прославился поношениями Достоевского. После Второй мировой стал совпатриотом (помню его безобразное выступление на собрании Союза Писателей, первом, на какое я попал, избранный в Союз по рекомендации Мельгунова и Гуля⁷⁰). Потом, перекрасившись, долго служил кумиром либерального сектора Зарубежья. И теперь, посмертно, «Русская Мысль» и «Новое Русское Слово» из него стараются сделать классика, авторитет, прямо-таки некоего святого от литературы! Зловещая тень его продолжает реять над нами...

Цветаеву довели до возврата в СССР; Шмелев и Сургучев⁷¹ (крупнейшие русские писатели эмиграции) умерли париями, хлебнув жестоких преследований и оскорблений. Куда менее даровитый, по любому счету, Зайцев пожал максимум лавров в меру своих скромных способностей (но он в молодости был революционером, а правым – никогда в жизни).

---

⁶⁹ Георгий Викторович Адамович (1892–1972) – поэт, литературный критик, переводчик.

⁷⁰ Роман Борисович Гуль (1896–1986) – писатель, журналист. Родился в семье нотариуса. Окончил Московскую 3-ю школу прапорщиков, служил в действующей армии. Участвовал в Ледяном походе генерала Корнилова. С 1920 жил в Берлине, работал секретарем журнала «Новая русская книга». Был участником сменовеховского движения. В 1973 уехал в Париж, сотрудничал в газете «Последние новости», журнале «Иллюстрированная Россия». С 1950 жил в Нью-Йорке, сотрудничал в «Новом журнале», с 1966 был его главным редактором. Автор нескольких книг и трилогии «Я унес Россию».

⁷¹ Илья Дмитриевич Сургучев (1881–1956) – писатель, драматург, журналист. Окончил духовное училище, Ставропольскую духовную семинарию, а потом факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета. Был одним из организаторов журналов «Ставропольский сатирик» и «Сверчок». В 1912 в сборнике «Знание» (№ 39) вышла повесть «Губернатор», имевшая большой успех. В 1913 в Александринском театре Петербурга была поставлена первая пьеса «Торговый дом». Следующая пьеса, «Осенние скрипки», была поставлена в Московском Художественном театре. После революции участник Белого движения. Заведующий одного из отделений «Осведомительного агентства» («Осваг») Добровольческой армии. С 1920 в эмиграции, жил в Константинополе, затем в Праге, где был одним из организаторов русского театра. В 1924 переехал в Париж. Печатался в газете, а затем журнале «Возрождение». С 1930 в составе редакции «Возрождения» вел отдел прозы и очерка. Сотрудничал с журналами «Зарницы» (София), «Златоцвет» (Берлин), «Грани» (Франкфурт-на-Майне), «Жар-птица» (Берлин, Париж), «Русская мысль» (София), газетами «Огни» (Прага), «Новое слово» (Берлин), «Парижский вестник» (Париж), «Перезвоны» (Рига) и др. В Париже издал сборник «Эмигрантские рассказы» (1927), роман «Ротонда» (1952), повесть «Детство императора Николая II» (1953). Основал парижский «Театр без занавеса» (1943–1944). Рассказы и пьесы переведены на иностранные языки, пьесы ставились во Франции, Германии, скандинавских странах. В Голливуде было снято два фильма: в 1935 «The man who broke the bank at Monte Carlo» («Человек, который сорвал банк в Монте-Карло») по мотивам пьесы «Игра», и в 1949 «If this be sin» (оригинальное название «This dangerous age» – «Этот опасный возраст») по мотивам пьесы «Осенние скрипки».

Кого, однако, развенчивают? Из классиков, – Достоевского и Гоголя (специалисты по их истреблению: Адамович, Набоков, Синявский⁷², Карлинский⁷³; не считая мелочи). Ну да их не любят и большевики; только те действуют хитрее: пытаются их объявлять своими. Лобовые атаки на Пушкина (Адамович, Набоков, Синявский, Слоним⁷⁴, Шаховская⁷⁵) кончились пшиком: не по рту кусок клеветникам!

Во всю кипят наскоки на Есенина (Карлинский, Шаховская) и на Цветаеву (Иваск⁷⁶, Хенкин⁷⁷), а также на Гумилева. Против первых двух (как уже пробовали и против Гоголя) выдвигается обвинение в противоестественных пороках; методами самыми что ни на есть грубыми и недобросовестными: путем лжеистолкования вполне невинных мест в их письмах и стихах, изображения их дружеских отношений с мужчинами и женщинами в качестве лесбийских и гомосексуальных связей. Гумилеву покамест этого не приписывают (но подождем; еще придумают!), но елико возможно подмарывают (например, Бахрах⁷⁸).

Попробуем выяснить, что же имеется общего у этих трех поэтов, кроме гениальности и безусловной горячей любви к России? Ведь они, казалось бы, такие между собою разные! И увидим вот что: все трое были монархисты; и все трое являются предметом все более растущего почитания в подъяремной России (вопреки воле властей!).

Умученную большевиками Цветаеву в СССР принуждены издавать и переиздавать (не все ее вещи... иные при советском режиме напечатаны быть не могут). О всенародной, во всех ярусах общества, любви к Есенину свидетельствует не кто иной, как Синявский, в «Синтаксисе». О Гумилеве зарубежный литературовед Г. Струве⁷⁹ объективно сообщает, что всякую его книжку подсоветские читатели готовы покупать за любую цену: «За Гумилева – ничего не жалко!».

Параллельно с отрезвлением масс в Советской России, – в данном случае, в первую очередь, широких слоев интеллигенции, – идет все более интенсивная борьба за засорение мозгов эмиграции. Курьезным образом, если так дальше, то окажется, что здравая оценка будет идти оттуда, а больная и порочная – от нас. Уже ведь и сейчас, вероятно, к примеру, В. Солоухин⁸⁰ лучше и справедливее разбирается в русской литературе, чем г-н Бахрах или г-жа Шаховская.

Кидается в глаза, что, скажем, к Блоку отношение совсем иное; хотя его сатанизм все более становится известен (сошлемся на блестящую о нем статью Н. Коржавина⁸¹), никто не

⁷² Андрей Донатович Синявский (литературный псевдоним Абрам Терц; 1925–1997) – писатель, литературовед, критик. Диссидент. С 1973 жил во Франции.

⁷³ Семен Аркадьевич Карлинский (1924–2009) – литературовед-славист. Профессор кафедры славянских языков и литературы Калифорнийского университета в Беркли.

⁷⁴ Марк Львович Слоним (1894–1976) – писатель, публицист, литературовед, переводчик, журналист, политический деятель (эсер). В эмиграции жил в Берлине, Праге, Париже. Редактировал журнал «Социалист-революционер». Руководитель литературного объединения «Кочевье» (1928–1938). С 1941 жил в США. Преподавал русскую литературу в колледже Сары Лоуренс в Нью-Йорке.

⁷⁵ Зинаида Алексеевна Шаховская (1906–2001) – писательница, журналистка. Жила в Париже. Главный редактор газеты «Русская мысль» (1968–1978). Кавалер ордена Почетного легиона, офицер Ордена Искусств и литературы.

⁷⁶ Юрий Петрович Иваск (1907–1986), поэт, литературный критик. После Второй мировой войны жил в Германии, затем в США, преподавал русскую литературу, был профессором Массачусетского университета (Амхерст).

⁷⁷ Кирилл Викторович Хенкин (1916–2008) – писатель, журналист, переводчик. Сотрудник НКВД. Участник войны в Испании. В начале 1970-х участвовал в диссидентском движении. В 1973 эмигрировал в Израиль. Работал нештатным корреспондентом радио «Свобода» в Израиле, а затем, после переезда в Мюнхен, в Германии.

⁷⁸ Александр Васильевич Бахрах (1902–1985) – писатель, литературовед. С 1920 в эмиграции. Жил в Варшаве, а затем в Париже. Публиковался в газетах и журналах русской эмиграции, работал на радио «Свобода».

⁷⁹ Глеб Петрович Струве (1898–1985) – поэт, переводчик, литературный критик. Сын П. Б. Струве. В 1919 переехал в Англию. Преподавал историю русской литературы в Лондонском университете. После Второй мировой войны жил в США, был профессором славянских языков Калифорнийского университета в Беркли.

⁸⁰ Владимир Алексеевич Солоухин (1924–1997) – писатель, поэт, публицист. Один из самых значительных представителей «деревенской прозы».

⁸¹ Наум Моисеевич Коржавин (1925–2018) – поэт, журналист, драматург, переводчик. В 1948 был осужден «за чтение

думает его осуждать. Конечно, насчет контактов с бесами, оно тоже вопрос вкуса. Кому как... Согласно выражению Маяковского: «Что такое хорошо, что такое плохо?».

В целом, взглянем правде в лицо: несомненно, существует некое Общество по разрушению русских культурных ценностей (оформленное ли статутом, или лишь единством чувств, и из кого в точности состоящее, – не все ли равно?). Злобными, но по счастью немощными руками, оно непрерывно тщится воткнуть нож в сердце великой русской литературы, залить ядовитую слюною бешеной собаки пламя ее коллективного гения, перед которым даже иностранцы невольно благоговеют. Бог их преступлениям не попускает, и они раз за разом терпят фиаско.

Но мы, верные сыны России, хранители ее святых традиций, не будем ни на миг в их обман вдаваться, и не станем внимать хриплому пению сих малоискусительных сирен! Остаемся неусыпно на страже нашего драгоценного наследия!

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), 8 октября 1982, № 1681, с. 4.

Неизвестные ли?

Установилась теперь в русской прессе за рубежом, повсеместно, презабавная манера! Как только надо упомянуть какого-либо русского писателя (об иностранных-то уж редко и заговаривают), кроме самых знаменитых, так непременно добавляют: «давно забытый», «мало кому известный», «о котором теперь никто не помнит»...

Сочинителям невдомек, что они демонстрируют тут только собственные ограниченность и невежество; ни то, что подобные их ужимки, в сущности – весьма обидны для читающей публики! Среди которой, поелику она в эмиграции весьма разнообразная и, в значительной части, вполне, культурная, – многие называемых авторов прекрасно помнят и отлично знают!

Внесем, как говорится, в вопрос некоторую ясность.

Во всякой национальной литературе имеется только несколько имен, которые действительно знают если не все, то почти все в стране: мало найдется русских, не слышавших о Пушкине или англичан, не подозревающих о наличии Шекспира.

За ними же идут ряды более или менее замечательных поэтов и прозаиков в разных жанрах, знакомые одни широкому, другие более узкому кругу интеллигенции, относительно меньше проникших в народ, являющихся объектом изучения не в начальной или средней школе, а скорее в университете.

Ограничиваясь рамками русской поэзии, Дельвиг и Баратынский не столь прославлены как Лермонтов и Некрасов; именно Катенина⁸² и даже Козлова⁸³ называют, пожалуй, и еще реже. Есть авторы, подпавшие под советское табу, вроде Кукольника⁸⁴ или Полевого⁸⁵, до чьих книг читателю очень трудно добраться, и множество стихотворцев советского периода, не попавших в тон эпохе и вычеркнутых из литературы (хорошо еще, когда не последовала и физическая их ликвидация!). Забытыми или неизвестными их называть следует, однако же, с большой осторожностью: кому как!

Это мы, главным образом, о классиках и вообще о прошлом. Несколько из другой оперы, отметим горделивое заявление в «Русской Мысли» о том, что конгресс цветаеведов в Лозанне отказался допустить официального советского делегата Туркова как «никому не ведомого».

Речь ведь, очевидно, идет об Андрее Туркове, авторе книги «Александр Блок» (Москва, 1969), определенно талантливой, яркой и оригинальной, хотя и выдержанной, волей-неволей (кто разберет) в ортодоксальном советском стиле. Так почему он – лицо загадочное для зарубежных эрудитов от цветаеведения – поистине, Аллах знает! Разве что они принципиально не читают подсоветских работ по литературоведению...

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), рубрика «Печать», 8 октября 1980, № 1681, с. 4.

---

⁸² Павел Александрович Катенин (1792–1853) – поэт, драматург, литературный критик, переводчик.

⁸³ Иван Иванович Козлов (1779–1840) – поэт и переводчик. Его вольный авторский перевод стихотворения английского поэта-романтика Томаса Мура (Thomas Moore, «Those evening bells») послужил текстом одной из самых популярных в России песен «Вечерний звон».

⁸⁴ Нестор Васильевич Кукольник (1809–1868) – поэт, писатель, драматург, переводчик. Автор популярных исторических романов, драматических поэм, драм, либретто (опера «Жизнь за царя» и «Руслан и Людмила») и романсов (напр., «Жаворонок» и «Попутная песня» на музыку М. И. Глинки).

⁸⁵ Николай Алексеевич Полевой (1796–1846) – писатель, драматург, литературный и театральный критик, переводчик. Представитель романтизма. Ввел в оборот слово «журналистика». Издавал журнал «Московский телеграф», «Русский вестник», сотрудничал в «Северной пчеле», редактировал «Сын отечества».

Романтизм

Распространилось теперь в русской эмигрантской прессе, – придя, правда, в виде заразы, из прессы англосаксонской и французской, – пренелепое поветрие употреблять слово романтизм в бранном смысле, как синоним, более или менее, глупости и сумасбродства, в лучшем случае, наивности.

Чтобы понять крайнюю несостоятельность подобной манеры, довольно вспомнить, кто такие были романтики. Поэты как Байрон, Виньи⁸⁶, Беккер⁸⁷, Эспронседа⁸⁸, Мицкевич⁸⁹ и Эминеску⁹⁰ принадлежат к числу величайших на свете, и тех, которые сумели высказать самые глубокие и волнующие мысли о человеке и о мире, здешнем и потустороннем. Писатели, как Скотт, Стивенсон, Гюго, Дюма, Гофман, суть создатели исторического жанра и переосмыслители жанра фантастического, внесшие подлинно новое в литературу и по справедливости имеющие право считаться гениальными.

За каковых, отметим, их и принимали их современники, – все, знавшие толк в литературе, включая и русских (в том числе Пушкина, Лермонтова, Гоголя и даже Белинского).

У нас, в России, вопреки лживой классификации, сознательно укорененной в литературоведении фальсификаторами из левого лагеря, романтиками были не только Жуковский и Марлинский, а – вместе с ними – упомянутые выше Пушкин, Лермонтов и Гоголь (и многие замечательные авторы, до них, – особенно, если вспомнить также о предромантиках, – одновременно с ними и после них).

Моральное и политическое ничтожество наших дней ничего общего не имеет с этими грандиозными тенями (даже если бы когда на то и претендовало; да и того ведь нет). Нынешний век дышит именно плоским, мелочным, псевдопрактическим реализмом, всегда своекорыстным и близоруким, не видящим дальше своего носа и постоянно садящимся потому в галошу. Если же он пытается от земли оторваться, то сразу впадает в извращение и уродливость (ставшее, притом, нудно трафаретными).

Давайте выкинем из нашего обихода навязываемый нам шарлатанский трюк! Когда надо заклеить тупость и банальность в политике, в искусстве, в быту, – будем их именовать, как они того заслуживают, «реализмом»; преимущественно, в кавычках. Для безобразия же и для преступления (неизменно связанных с отсутствием хорошего вкуса, высоко развитого у романтиков) есть довольно имен как аморализм и сатанизм (а если уж их соотносить с искусством, то скорее с декадентским, чем романтическим).

Романтики-то были соколы, а судят их нынче ужи (да извинит мне читатель ссылку на Горького, у которого в сочинениях удивительно мало – по русскому масштабу – правды и красоты, но у которого в юности они все же порой проглядывали).

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), рубрика «Печать», 25 декабря 1982, № 1692, с. 2.

---

⁸⁶ Альфред Виктор де Виньи, граф (Alfred Victor de Vigny; 1797–1863) – французский писатель. Один из наиболее значительных представителей французского романтизма.

⁸⁷ Густаво Адольфо Беккер (Gustavo Adolfo Becquer, наст. имя. Густаво Адольфо Домингес Бастида; 1835–1870) – испанский поэт, писатель, журналист. Крупнейший представитель испанского романтизма.

⁸⁸ Хосе де Эспронседа (Jose de Espronceda; 1808–1842) – испанский поэт. Крупнейший представитель испанского романтизма.

⁸⁹ Адам Бернард Мицкевич (Adam Bernard Mickiewicz; 1798–1855) – польский поэт, публицист, политический деятель. Один из крупнейших представителей польского романтизма.

⁹⁰ Михай Эминеску (Mihai Eminescu; 1850–1889) – молдавский и румынский поэт. Классик румынской литературы.

К разбойникам сопричисленные

Известный и талантливый писатель Григорий Климов, автор книг «Берлинский Кремль» и «Князь мира сего», опубликовал в журнале «Согласие» за октябрь 1974 года начало своей статьи «Протоколы советских мудрецов», по поводу которой мне хотелось бы сказать несколько слов. Главным образом, относительно того места, где он цитирует басню «Сочинитель и разбойник», которую, как он отмечает, написал «наш милейший и добрейший дедушка Крылов».

Крылова я как раз с детства очень люблю и высоко ценю, как замечательного журналиста, драматурга и поэта своей эпохи. «Дедушкой» он, конечно, сделался не сразу, а сначала был молод; ну, потом и состарился; писать же он начал очень рано.

Человек это был бурного темперамента, не раз за карточным столом спускавший все, что имел, – а однажды и выигравший ненароком целое состояние, – и которого неудачная любовь в молодости отметила на всю остальную жизнь...

Вопреки абсолютно ложному мифу о нем, наш великий баснописец отличался необыкновенными неутомимостью и работоспособностью: на пари с Гнедичем⁹¹, он за год выучился в совершенстве древнегреческому языку! По долголетней же своей службе в государственной библиотеке, он являлся образцом добросовестности и компетентности.

Надо еще прибавить, что, вразрез с популярным анекдотом, Крылов скончался отнюдь не от несварения желудка, а от воспаления легких, – болезни, ничего не имеющей общего с приписываемым ему легендарным обжорством. Грустно разрушать застарелые иллюзии, которые публике «дороже тьмы низких истин», но, увы, сомнений тут быть не может, поелику на этот счет сохранились вполне ясные и официальные медицинские справки.

Впрочем, все это – лирическое отступление, т. к. Климов не говорит о Крылове, как о человеке, а лишь об одной его басне, которую приводит и комментирует. Но правильно ли комментирует? That is the question.

Мораль басни такова, что писатель, развивающий вредные идеи, хуже разбойника; этот последний опасен только пока жив, и для окружающих. Тлетворные же мысли имеют свойство распространяться все дальше и шире, и на века...

Зная время и взгляды Крылова, умного и трезвого консерватора, можно даже догадаться, какого «сочинителя» он в первую очередь имел в виду; вряд ли не Вольтера.

Но ставил ли себе Иван Андреевич цель заклеить всех своих собратьев по ремеслу, а с ними и самого себя?

«Свежо предание, а верится с трудом!» Мне, решительно, так кажется, что, спросить его, он бы свою мысль пояснил следующим образом (притом, удивившись, что его не поняли):

«Писатель, который служит высокому и нравственно безупречному идеалу, – полезен и достоин поощрения; вот если он примется сеять разрушительные и гибельные понятия, то тогда, поистине, уподобится разбойнику».

Итак, в согласии со своим жизненным опытом и представлениями своей эпохи, Крылов выражает, собственно, здесь убеждение в силе печатного слова, – и было бы трудно ему возразить. Но это слово есть, само по себе, могучее оружие; в руках героя и рыцаря, оно творит добро, а в руках бандита – зло. Кое-что об этом Крылов даже и сказал в другой своей басне, про булат, оказавшийся быстро бесполезным, когда крестьянин стал его употреблять для колки дров...

Не подтверждает ли именно такую точку зрения и сам Климов, приводимыми им примерами? Вот что он нам сообщает: «Говоря о писателях, знаменитый революционер Робеспьер сказал так: "Писателей нужно объявить вне закона, как самых опасных врагов народа"».

⁹¹ Николай Иванович Гнедич (1784–1833) – поэт, переводчик. Перевел на русский язык «Илиаду» Гомера.

Можно прибавить, что в устах «неподкупного» это отнюдь не была пустая фраза: он и на практике послал на гильотину лучшего поэта современной ему Франции, Андре Шенье⁹², – как, впрочем, и самого крупного ее ученого, Лавуазье.

Но тот факт, что талант, гений, свободная мысль, – самая страшная угроза для узурпаторов и тиранов, никак не может доказывать, что это суть вещи ненужные или бесполезные.

Большевики, например, не только приняли, но и продуманно углубили правило своего предшественника. Непослушных поэтов и писателей они убивали, от Гумилева до Мандельштама; тех же, что соглашались им служить, осыпали благами и употребляли для своей выгоды.

Однако для нас-то, казалось бы, те, кого они гнали и уничтожали, совсем не преступники, а невинные жертвы, порою же и герои.

И кто же сейчас, когда, очевидно, пробил роковой для большевизма час, наносит ему самые грозные и чувствительные удары? Такие писатели, как Александр Исаевич Солженицын и Владимир Емельянович Максимов⁹³.

Если же умеренный по настроениям писатель Чарльз Сноу⁹⁴, автор интересной серии романов из быта Англии наших дней, как выражается Климов, «говорит о своих собратиях по перу, что «девять писателей из десяти – политически порчены», то это – вполне закономерно, речь явно идет о расплодившейся на Западе категории «прогрессивных» писателей, типа тех Элиотов⁹⁵, Арагонов⁹⁶ и Сартров, которых так метко пригвоздила к позорному столбу Надежда Мандельштам⁹⁷ в своей «Второй книге».

Так что, вот: полагаю, мы должны не осуждать всех писателей, а различать среди них тех, кто служит добру, и тех, кто служит злу. Иначе выйдет очень нехорошо: будем, как слепой богатырь, лупить дубиной по своим, с большим уроном для нашего дела.

Впрочем, если спросить самого Климова, служит он добру или злу, то ведь он, наверное, ответит, что он-то из тех писателей, которые трудятся на благо человечества. А значит, такие все же есть в природе?! Пожелаем ему, сообразно этому принципу и действовать, – тем более, что Бог его способностями не обидел, – но только не увлекаться слишком прямолинейными и чересчур просто все объясняющими теориями; на самом деле, таковые всегда заводят в тупик.

Некрасов давал писателям и журналистам своего времени очень неплохой совет, уместный и в наши дни: «Осторожность, осторожность, осторожность, господа!».

*«Наша страна» (Буэнос-Айрес),
21 января 1975, № 1299, с. 1–2.*

---

⁹² Андре Мари де Шенье (Andre Marie de Chenier; 1762–1794) – французский поэт, журналист и политический деятель. В разгар революционного террора был обвинен в сотрудничестве с роялистами и казнен на гильотине.

⁹³ Владимир Емельянович Максимов (1930–1995) – писатель, поэт, журналист. С 1974 в эмиграции. Жил в Париже. Основатель и главный редактор журнала «Континент». Исполнительный директор международной антикоммунистической организации «Интернационал сопротивления».

⁹⁴ Чарльз Перси Сноу (Charles Percy Snow; 1905–1980) – английский писатель-реалист, физик, химик, общественный деятель.

⁹⁵ Томас Стернз Элиот (Thomas Stearns Eliot; 1888–1965) – американский и английский поэт, драматург, литературный критик. Представитель модернизма. Лауреат Нобелевской премии по литературе. Директор издательства «Faber and Faber». Президент Лондонской библиотеки.

⁹⁶ Луи Арагон (Louis Aragon; наст. имя Луи-Мари Андриу, Louis-Marie Andrieux; 1897–1982) – французский писатель, поэт. Деятель французской коммунистической партии. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

⁹⁷ Надежда Яковлевна Мандельштам (1899–1980) – писатель, лингвист, педагог. Жена О. Э. Мандельштама.

А может статья, прав Климов?

Давно уже поддерживая дружескую переписку с Г. П. Климовым, я неизменно получаю от него в подарок его новые книги: «Крылья холопа» (дополненное издание «Берлинского Кремля», драгоценное объективным и детальным описанием советской оккупации в Германии и настроений в СССР в эпоху Второй мировой войны); «Князь мира сего» (где, с чисто литературной точки зрения, особенно великолепна увлекательная и жуткая вступительная часть, печатавшаяся когда-то в «Возрождении»); «Имя им легион» (где тоже сильна завязка и есть отдельные прекрасные места, но где чересчур настойчивая пропаганда автором его своеобразных мнений в области политики, истории и даже богословия, немало вредит художественному эффекту).

Плохо расплачиваясь за любезность писателя, я – наряду с обсуждением интересующих нас обоих проблем магии и демонологии, примитивных религий, обычаев различных диких племен, – постоянно подвергаю резкой критике его творчество, не столько с эстетических, как с идеологических позиций.

Активно нападаю я, в частности, на несколько огульные осуждения в его романах евреев и новейших эмигрантов в целом. Ибо, на мой взгляд, человек отвечает за свои мысли и, главное, поступки, а за происхождение никто не может отвечать, – иначе мы впадаем в худшие нелепости большевизма и национал-социализма. Да и нет в природе, и не может быть, худых народов или хотя бы социальных классов; везде есть скверные и хорошие люди. Впрочем, – надеюсь, я не выбалтываю тут секрета! – на самом-то деле, в жизни, Григорий Петрович человек гораздо более широкий и терпимый, чем в своих произведениях, в которых он, умышленно или невольно, заостряет до крайности свои убеждения.

Другой пункт споров состоял, до сих пор, в моем скептицизме насчет предположения Климова об оккультном засилии в нынешнем западном мире гомосексуалистов и лесбиянок, особенно в сфере искусства и литературы. Но что до данного вопроса, за последнее время я начинаю сомневаться: а, может статья, мой оппонент-таки и прав?

Какие круги инспирируют и поддерживают С. Карлинского, вполне бездоказательно и неубедительно обвиняющего то Есенина, то Гоголя в гомосексуализме? Ну, допустим, что это его собственные и единоличные бредовые фантазии. Конечно, у кого что болит, тот о том и говорит. Но хороши же и американские журналы и издательства, публикующие, по-английски, его статьи и книги!

Будь-то единичный случай! Но вот мы наблюдаем деятельность Ю. Иваска – и уж тут, по-русски! – не постеснявшегося, в своей биографии К. Леонтьева, охарактеризовать этого талантливейшего монархического и православного публициста и писателя как «женственного Андрогина» и «Нарцисса»!

Сей женственный Андрогин, в период службы на Ближнем Востоке, имел серьезные неприятности за то, что избил хлыстом французского дипломата, позволившего себе в его присутствии непочтительно отозваться о России и русских. Трепещем при мысли, что бы произошло, если бы сей самовлюбленный Нарцисс на миг встал из гроба и прочел, что о нем сочиняет его незванный жизнеописатель! Ах, боимся, он бы на деле доказал г-ну Иваску свои совершенно бесспорные и практически не раз им проявленные мужественность и мужество!

Леонтьев, проведший годы на Балканах, в Греции и в Турции, любил тамошних суровых и отважных людей с могучими страстями и подчас жестокими нравами; ибо чувствовал свое с ними сродство душ. Смолоду боец, под старость аскет, он-то уж куда как не был изнеженным или феминизированным! Увы, язык без костей, а бумага все терпит...

Все же дивисься, что и бумага терпит, – и уж вовсе непостижимо, почему потерпел «Вестник Русского Христианского Движения», где, в № 120, эти благоглупости напечатаны, –

безобразную клевету на Марину Цветаеву, будто бы пылавшую «сапфической страстью» к ее подруге Соне Голлидэй!

Есть поговорка: «Для чистого – все чисто». Может быть, она и не верна. Но уж неоспоримо, что: «Для грязного – все грязно». Женственность Цветаевой, ее горячая, незаслуженно верная любовь к мужу и детям, ее способность ценить смелость и стойкость в мужчинах и отзываться душой на их поклонение, и, прежде всего, высокое целомудрие, отличавшее ее в быту и в поэзии, общеизвестны и незыблемы для всякого нормального человека. И какую же бессовестность надо иметь, чтобы бросать неприличные намеки на эту могилу, не отмеченную именем могилу мученицы на елабужском кладбище!

*Nonni soit qui mal y pense*⁹⁸, – развязно глумится Иваск. О, ему не стыдно, нет; это нам стыдно за него! Не только за недостаток у него душевного благородства, но и за недостаток ума: как он не сознает, что, приводя честную формулу рыцарского века, сам над собою изрекает приговор?

На судьбах людей, предающихся мерзкому пороку, или хотя бы защищающих его своим пером и словом и с жадностью ищущих его там, где его и в помине не бывало, Господь раскрывает нам наказание, какое их ждет: они теряют возможность общаться с человечеством. Для них нет более чистой дружбы между мужчинами, ни между женщинами (о дружбе между мужчиной и женщиной, что уж и говорить!), ни любви к детям, ни даже любви к животным... Все окрашено сексуальной гнусностью.

Долготерпеливый Бог Ветхого Завета, оставляя без кары множество провинностей, пролил фиал гнева своего на Содом и Гомору, – и воистину ведал, что творил! Подобно гордости Сатаны, страшен бунт против богоустановленных законов природы, и не будет прощения нераскаянным преступникам против созданного по образу Всевышнего естества человеческого... Вот, перед нашими глазами, они сами творят суд над собой. Воскликнем же в ужасе, словами Блока:

Боже, бежим от стыда!

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), 29 ноября 1977, № 1448, с. 4.

---

⁹⁸ Позор тому, кто дурно об этом подумает (*фр.*) – девиз рыцарского ордена Подвязки.

Гения и славы палачи

Старый, но остающийся актуальным вопрос: существуют ли некие темные силы, правящие миром, или же наши несчастья истекают из людских слабостей и неразумия, согласно словам мудрого шведа: «*Pausa sapientia mundus gubernator*»⁹⁹?

Вероятно, прямой ответ и невозможен: есть то и другое. Кабы не рыхлость толпы, – интеллигентской еще хуже, чем народной! – готовой слепо следовать подсказанным ей примитивным формулам, все тайные организации оказались бы бессильными. С другой же стороны, кое-какие партии, несомненно служащие злу и ведущие человечество к гибели, безусловно есть, – например, коммунистическая.

А имеется ли центр, объединяющий силы тьмы в масштабах земного шара, – остается лишь гадать. Да и гадать небезопасно, ибо речь идет о группах могучих и не привыкших ни перед чем останавливаться.

Кидается в глаза один их внешний признак (тут я целиком согласен с Г. П. Климовым): когда в какой-либо среде густо представлены половые извращения, типа однополый любви, когда в каком-либо кругу ярко, навязчиво проявляется моральная нечистота, в неизбежных формах порнографии, цинизма, кричащего неприличия, – там пахнет серою, там чернеет тень Люциферова крыла.

Обычно оркестрирование общественного мнения производится в елико возможно секретной форме, так что пружины скрыты, ничего нельзя доказать, трудно даже и подозревать. Случается, однако, что неловкий дирижер поставлен на ответственный пост; неуклюже дернув за веревку, он на миг открывает нашему испуганному взгляду нити, идущие от марионеток к закулисным управителям...

На основе таких прозрений легко не только понять прошлое, а даже и будущее предсказать, во всех подробностях. Ограничимся здесь русской эмигрантской средой: в ней все равно, как в капле воды (притом, увы, мутной и нездоровой), отражается вселенная.

Невидимая десница подала сейчас сигнал, – и хлынуло волною поношение Пушкина. Обнаружилось, что и подголоски для травли на него держались наготове, и авторитетный орган печати для пропаганды был в запасе... Ан нет, на сей раз просчитались! Не столь еще разложено и развращено наше Зарубежье: эту лобовую атаку оно стойко отбило, не без урона для заправлявшего кампанией сорбоннского профессора и фонтейнского домовладельца Абрама Терца.

Параллельно обострилась не вовсе новая акция по втапыванию в грязь – и до чего же подлыми методами! – Гоголя, Есенина, Цветаевой путем лживых (и кустарно, грубо сработанных) обвинений их в противоестественных пороках. Не те ли же действуют, которые всех троих так страшно погубили? И одновременно, нам назойливо выпихивают, возносят на щит для обязательного поклонения, скверного поэта и жуткого, недоброго человека, но зато заядлого, патентованного мужеложника, Николая Клюева!... О раздутой рекламе других литераторов, ныне здравствующих или недавно скончавшихся, мы, по понятным причинам, толковать не станем.

Правда, что псевдокрестьянский «песнописец» Клюев, в отличие от великого, подлинно народного поэта Есенина, отличался взглядами, лучше приемлемыми для левого сектора эмиграции. Вот П. Ф. Юшин, в книге «Поэзия Сергея Есенина» (Москва, 1966), уточняет: «Полемика между Есениным и Клюевым началась сразу же после принятия Есениным клятвы на верность царю в Федоровском государевом соборе. При всей своей приверженности к старине

⁹⁹ Фраза, приписываемая шведскому канцлеру Акселю Оксеншерне (см. о нем прим. 691): «Мало разума в управлении миром».

Н. Клюев был последовательным и непримиримым врагом Романовых». Что же до Есенина, то «царистские настроения поэта выражались не в одних стихах, посвященных царевнам, но принимали и более определенные и решительные формы, как раз в то время, когда все яснее становился характер совершившейся революции».

Итак, делается определенным, что в ближайшие дни вынырнут, – сначала, скорее всего, в «Русской Мысли»? – скандальные (и, разумеется, необоснованные) нападки на других русских поэтов и писателей разных эпох, известных правыми и патриотическими убеждениями. Думаем, в первую очередь подвергнутся очернению Гумилев и Розанов, конечно, и Достоевский (твердый орешек: уж сколько пробовали укусить, а зубы ломают!), в более далекой исторической перспективе Жуковский, Тютчев, возможно, А. К. Толстой, Лермонтов, Хомяков; уже, наверное, Лесков. Шаги по дискредитации К. Леонтьева уже активно предпринимаются. Естественно, полный список жертв и очередной порядок заушения обрисуются на практике, по мере претворения намеченной схемы в жизнь: предварительное ее оглашение программой отнюдь не предусмотрено!

В смысле же восхвалений, затруднительнее предвидеть: мало нашлось в русской литературе хоть сколько-то талантливых авторов с сексуальными ненормальностями; разве что, М. Кузмин¹⁰⁰? Резюмировав в общих чертах план, позволим себе обратить пару слов к его вдохновителям.

Одумайтесь и уймись, о осквернители священных могил! На кого вы заносите руку? Не учит ли народная мудрость: «С сильными не борись!». Вы гогочете: «а они давно умерли!». Глупцы! Бессмертные не умирают. Умрете вы; и есть на вас, на земле яко на небесах: «Есть правый суд, наперсники разврата!».

А они, те, великие тени, они вам ответят и из-за гроба. Не сказал ли А. К. Толстой об одном из ваших предшественников: «Отверженный Богом Басманов¹⁰¹»?

Не заклеил ли другого Пушкин эпиграммой:

В Академии Наук
Заседает князь Дундук¹⁰²,

прямолинейно пояснив, «отчего он заседает»? Всем ли из вас приятно будет, коли разберутся, какой рог изобилия проливает на не больно-то одаренных и не столь уж образованных эмигрантских литературных деятелей университетские кафедры, ключевые позиции в общественных организациях, всякие уютные посты и комфортабельные оклады? Не разоблачайте сами себя...

*«Наша страна» (Буэнос-Айрес),
10 января 1978, № 1454, с. 4.*

---

¹⁰⁰ Михаил Алексеевич Кузмин (1872–1936) – поэт, драматург, переводчик, критик, композитор. Первый в России мастер свободного стиха.

¹⁰¹ Алексей Данилович Басманов (1514–1570) – один из наиболее известных опричников Ивана Грозного.

¹⁰² Михаил Александрович Дондуков-Корсаков (1794–1869) – вице-президент Санкт-Петербургской Академии наук, цензор.

Все течет, все меняется

Новейшая эмиграция уже больше не новинка. Наблюдатели, включая Солженицына, констатируют, что рядовые ее представители, особенно в Америке, с ностальгией вспоминают Россию, поют русские песни, ценят русскую кухню, а в политической жизни и на выборах поддерживают правые партии. Запад принес им порою горькое разочарование. В. Перельман¹⁰³, редактор журнала «Время и Мы», рассказал как-то потрясающую историю подсоветской еврейки, уехавшей за границу с целью спасти свою маленькую дочь от воспитания в большевицком духе. А та, когда подросла, подчиняясь растленной среде в США, стала наркоманкой, и на отчаяние матери реагирует издевательской фразой: «Take it easy...»

Эволюция третьей волны нам во многом понятна и близка; не диво, если она постепенно сближается с первой и второй волнами, находя с теми общие интересы и проблемы. Сей процесс приводит в специальную ярость сотрудника упомянутого выше журнала, И. Шамира, призывающего против таких явлений бороться.

И вот, мы убеждаемся, – борются. Дабы забить клин между евреями и русскими, за рубежом и в СССР, публикуются пухлые томы гнуснейшей антирусской макулатуры. Ш. Маркиш¹⁰⁴ уложил (пока еще в стихах, правда!) Россию в «березовый гроб». И, в остальном, так о ней выражается, что даже В. Максимов, – которого вряд ли кто решится обвинить в антисемитизме, – счел долгом печатно протестовать. Б. Хазанов в России усматривает одну грязь, в прямом и переносном смысле. Ф. Горенштейн¹⁰⁵ посылает ей проклятия на библейский лад и уверяет нас, будто русские женщины физически отвратительны своими безобразно вздернутыми носами и выпирающими скулами. Что-то мы не замечали; вроде бы, наоборот, иностранцы весьма даже падки на русских женщин, и в изгнании, и у нас в отечестве, когда туда попадают, будь-то туристами или завоевателями.

Теперь вот, в задорной, вызывающей статье «Амнезия», в «Русской Мысли» от 19 августа с.г., направленной для виду против «Памяти», а по сути – против русского народа в целом, некий С. Юрьев нас упрекает, что мы-де «тщательно и радостно фиксируем прорывающуюся у некоторых еврейских авторов русофобию». Полагает он, что мы должны игнорировать издающиеся обширным тиражом книги (а кто их финансирует? вопрос, если вдуматься, не лишенный значения...), не читать статей, заполняющих русскоязычную зарубежную прессу и переплескивающихся обильно в иностранную (главным образом, в англоязычную)? Не лучше ли бы ему попросить сочинителей уняться, – а не от нас требовать, чтобы мы себе закрывали глаза и затыкали уши? Однако, нет, – он, вместо того, еще и сам к той продукции добавляет!

Он нас приглашает противопоставить, если у нас есть, еврейским идеям свои. Так вот мы-то это десятки лет и делаем, а «Память» начинает то же самое делать и в Советском Союзе. Но, похоже, г-ну Юрьеву оно как раз и не нравится; крепко не нравится!

На всякий случай, он сам излагает, что именно мы должны, по его представлениям, думать, навязывая нам злобный шовинизм, который уж, Бог свидетель, нашему народу испокон веков был и остается чужд! Сравнил бы он объективно наше отношение к иным народностям с тем, какое всегда являлось типичным для англичан, французов или немцев!

¹⁰³ Виктор Борисович Перельман (1929–2003) – писатель, журналист, издатель. Окончил Московский юридический институт. Работал на московском радио, в газете «Труд», «Литературной газете». В 1973 эмигрировал в Израиль, с 1981 жил в США. Основатель и главный редактор журнала «Время и мы» (1975–2001, Израиль, с 1981 США).

¹⁰⁴ Шимон (Симон) Перецович Маркиш (1931–2003) – переводчик, литературовед. Переводчик в государственном издательстве художественной литературы. Профессор отделения славистики Женевского университета (1974–1996). Автор ряда работ по истории русско-еврейской литературы. Выпускал в Мюнхене «Еврейский журнал» (1990–1993).

¹⁰⁵ Фридрих Наумович Горенштейн (1932–2002) – писатель, драматург, сценарист. С 1980 в эмиграции, сначала в Вене, затем в Берлине.

Вот какие взгляды он нам приписывает: «Чукчи раздражают нечистоплотностью, узбеки – тупостью, поляки – чванством, прибалты – дубовостью, украинцы – злобным ехидством и коварством...» Кто же, любопытно, из русских писателей, общественных деятелей, интеллигенции, подобные идеи где и когда выражал? А примеры вовсе обратных высказываний, – пожалуйста, если надо, мы сотнями процитируем! Простые же люди, если и шутят порою по адресу нацменов, то, как правило, безобидно: так же, как трунят и над своими, в стиле: «Пермяк – соленые уши», и тому подобное.

Наоборот, мы в русской литературе совсем прежде не встречали эдаких перлов; и они неприятно поразили, когда стали всплывать в заграничной печати, – после приезда новейшей эмиграции. Скажем о чукчах и эскимосах, – под пером Л. Друскина¹⁰⁶; о лопарях – под пером Ю. Гальперина, в «Континенте».

А вот русским Юрьев спешит бросить ядовитые оскорбления, ссылаясь на украинцев, которые-де «презирают русских как алкашей и бездельников». Ну, бездельники мы относительные: построили грандиозную державу, создали великие литературу и культуру, с каковыми украинцам-то равняться не приходится. И если мы пережили тяжелое временное затмение, из-за большевизма, то вот сейчас, не прогневайтесь, пробуждаемся! Ссылается Юрьев и на немцев, называющих русских свиньями. Они, однако, оказались жестоко наказаны историей за самомнение. Не случилось бы того же и с новоявленными их последователями!

Г-н Юрьев от нас всех с немалой наглостью требует смирения перед евреями. Это с какой же стати? Скажи он – справедливости к евреям, терпимости по отношению к евреям, благожелательного подхода к евреям: со всем этим мы бы готовы согласиться. Но смирение вообще между народами неуместно; оно может быть вынужденным перед тем, кто фактически намного сильнее. А русские в России пока в большинстве; и они там, как и мы здесь, себя не считают ниже никакой другой нации.

Тут же он глумливо задает нам вопрос: как бы, мол, мы русские отнеслись к мусульманскому ультиматуму «или положение бесправных иностранцев, или клятва на верность Аллаху». Отвечаем: если бы мы жили в Турции, то такое условие было бы законным, хотя и не гуманным. Но ведь русские все же живут у себя дома, в России. А с татарским завоеванием мы сумели справиться...

Адресуя нам вызов бороться честно, Юрьев сам прибегает сразу же к бесчестным, – и каким затрепанным! – приемам. Из Пушкина он приводит горькие слова: «Черт меня догадал родиться в России», обходя его продуманную и твердую отповедь Чаадаеву: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Из Лермонтова он выдергивает строку «Прощай, немытая Россия», и оставляет в тени такие стихотворения, как «Бородино», «В шапке золота литого», «Спор» и «Люблю Россию я», полные горячим патриотизмом. О Гоголе он кидает, что мол о нем и говорить нечего. Да уж, и подлинно, лучше не будем! Не то пришлось бы вспомнить метафору о птице-тройке и пламенные выражения общерусского патриотизма в «Тарасе Бульбе».

Вовсе уж зря С. Юрьев увязывает планируемое им наше подчинение евреям с христианством. Ведь так или иначе, евреи как раз Христа не признают. Так лучше уж пусть на него и не ссылаются!

Имперского духа у нас, русских, вдоволь; и зря Юрьев нас упрекает в недостатке оного. Потому мы и сумели огромную империю воздвигнуть. Это Юрьеву со присными его данного духа не хватает; вот они и стараются разжечь всеми силами вражду и ненависть между отдельными племенами России. Мы можем только предостеречь все народности империи, включая и свою собственную, – не поддаваться провокации!

¹⁰⁶ Лев Савельевич Друскин (1921–1990) – поэт, переводчик. В 1980 эмигрировал, жил в Германии.

А дальше возложим надежду на Бога, который авось черное дело не благословит и нечистые ковы злодеев разрушит.

При курьезных событиях дано нам присутствовать ныне! Внутри России зловещие фигуры литературоведов, десятилетия спекулировавших на марксистских построениях и насаживавших пресловутый вульгарный социологизм, прочно вышли из моды. Когда один из виднейших среди них, Н. Эйдельман¹⁰⁷, выходит там на трибуну, ему из публики кричат, чтобы замолчал.

Зато в эмиграции понаехавшие сюда всяческие Е. Эткинды¹⁰⁸ и И. Серманы¹⁰⁹ процветают, и отравляют атмосферу тем самым вздором, который в СССР выброшен на свалку! Да и сам Эйдельман выступал недавно в Париже с большим успехом, – и здесь никого не нашлось, кто бы осмелился ему возражать. Не переберется ли и он к нам, в свободную Европу?

Впрочем, кто знает! Может статься, придется когда-нибудь и Горбачеву с супругой удирать с Востока на Запад. Что ж, и в добрый час!

«Наша страна» (Буэнос-Айрес),

8 октября 1988, № 1992, с. 1

---

¹⁰⁷ Натан Яковлевич Эйдельман (1930–1989) – писатель, историк. Автор книг о декабристах, Пушкине, Павле I и т. д.

¹⁰⁸ Ефим Григорьевич Эткинд (1918–1999) – филолог, переводчик. С 1974 в эмиграции, жил в Париже. Преподавал в Х Парижском университете (Нантер). Печатался в журналах «Континент» (Париж), «Синтаксис» (Париж), «Время и мы» (Израиль, США), «Страна и мир» (Мюнхен). Автор многочисленных филологических работ.

¹⁰⁹ Илья Захарович (Зеликович) Серман (1913–2010) – литературовед. Преподавал в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена. В 1949 был осужден за антисоветскую пропаганду и отбывал срок в Магаданской области до амнистии в 1954. С 1976 в эмиграции, жил в Израиле. Профессор русской и славянской филологии Еврейского университета в Иерусалиме.

Художественная литература

В блаженной глуши

Писатель предреволюционной эпохи С. Гусев-Оренбургский¹¹⁰, специалист по изображению быта духовенства, рисует жизнь старой России с весьма критической точки зрения, и всегда склонен скорее критиковать, чем воспевать; он даже не чужд некоторой оппозиционности к правительству, если не прямо революционным чаяниям. Вероятно, потому левенькое Чеховское издательство и выпустило, в 1952 г., сборник его рассказов под общим заглавием «Глухой приход».

Но, каковы бы ни были его взгляды, Гусев-Оренбургский – настоящий писатель, если не первоклассный, то и не лишенный дарования, и описывает то, что видел. И вот, читаешь и думаешь: кому, зачем понадобилось такое поистине райское житие разрушать, где даже бедным и несчастным никогда не было безнадежно плохо, где масса благоденствовала, где расчет и жестокость умерялись всосанной с молоком матери и непрестанно повторяемой Церковью христианской моралью?

И какую цену! Моря крови, бездна мучений, горы трагедий, – для того, чтобы на месте счастливого и спокойного существования создать ад на земле, водворившийся ныне на нашей многострадальной родине...

Да будут прокляты сотворившие сие черное дело бесы! А те несчастные, что им по слепоте помогали, – как дорого они расплатились за свои ошибки! Простим же, и будем готовы и дальше прощать всем тем, у кого глаза раскрылись на правду. Упорствующим же во лжи, – тем прощать не станем; Бог их накажет, кого еще не наказал, а мы с ними лучше не будем соприкасаться.

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), рубрика «Среди книг», 31 мая 1986, № 1870, с. 4.

---

¹¹⁰ Сергей Иванович Гусев-Оренбургский (1867–1963) – писатель. Учился в духовной семинарии, принял сан священника. После 6 лет службы отказался от сана и стал писателем. С 1921 в эмиграции. Жил в Харбине, с 1923 в США.

В издательстве имени Чехова

Раскрывая сочинения Хомякова¹¹¹, вышедшие только что в Чеховском издательстве, трудно не испытать изумления перед жгучей актуальностью, которую они сохранили для настоящего момента, несмотря на то, что написаны более ста лет тому назад. Это чувство охватывает, едва пробежишь первые же страницы, – такие вещи, как «Мнение иностранцев о России» и «Мнение русских об иностранцах», словно нарочно составлены в ответ на споры и волнения нашего времени, – и оно продолжает усиливаться через всю книгу. Тема «Разговора в подмосковной», о значении русского языка и об опасности денационализации, если и потеряла свой смысл для России, для эмиграции сейчас снова получила первостепенную важность. Да и все остальные статьи сборника, – в этом всякий, кто их прочтет или перечтет, легко убедится, – заключают в себе мысли, к которым мы все принуждены на каждом шагу возвращаться.

Перечисленные выше статьи, как и другие, включенные в «Избранные сочинения Хомякова», так и вошедшие в этот томик его письма, отражают интенсивное умственное движение той блестящей поры, когда ему посчастливилось жить, и прежде всего идеи течения, вошедшего в историю под названием славянофильства. С грустью приходится отметить, насколько Хомяков, – да, впрочем, и его сподвижники, – бесконечно выше тех людей, которые сейчас в русской заграничной печати пытаются повторять его воззрения, главным образом, по поводу оставшегося острым вопроса о взаимоотношениях России и Запада! Где у той части русской ультраправой эмиграции, которая только и делает, что ругает Европу и восхваляет Россию, хотя бы десятая доля знания западной культуры, философии, богословия, какими обладал Хомяков, – его уважения к тем подлинно великим достижениям Запада, отрицать которые может лишь тупой фанатик или бессовестный лицемер, – и где, наконец, те скромность и смирение, с которыми он любил Россию, сознавая и громко признавая ее недостатки и неустанно повторяя, что гордится ее духовной высотой, ее задатками к выполнению в мире дела любви и справедливости, а не ее грубо материальной силой или пространственным протяжением? И у кого из нынешних «славянофилов» хватило бы мужества сказать фразу, написанную Хомяковым в его письме И. С. Аксакову¹¹² (стр. 401): «Я все более и более убеждаюсь в одном: все ошибки Петра оправдываются (т. е. объясняются) странным бессмыслием допетровской, романовской, московской Руси?».

Всякий, кто прочтет этот сборник без предвзятого мнения, будет, без сомнения, зачарован глубиной мысли по самым разным вопросам и может быть, еще более благородством тона, какими отмечена в ней каждая строка, – не говоря уже о великолепном русском языке, который сам по себе дает наслаждение. Можно было бы, пожалуй, пожалеть о том, что в сборнике не отведено больше места публицистическим работам Хомякова, так как его богословские сочинения, занимающие в нем почти половину, все же менее интересны для широкой публики, хотя и они ничуть не устарели. Впрочем, на наш взгляд, с религиозной точки зрения самое ценное и замечательное из вошедшего в сборник, заключено не в статьях, а в одном из писем к И. С. Аксакову (стр. 367), исключительном по силе и глубине. Многие из писем дают интереснейшие комментарии к событиям того времени, и содержащиеся в них оценки иногда блестяще оправданы дальнейшим (хотя бы его проект восстановления независимости Польши, или его соображения о корне революционного духа в воспитании молодежи). Были у Хомякова, конечно, слабости, вызывающие улыбку, вроде его ярого местного патриотизма, застав-

---

¹¹¹ Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) – поэт, философ, богослов, публицист. Один из основоположников славянофильства.

¹¹² Иван Сергеевич Аксаков (1823–1886) – писатель, поэт, общественный деятель. Один из основоположников славянофильства.

лявшего его видеть все хорошее в Москве и все плохое в Петербурге, что особенно смешно, принимая во внимание общую широту его взглядов и любовь к такой широте у других.

Не знаем, не следовало ли отвести больше страниц для стихов Хомякова, представленных на этот раз далеко не полно. Среди тех, что вошли в сборник, есть такие, которые по лирической силе не уступят вещам наших лучших поэтов; любопытно, что это в основном те, которые навеяны религиозным чувством, как, например, «Мы – род избранный», «Вечерняя песня», «По прочтении псалма», «Труженик». В других, наоборот, их слишком политический, слишком тенденциозный характер разрушает художественное впечатление; но и среди них есть замечательные, как «Киев», в котором со страстной мощью всплеснулся русский патриотизм автора.

«Возрождение» (Париж), рубрика «Среди книг, газет и журналов», июль 1955, № 43, с. 144–145.

«Египетский голубь»

Нас порадовало, порадует, наверное, и многих – появление среди книг чеховского издательства «Египетского голубя» Константина Леонтьева. За чеховским издательством установилась в публике – верно ли, ложно ли, репутация очень левого учреждения. Выпуская роман Леонтьева, пламенного монархиста, убежденнейшего консерватора, оно выгодным образом свидетельствует о своей объективности и подает повод к надежде, что в своей дальнейшей деятельности будет предлагать читателю произведения авторов, старых и новых, выбранных по принципу художественной ценности и исторического значения, а не того или иного политического направления, так что по ним возможным окажется составить себе представление о культурной жизни старой России и эмиграции полное и верное, а не однобокое и пристрастное.

С другой стороны, Леонтьев – бесспорно один из замечательнейших русских мыслителей, но, хотя его имя широко известно, читают его гораздо меньше, чем он заслуживает, и в значительной мере потому, что разыскать его книги нелегко. Можно было бы выразить удивление, почему издательство предпочло именно «Египетского голубя», вещь не только незаконченную, но, видимо, не доведенную даже до полноты, в сравнении с авторским замыслом. Почему не «Одиссей Полихрониадес», хотя тоже не заверченный, но все же относительно более полный, или не грациозные новеллы, как «Хризо», «Капитан Илия», «Аспазия Ламприди»? А главное, почему бы не сборник статей Леонтьева «Византизм и славянство» и другие, где он лучше всего раскрыл свои идеи.

Однако легко найти доводы и в защиту выбора чеховского издательства. «Египетский голубь» имеет то преимущество, что, являясь резко автобиографичным, представляя собой своего рода дневник: он ярче, чем другие сочинения Леонтьева, знакомит нас с личностью и характером этого незаурядного и интересного человека. Вошедшая в тот же томик восточная повесть «Дитя души» дополняет картину, показывая нам и другую писательскую манеру Леонтьева. Следует все же пожелать, чтобы были переизданы также его публицистические, критические и политические статьи, знание которых сейчас может быть еще важнее для всякого русского интеллигента или даже иностранца, интересующегося Россией, чем они были в годы их написания.

Это имело бы тем большее значение, что, странным образом, о Леонтьеве у многих создается совершенно фантастическое представление. Его воображают часто жестоким и сухим фанатиком; М. А. Алданов, в «Ульмской ночи» доходит до того что говорит об «антигуманизме» Леонтьева, в силу которого будто бы трудно себе представить, как он мог быть врачом по специальности. Между тем, не только факты жизни Леонтьева, ясно рисуют нам его мягким, отзывчивым человеком, но и достаточно прочесть его сочинения, чтобы почувствовать, что он в действительности не больше своего современника Достоевского заслуживает упрека в жестокости. Если мысли его о христианстве, об истории и о будущем человечества не всегда утешительны и радостны, то это показывает не равнодушие к человеческим страданиям, а только ту страстную, почти средневековую веру, которая владела его душой, ту честность, с какой он договаривал до конца свои мысли, то волнение и опасение, с какими он глядел на многое из происходившего вокруг, чего не мог не переживать, на что не мог не отзываться. Настолько же превратно было бы упрекать Леонтьева в недостатке патриотизма и любви к русскому народу. В жизни он служил России со всей энергией и преданностью, защищая ее интересы, как консул на Востоке; следы этого, читатель найдет и в «Египетском голубе». И если он смотрел на грядущую судьбу России с пессимизмом – кто в наши дни рискнет сказать, что он был неправ? Не оказались ли все его предвидения для России и для Запада трагически верными? Но не будем забывать, что он и не был в них категоричен, допуская для нашей Родины еще долгие светлые годы, если она будет идти правильным путем. И теперь трудно было бы отрицать, что

по крайней мере часть его политических оценок была вполне справедлива в отношении как внешней, так и внутренней политики нашей Империи.

«Возрождение» (Париж), рубрика «Литература и искусство», сентябрь-октябрь 1954, № 35, с. 180–181.

В мире таинственного

Один из случаев, когда Чеховское издательство сделало удачный выбор среди старых русских писателей, – переиздание «Девяти повестей» князя Владимира Федоровича Одоевского. Князь Одоевский, современник Пушкина, человек самого блестящего периода нашей литературы, периода, справедливо изумляющего даже иностранцев, оставил глубокое впечатление у своих современников, и без упоминания о нем не может обойтись сколько-нибудь обстоятельный курс истории русской литературы. Сочинения его стали, однако, библиографической редкостью: большинство читателей впервые встретится с автором, открыв книжку Чеховского издательства.

Оставляя в стороне выбор вошедших в сборник рассказов, главным недостатком, как нередко в Чеховском издательстве, является предисловие. Стоило ли перепечатывать устаревшее, да и для своего момента не очень глубокое предисловие профессора Котляревского¹¹³, составленное в 1904 году? Почтенный профессор, не чуждый духу 60-х годов, жестоко, хотя и довольно поверхностно, критикует Одоевского за идеализм, за кажущуюся ему смешной веру в «неземные миры», и уж, конечно, за национальную гордость и славянофильские идеи. По правде сказать, даже в 1904 году такого рода критика представляла собою некоторый анахронизм и звучала немного вульгарно. В нашу же эпоху, после великой переоценки ценностей прошлого века, об Одоевском следовало бы говорить совсем иначе.

Думаем, что ценность его рассказов вовсе не в популяризации философии Шеллинга¹¹⁴, как полагает Котляревский; надо, впрочем, признать, что наиболее слабые отрывки «Девяти повестей» и вправду посвящены этой задаче. Настоящий интерес повестей Одоевского в том, что они кладут начало особой струе в русской литературе, струе, не иссякшей и до сих пор, и которой мы обязаны многими шедеврами. Если реалистическая и социальная направленность возобладала в нашей последующей литературе, то справедливо указать и на корни других направлений. Одно из них, никогда не выступавшее на первый план, но всегда присутствовавшее, надо бы назвать мистическим. Вспомним «Пиковую даму» и «Гробовщика» Пушкина, «Незаконченную повесть» («Штосс») Лермонтова, «Хозяюку» Достоевского, «Клару Милич», «Призраки», «Собаку», «Стук-стук» и особенно «Песнь торжествующей любви» Тургенева, не говоря уже об «Упыре» А. К. Толстого. Проходя через них, та же традиция пробивается даже у Амфитеатрова и у Куприна, у которых, к слову сказать, как будто чувствуется местами прямое влияние Одоевского. Странно, что «серебряный век» с его напряженным интересом ко всему потустороннему, кажется, не оставил нам ничего замечательного в этом роде, по крайней мере, в прозе. О стихах же жуткого и мистического тона мы не будем тут говорить: это увело бы нас слишком далеко, так как их запас, в русской поэзии, неистощим.

За границей данный жанр богато представлен в разных странах, даже если брать только действительно громкие имена. Гофман в Германии, Бальзак и Мериме во Франции, Вальтер Скотт и Киплинг в Англии, все заплатили ему дань. В наши дни в английской литературе он имеет большой успех под присвоенным ему техническим именем «different fiction».

Те, кто любит эту область художественного творчества, в ее русском или иностранном варианте, с живым удовольствием прочтут некоторые из повестей Одоевского, в первую очередь «Сильфиду» и «Саламандру». Простота построения «Сильфиды» и искусство, с каким автор полунамеками переносит читателя в сферу потустороннего и создает чувство любопыт-

¹¹³ Нестор Александрович Котляревский (1863–1925) – литературный критик, историк литературы. Действительный статский советник. Первый директор Пушкинского дома в Петербурге.

¹¹⁴ Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (Friedrich Wilhelm Joseph Schelling; 1775–1854) – немецкий философ. Представитель идеализма в новой философии, один из первых йенских романтиков.

ства и жути – поистине достойны изумления. Позднейшие специалисты, разработавшие целый ряд приемов, действующих на воображение и настроение, ничему не могли бы научить этого аристократа, любителя музыки и философии первой половины прошедшего века.

«Возрождение» (Париж), рубрика «Среди книг и журналов», август 1955, № 44, с. 145–146.

«Смена»

Когда спрашиваешь мнение публики о книгах Чеховского издательства, почти все читатели единодушно заявляют, что самое лучшее и интересное, это – сочинения Максимова, Нарокова, Ржевского и других писателей, до того неизвестных, лишь недавно появившихся на сцене. Казалось бы, для издательства было бы логичнее прислушаться к этому голосу народа, тем более, что это было бы сделать совсем не трудно. В самом деле, за границей сейчас находится множество людей из новой и старой эмиграции, которые пишут и до смерти хотели бы видеть свои произведения в печати, да не знают, как бы это устроить. Не все, конечно, стоит опубликовывать; но мы уверены, что из имеющегося материала можно было бы выбрать такие вещи, которые имели бы – и справедливо – решительный успех. Такие романы и рассказы во всяком случае обладали бы одним важным достоинством: они были бы актуальны. Написанные сейчас, они все отражают в той или иной форме дух и запросы времени, а значение этого нельзя переоценить.

При такой постановке дела невольно удивляешься, когда Чеховское издательство львиную долю старания посвящает задаче перепечатывать классиков и литераторов дореволюционной эпохи, или распространять переводы американских авторов. Есть детали, придающие подобному уклону еще более сомнительный характер. Переиздание классиков могло бы быть ценным, если бы имело целью дать желающим в руки то, что большевики стараются скрыть и замолчать. Но когда издаваемые в Нью-Йорке книги по содержанию и по форме почти ничем не отличаются от издаваемых в Москве, а по цене во много раз дороже, – задумываешься, не бесполезная ли это трата сил и денег? Переводы могли бы быть положительным явлением. Но зачем печатать, например, посредственный роман американской писательницы Виллы Катэр¹¹⁵ в скверном переводе Яновского¹¹⁶? Неужто в литературе Соединенных Штатов нет явлений более значительных? Что до качества перевода, мы понимаем, что нельзя требовать за рубежом такого уровня, какой налицо в СССР, где на эту работу есть огромный спрос, где ею занимаются старательно и добросовестно. Но все же обидно, когда переводчик явно выказывает плохое знание, как английского, так и русского языка и, мягко сказать, крайнюю небрежность.

Роман А. Эртеля¹¹⁷ «Смена» не может на этом фоне вызвать особых возражений. Эртель, действительно, – писатель, с одной стороны – талантливый и яркий, с другой – довольно основательно и совершенно несправедливо забытый. Забытый, все же, не так, как можно подумать по предисловию Бунина: вспомним, что в СССР был переиздан его роман «Гарденины», – бесспорно, лучшее из его произведений, так что он сейчас довольно легко доступен публике. Труднее было бы найти другие его вещи, выпущенные только перед революцией. Факт меньшей популярности Эртеля, чем таких его современников, как Глеб Успенский или Короленко,

¹¹⁵ Вилла Катэр (также Уилла Кэсер; Willa Cather; 1873–1947) – американская писательница. В 1952 издательство имени Чехова напечатало ее роман «Моя Антония» в переводе В. С. Яновского.

¹¹⁶ Василий Семенович Яновский (1906–1989) – прозаик, публицист. В эмиграции с 1922. С 1926 жил в Париже, где продолжил занятия литературой, параллельно учась на медицинском факультете Сорбонны, который окончил в 1937. Печатался в журнале «Числа», газете «Последние новости, журналах «Иллюстрированная Россия», «Русские записки» и «Современные записки». В 1930 в Париже вышло первое крупное произведение «Колесо». Новый роман «Мир» (Берлин, 1931) вызвал единодушную критику со стороны многих литераторов. Холодный прием встретили у читателей и критики и последующие произведения – повесть «Любовь вторая» (Париж, 1935) и роман «Портативное бессмертие» (1938–1939), изданный полностью отдельной книгой лишь в 1953 в Нью-Йорке. В 1940 вместе с женой и дочерью перебрался в Монпелье, на юг Франции, затем в Касабланку (Марокко), а оттуда в США (июнь 1942). Жил в Нью-Йорке, работал врачом-анестезиологом. Совместно с Е. Извольской и А. Лурье организовал экуменическое общество «Третий час», издающее одноименный журнал на трех языках; сотрудничал с эмигрантскими изданиями «Новый журнал» (Нью-Йорк), «Новоселье» (Нью-Йорк), «Опыты» (Нью-Йорк). Опубликовал роман «Американский опыт» (Нью-Йорк, 1982), повесть «Челюсть эмигранта» (Нью-Йорк, 1957), мемуары «Поля Елисейские: Книга памяти» (Нью-Йорк, 1983).

¹¹⁷ Александр Иванович Эртель (1855–1908) – писатель. Участник «Народной воли».

объясняется, может быть, отчасти его объективностью и относительным отсутствием тенденциозности. Но именно в силу этих свойств его дарования, особенно живой и убедительной делается картина жизни пореформенной России под его пером. Автобиографический образ молодого разночинца, постепенно вырастающего в культурного человека, и образы помещиков, с трудом привыкающих к мысли об отмене крепостного права в «Гардениных», фигуры эксцентричного миллионера-старообрядца и либерального интеллигента из числа первых марксистов в «Карьере Струкова» и особенно типы крестьян – будь-то в «Двух парах», «Жадном мужике» или «Гардениных», – все индивидуальны, убедительны и характерны для эпохи. Но именно крестьяне, быт которых он превосходно знал и язык которых он умел передавать так, что заслужил восхищение Толстого, у него выходят удачнее всего.

В «Смене» охват особенно широк. Хорошим свидетельством справедливости Эртеля является та симпатия и теплота, с какой он, более близкий, конечно, либеральным идеям, рисует реакционера, генерала николаевских времен, Василия Юрьевича Гневывшева, совершенного джентльмена и человека широких взглядов во всех житейских делах. Рядом с ним – Андрей Петрович Мансуров, выбитый из колеи, тщетно ищущий идею, в какую бы поверить, и подходящего места в жизни, и его сестра Лиза, революционерка и народница, самоотверженно служащая своему идеалу и постепенно в нем разочаровывающаяся. Не меньшее место занимает и купечество провинциального городка: делец старого закала Алферов и его интеллигентный, прогрессивный сын; свирепый живодер Колодкин; приказчик Дормидонтыч, у которого под внешней банальностью скрывается упорная тяга к культуре для себя и для своих детей. Однако, и здесь к числу самых удачных относятся страницы, рисующие крестьян; тут они даны со своеобразной точки зрения: группа сектантов или, вернее, богоискателей, собирающихся вокруг философа-самоучки Алешки. Вот как о них говорит автор: «Между мужиками были и черные, и рыжие, и клином борода, и лопатой, швец Кузьма был даже сивый и с бельмом на глазу, но ни одного не было с тупым или глупым лицом». И та острота, с которой они ставят вопрос о Боге, о правде, о свободе, бесспорно типична для русского человека; лишней раз чувствуешь, что уж, конечно, не примитивные теории марксизма могут удовлетворить те запросы, какие нашему народу искони присущи.

Но еще лучше в «Смене» места, где автор показывает тех, к кому относится название романа, – молодых интеллигентов-разночинцев, идущих на работу в земство. Тут мы даже не встречаем очень ярких индивидуальных образов, а скорее некоторый собирательный тип среды и времени. Их бурный динамизм, их идеализм, то желание служить людям и науке, которое их до краев переполняет, вызывали бы у нас восхищение и гордость, если бы рядом не виднелась неумеренность их требований и бескомпромиссность их воззрений, никак не мирящихся с постепенной эволюцией и не допускающих приспособления к реальным условиям. Сколько пользы такие люди могли бы принести России, если бы правильнее понимали свои задачи и цели.

Некоторые места заставляют улыбнуться не только над ними, но и над самим автором. Наиболее близкий ему герой, Федор Евдокимович Прытков, встречает в гостях двух молодых людей, студента и лицеиста, и заводит с ними разговор об их идеалах. Он совершенно убит и скандализован, когда студент принимается с увлечением говорить о научных проблемах филологии, а лицеист – еще хуже! – высказывает свое уважение к отцу Иоанну Кронштадтскому. Что сказать о мире, где студенты должны были заниматься политикой, но никак не наукой, и где вера казалась абсурдом! Жаль, что то поколение, которое должно было сменить эту «Смену» разночинцев, увлеченных левой стихией, постигла роковая судьба. Оно, быть может, сумело бы предотвратить нынешний ужас... если бы имело на то время.

С чисто художественной точки зрения, роману сильно вредит неожиданная и немотивированная развязка – случайная и внезапная смерть главного героя от не ему предназначав-

шейся пули. Это производит впечатление какого-то «Deus ex machina»¹¹⁸, тем более, что гибель его постигает в момент, когда он стоит на распутье, не зная, какое направление выбрать, и таким образом любопытство читателя остается неудовлетворенным. Случись это в момент его разочарования или, наоборот, – счастья и удовлетворения, впечатление от книги было бы сильней. Станным образом, не только здесь, а и вообще у Эртеля заметен этот недостаток: он как-то не умеет давать логического и естественного конца.

«Возрождение» (Париж), рубрика «Среди книг и журналов», февраль 1955, № 38, с. 146–148.

---

¹¹⁸ «Бог из машины» (*лат.*) – выражение, означающее неожиданную, нарочитую развязку ситуации, с привлечением внешнего фактора.

Сбывающееся пророчество

В романе В. Крыжановской «Эликсир жизни» (самом талантливом из ее многочисленных произведений) мы наталкиваемся на следующее размышление одного из героев:

«Настанет час, когда возмущенная природа жестоко отомстит преступному человечеству. Истощенная земля откажет ему в своих плодах, реки обезрыбеют и уничтоженные и пустые леса не дадут ни тени, ни свежести. Охлажденный воздух будет лишен теплоты и кислорода. Возмущенные стихии приведут в ужас весь мир неслыханными катаклизмами. Бури, землетрясения и град невиданной величины уничтожат поля и деревья. Вода или выступит из берегов или высохнет. Земля превратится в ледяную пустыню – и, в заключение, воспламенятся газы».

С минимальными оговорками, это – как раз то, что происходит сейчас в России, в результате длительного правления большевиков! Возьмем экологические описания, – и в них, разве что слегка иным языком, дана та же самая картина. Впрочем, нечто сходное, хотя и в гораздо меньших размерах, творится и на Западе, да и вообще во всем мире.

Нельзя не согласиться и с дальнейшим рассуждением писательницы: «Настоящее человечество, это – палач будущих поколений, которые проклянут его за адское оставленное им наследство». Правильны и следующие слова: «Ненасытное тщеславие правительств, давящих налогами народ ради вооружения, превратило весь мир в военный лагерь и держит вселенную под вечной угрозой».

Если мы взвесим, что все это сказано еще до Первой мировой войны, – надо признать немалую проницательность сочинительницы! Ее жуткие прозрения осуществляются на практике с неожиданною точностью.

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), рубрика «Среди книг», 25 февраля 1989, № 2012, с. 4.

Н. С. Гумилев, «Неизданное» (Париж, 1980)

Сборник (под редакцией Г. Струве) не разочаровывает тех, кто любит и понимает Гумилева. Его письма похожи на пушкинские: то же богатство тем, – литература, любовь, приключения на войне и в путешествиях, – тот же слог светского, хорошо воспитанного человека, порою с заразной усмешкой. Чего стоит эпизод об его визите к Мережковскому и Гиппиус¹¹⁹, будто бы сравнивавших его с неким поэтом Бетнуаром! Судя по всем свидетельствам, они и впрямь умели исключительно бестактно обращаться с посетителями. Но, если форма близка к Пушкину, характер, в ней выраженный, – совершенно свой и особый, гумилевский.

Письма молодого поэта к Брюсову, которого он избрал себе в образцы и руководители («учитель мой Вы и мне не надо другого...»), почтительны и полны лояльности.

Возможно, в начале, в смысле техники, тот ему и оказался полезен; а потом, несомненно, еще гораздо больше, чем в случае Пушкина и Жуковского, ученик превзошел учителя.

По-иному интересна переписка с Ларисой Рейснер¹²⁰. Как странно сочетание этих двух имен, светлого и темного, монархиста и православного, – и недоброй памяти авантюристки от революции! Но Рейснер тогда еще своей сущности не проявила, и Гумилев находился, вероятно, в плену ее красоты и очарования, в момент, когда распался его брак с Ахматовой. Во всяком случае, его письма дышат глубоко человеческими нежностью и заботой (в отличие от порою манерных и претенциозных ответов его корреспондентки). Даже отшатнувшись уже от любимой (поняв, очевидно, ее подлинную натуру), он ей дает лучший из мыслимых советов: «Ну, до свидания, развлекайтесь, но не занимайтесь политикой». Как жаль, что она его не послушалась!

Из стихов, данных в книге, наоборот, – большинство, принадлежит к слабым, которых сам поэт не захотел бы поместить в собрании своих сочинений. Сделаем исключение для двух: «Освобождение» и, пожалуй, «Анна Комнена».

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), рубрика «Библиография», 12 марта 1983, № 1703, с. 2.

---

¹¹⁹ Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) – поэтесса и писательница, драматург и литературный критик. Видная представительница Серебряного века и русского символизма. Жена Д. С. Мережковского.

¹²⁰ Лариса Михайловна Рейснер (1895–1926) – поэтесса, журналистка, политический деятель. Революционерка, участница гражданской войны.

Певец во стане белых воинов

Какой нашелся у русского Зарубежья поэт, из самых больших и талантливых, – пожалуй, и величайший из всех вообще, – в бессмертных, гениальных стихах воспевавший Белое движение и монархическую идею? Не странно ли: это была женщина – Марина Цветаева.

Появятся охотники мне возражать? Пусть. Проиграют дело, – уже проиграли, – перед судом истории. Даже большевики ее издают и отводят ей почетное место в русской литературе; а они, ведь, не смеют, и не посмеют, напечатать, да хотя бы и процитировать, лучшие ее вещи: «Лебединый стан» и «Перекоп».

Но нам-то, за границей, чего ж молчать? Мы и так слишком долго молчали о той, кого ни оценить, ни сберечь не сумели! Ее задушили и вытолкнули, в лапы к большевикам, левые; про то она сама сказала. Но правые-то где же были? Как же они-то проморгали создательницу неповторимого, грандиозного эпоса, который без стыда можно рядом поставить с «Иллиадой», «Лузиадой» или «Освобожденным Иерусалимом», с которым, в русской поэзии разве что допустимо сравнить «Полтаву», «Бородино», да стихи Блока о Куликовом Поле?

Как же не заметили единственного поэта, рассказавшего в полный голос о революции, о гражданской войне и об изгнании, с его нуждой, унижениями и несломимой национальной гордостью? Да ее книги каждому белому эмигранту надо бы на сердце носить, помнить наизусть; их бы, изо всего, написанного за рубежом, – в первую очередь следовало переводить на иностранные языки...

Упустили... Так хоть теперь, когда Марина Ивановна, умученная коммунистами (но те в ней правильно видели опасного врага...), спит в безымянной могиле в елабужской глуши, помянем ее мы, монархисты, ибо она принадлежала к нашему лагерю.

Сколько писателей и поэтов, весь цвет интеллигенции, соблазнился и запутался в феврале и октябре; но не эта, совсем еще юная тогда женщина.

Она-то сразу поняла смысл происходившего:

Свобода! Гулящая девка
На шалой солдатской груди!

И увидела без прикрас подлинный лик Керенского¹²¹:

Глаза над улыбкой шалой —
Что ночь без звезд!

У нее не возникало колебаний о старой и вечной правде:

Царь с небес на престол взведен:
Это чисто, как снег и сон.
Царь опять на престол взойдет —
Это свято, как кровь и пот.

Она, не обманутая, оставалась с истинной Россией, и знала, где искать настоящую Россию:

---

¹²¹ Александр Федорович Керенский (1881–1970) – политический и государственный деятель, министр, затем министр-председатель Временного правительства России (в 1917). После октябрьского переворота эмигрировал во Францию, затем в США.

Там, на рассвете
Ставят свечи
Вынимают просфоры —
Старухи, воры:
За живот, во здравие
Раба Божьего – Николая.

Ее взором открывалось, что нужнее всего родине, что для нее всего драгоценнее:

За Отрока – за Голубя – за Сына
За царевича младого Алексея
Помолись, церковная Россия!

Перед лицом бури, лучшие, правильнейшие слова к ней приходили, и слагались в пророческий призыв:

Кропите, слезные жемчужинки,
Трон и алтарь.
Крепитесь, верные содружники:
Церковь и царь!

И по праву могла она к себе применить собственные строки:

Нынче праздник слуг нелицемерных:
Целый дождь – в подхваченные полы!
Это Царь с небесного престола
Орденами оделяет – верных.

Авось, Царь-Мученик ее и наградит в раю; ибо люди с ней поступили бесчеловечно и безбожно.

Устами Цветаевой, в те годы, словно бы говорили вместе все жены и матери, чьи близкие боролись за правое дело:

Я не знаю, жив ли, нет ли,
Тот, кто мне дороже сердца...

Но с совсем не женским мужеством прославила она единственный в ту пору верный путь:

Кто уцелел – умрет, кто мертв – воспрянет.
И вот потомки, вспомнив старину:
– Где были вы? – Вопрос как громом грянет,
Ответ как громом грянет: – На Дону!

Несокрушимой твердостью, неколебимой стойкостью дышат ее стихи:

Белая гвардия, путь твой высок.
Черному дулу – грудь и висок.

Поэму «Перекоп» – ее и цитировать трудно; надо сплошь читать, во всей ее силе и правде. А в не менее прекрасном «Лебедином стане», откуда я уже столько отрывков привел, едва ли не самые замечательные строфы попадают под конец, – недаром их теперь ставят в эмигрантских календарях:

С Новым Годом, Лебединый Стан!
Славные обломки!
С Новым Годом, – по чужим местам, —
Воины с котомкой!
С пеной у рта пляшет, не догнав,
Красная погоня!
С Новым Годом – битая – в бегах
Родина с ладонью!

Цветаева рассказала в своих воспоминаниях, как она в 1921 году в Москве читала перед красноармейцами стихи со словами:

Да, ура! – За царя! – Ура!

в которых видела «свою, жены белого офицера последнюю правду».

Но, может быть, еще более значительными, глубоко провидческими, оказались другие ее – не начинающие ли ныне сбываться? – стихи:

Белизна – угроза Черноты.
Белый храм грозит гробам и грому.
Бледный праведник грозит Содому
Не мечем – а лилией в щите!

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), 27 апреля 1976, № 1365, с. 1.

Марина Цветаева, «Проза» (изд-во имени Чехова, 1953)

Книга может доставить читателю живое и большое удовольствие. Но относительно формы ее издания возникает ряд вопросов и сомнений. Это – своего рода дневник писателя. О себе Цветаева все время говорит, как о поэте, задачу своей жизни видит в писании стихов, с друзьями и литераторами встречается как поэт, соприкасается с ними через свои стихи. Много в ее рассказе только и можно понять, если знать ее стихи. А это любознательному читателю дается нелегко. Пойди-ка, найди их, раскиданные (как говорится в примечании) по «различным периодическим изданиям русской эмиграции», изданные отдельными сборниками в Москве, Берлине и Праге! Без стихов же, проза Цветаевой – дом без ключа.

Стихи ее не жаль было бы переиздать тоже. Они своеобразны и талантливы; есть у них и серьезные недостатки... но, поскольку Чеховское издательство предлагает нашему вниманию только прозу, будем говорить только о ней.

Выбору прозы тоже нельзя не удивиться. Почему, посвящая отдельную главу теме «Мой Пушкин», – и правильно, ибо для всего творчества Цветаевой ее понимание Пушкина чрезвычайно важно, – выпустили ее очень типичные мысли о фигуре Пугачева, опубликованные, если не ошибаюсь, в «Современных Записках»? Почему, много говоря о детстве Цветаевой, не привели оригинальное описание отношений ее с чертом? Если из-за недостатка места, лучше уж было пожертвовать ее бледным и неудачным очерком о поэзии Пастернака или даже несколько сбивчивым рассуждением об «Искусстве при свете совести».

Так, как книга издана, лучшее в ней – описание встреч Цветаевой с русскими писателями «серебряного века»: Волошиным¹²², Кузминым, Брюсовым, Белым, Бальмонтом. О том же периоде и отчасти о тех же людях писали и другие: Георгий Иванов в «Петербургских зимах», Ходасевич в «Некрополе», Терапиано¹²³ во «Встречах». Но в описаниях Цветаевой некоторые образы оказываются ближе к нам, доступнее и понятнее, чем у всех остальных. Немало содействует впечатлению ее стиль – явно женский (хотя не так уж просто сказать – чем?), взволнованный, стремительный, создающий чувство необычайной искренности и непосредственности, и притом, время от времени, вспыхивающий внезапными блестящими юмором. Брюсов, с которым Цветаева связывали долгие годы взаимной вражды, похожей на влюбленность, не зря сказал по поводу ее первой книги стихов: «Стихи г-жи Цветаевой обладают какой-то жуткой интимностью, от которой временами становится неловко, точно нечаянно заглянул в окно чужой квартиры». Есть то же чувство и от ее прозы. Но это окно притягивает. Хочется у него остаться, хочется заглянуть подальше...

И не только из любопытства. Трагедия Цветаевой – ее возвращение в СССР и самоубийство в Елабуге – представляют собой проблему жгучего интереса и острой актуальности. Разве не разделили ее судьбу и другие писатели? Множество рядовых эмигрантов? Разве не путаются сейчас в советской пропаганде иностранные интеллигенты? Но из-за редкость плохого, серого и скучного предисловия Ф. Степуна¹²⁴ мы почти ничего не узнаем о биографии Марины Цветаевой, и совсем ничего об ее внутреннем мире.

¹²² Максимилиан Александрович Волошин (1877–1932) – поэт, переводчик, художественный и литературный критик, художник. Увлекался антропософией.

¹²³ Юрий Константинович Терапиано (1892–1980) – писатель, поэт, литературный критик, переводчик. Участник Первой мировой и гражданской войн. С 1920 в эмиграции. Жил в Константинополе, с 1922 в Париже. Печатался в газетах и журналах русской эмиграции: «Новое русское слово» (Нью-Йорк), «Русская мысль» (Париж).

¹²⁴ Федор Августович Степун (1884–1965) – философ, социолог, литературный критик, общественно-политический деятель. Участник Первой мировой войны. Начальник политического управления Военного министерства во Временном правительстве (1917). Литературный руководитель и режиссер Показательного театра в Москве (1919–1920). В 1922 выслан советской властью за границу. Жил в Берлине, Дрездене и Мюнхене. Профессор истории русской культуры в Мюнхенском университете.

Остается просить ответа у нее самой. И, раскрыв книгу с вопросом, закрываешь ее взволнованным, с болью и изумлением. Что могло толкнуть эту женщину, явно талантливую, видимо обаятельную в жизни, – в объятия красного паука, которого она так хорошо знала, так боялась, так ненавидела?

Цветаева оставалась в Советском Союзе до 1922 года. Не так долго. Но схватить и передать она сумела все. Кошмарный быт, очереди за мороженой картошкой, бессмысленность службы в советском учреждении, удушающую атмосферу в литературе... Цветаева вела себя с достоинством, больше – с мужеством. Политические ее взгляды тоже не допускают сомнений. Приведем один эпизод:

Некая поэтесса ее уговаривает вместе выступить со стихами.

– Со мной и с Радловой.

– Коммунистка? – спрашивает Цветаева, готовая отказаться.

– Ну, женский коммунизм...

– Согласна, что мужской монархизм лучше, – парирует Цветаева.

Согласившись все же выступить, она швыряет в лицо советской аудитории, ни больше, ни меньше, – апофеоз Белого движения, вставляя еще слова: «Да, ура! За царя! Ура!».

Через несколько лет такое выступление просто не стало бы возможно. Но и тогда это означало – играть головой...

Делает честь Цветаевой и то, что ее антикоммунизм не мелочен; он глубок и логичен: «Нет, руку на сердце положи, от коммунистов я по сей день зла не видела (может быть, злых не видела!). И не их я ненавижу, а коммунизм. (Вот уже два года, как со всех сторон слышу: "Коммунизм прекрасен, коммунизм – ужасен". В ушах навязло!)».

Право, насколько она умнее, чем многие иностранные и даже эмигрантские политики и журналисты!

Вырвавшись из-под власти большевиков, Цветаева с состраданием следит за судьбой оставшегося там Максимилиана Волошина; с ужасом говорит о возвращении туда Андрея Белого, как о последнем шаге отчаяния... И после всего этого – вернуться самой? Загадка, о которой тем, кто ее знал, надо бы подробно написать для будущих изданий Марины Цветаевой, которые, вероятно, еще будут.

Как писательница и как человек она вполне заслуживает такого предисловия. Можно ли не испытывать мучительной жалости, когда подумаешь, что она, с ее сверхчувствительностью, наложившей отпечаток на каждую строку этого тома, – должна была перестрадать прежде своей страшной смерти?

Когда невольно ищешь объяснения гибели Цветаевой, не зная ее жизни, глаза останавливаются па фигуре ее мужа Эфрона, много раз появляющейся на страницах ее книги. Он, казалось бы, самый близкий ей человек, рядом с любовно вырисованными друзьями, как Белый или Волошин, или даже никому неизвестные Сережа и Леня, остается без лица: мы его не видим, не слышим его голоса, голоса, которым он, странным образом «на вы», разговаривает с женой: «Не можете же вы не помнить этих стихов...»

Черный человек рядом с ее светлым, воздушным силуэтом...

«Заря России» (Нью-Йорк), рубрика «Библиография», март 1954, № 111, с. 12–13.

Цветаева

Вот мельница в присядку пляшет.
А. С. Пушкин

Нехорошо вела себя Марина Цветаева; недисциплинированно! Нарушая каноны левой интеллигенции, позволяла себе всякие там монархические и белогвардейские высказывания (Разве мало ей объясняли! И Вишняк¹²⁵, и Руднев¹²⁶, и Слоним...). Этого нельзя было оставить без наказания, с точки зрения, равно, – господствовавших на Западе социалистов и правивших в СССР коммунистов. Распределив между собою роли, эсеры и эсдеки вытолкали ее из Зарубежья, а большевики – прикончили на родине.

Тишь да гладь... Только вот у больших поэтов (и у выдающихся личностей вообще) есть прескверная черта: никак их до конца не уничтожишь! Вышло с ней вроде как с Наполеоном; хотя и:

Лежит на ней камень тяжелый,
Чтоб встать ей из гроба невмочь¹²⁷.

(впрочем кто скажет, есть ли камень; могила-то безымянная...), а имя ее все больше знает и любит Россия; помнит его и эмиграция. Недаром говорится: «Что имеем, не храним; потерявши, плачем».

Русский человек была Марина Ивановна! А про наших солдат не зря Фридрих Великий ужасался: «Их мало убить, нужно еще и повалить!».

Призрак ходит по Руси, бродит по Европе... мешая погубителям спать, напоминая о том, что они желают забыть. Оживает ее творчество, – и беда! Как из него вытравить антикоммунистическую суть (кое-что таки удалось! слава Люциферу! поэму про царя где-то благополучно сожгли: в социалистическом музее при не бывшем налете авиации... или, с уютом, в камине у друзей, кому была неосторожно доверена...).

Вот и кликнули клич закулисные гения и славы палачи (имена их Ты, Господи, веси! на Тебя и надежда; ибо сказано: «Мне отмщение, и Аз воздам»), и рычит их облеченный маскою вождь:

Ко мне, мои тиуны, опричники мои!
Вы ж громче бейте в струны, баяны соловьи!¹²⁸

И стекаются, сползаются на призыв ивашки да жоржики, барашки-замахрашки да злюки шавки, зловецкие карлы болотные и нечистые пузыри земли. И готов уже совет нечестивых: эмпориум по очернению памяти... Задание (от коего порядочный человек с трепетом отшатнулся бы!) сформулировано: дискредитировать умученную злодеями жертву, так ее замарать,

---

¹²⁵ Марк Вениаминович Вишняк (1883–1976) – юрист, публицист. Эсер. Эмигрировал в 1919. Жил во Франции. Член редакции журнала «Современные записки» (Париж). В 1940 переехал в США. Преподавал русский язык на курсах при Корнеллском университете в Нью-Йорке (1943–1944), в Морской школе восточных языков при Колорадском университете (1944–1946). Редактор русского отдела американского еженедельника «Time» (1946–1958).

¹²⁶ Вадим Викторович Руднев (1879–1940) – политический деятель. Член партии социалистов-революционеров. Московский городской голова при Временном правительстве (1917). Руководитель Комитета общественной безопасности (1917). С 1919 в эмиграции. Секретарь газеты «Еврейская трибуна». Один из редакторов газеты «Дни» (Париж), журналов «Современные записки» и «Русские записки» (Париж).

¹²⁷ Перефраз из баллады Лермонтова «Воздушный корабль» (1840), посвященной Наполеону.

¹²⁸ Из стихотворения А. К. Толстого «Князь Михайло Репнин» (1840-е).

чтобы от нее все с омерзением отвернулись, и стыдно бы стало самую фамилию ее произносить!

Победителям в конкурсе измышлений достанется щедрая мзда от Князя мира сего (на греховной земле... что потом им будет... ну, про это они думать не умеют).

И пошла писать губерния! Из Цветаевой делают... лесбиянку! (До чего ж похожи методы: вот и о. Дмитрия Дудко¹²⁹ намеревались одно время обвинить в мужеложестве). Из нее-то, чьим несчастьем была чересчур горячая любовь к мужу и верность, отданная на всю жизнь ему, не стоившему ее мизинца. И которая в мужчинах искала не просто людей, а воинов, героев, великих художников. В том же, что у нее были подруги, к которым она испытывала душевную привязанность, с кем ее связывало взаимное понимание, – так тут увидеть темный грех способный лишь существа, сами полные по горло и выше сексуальной скверны. Даже то, что она и к самим этим порокам у других, особенно в рамках богемной, артистической интеллигенции, относилась со щедрым снисхождением своей широкой натуры, никогда не выражая ни презрения, ни негодования, – то и это, на деле, является только свидетельством ее духовного здоровья и большой доброты. – «Она» – шипят раздвоенные языки гадюк – «не могла не знать о преступлениях Эфрона...» На какого дурака подобная клевета рассчитана? Да вздумай тот доверять жене такие секреты (к примеру, об отравлении Игнатия Рейсса...¹³⁰), чекистские его хозяева его бы рангом вывели в расход, прямо в Париже, не дожидаясь, пока еще он пожалует в Москву.

И мыслимо ли вообразить себе сей рассказ в его устах? Каким бы взглядом Марина на него взглянула! Позже, на допросе в префектуре, она сказала: «Я ему целиком верила»; и так сказала, что французские чиновники (у которых тоже в груди сердце билось) преклонились, и ничего больше от нее не потребовали.

Но твари, копошащиеся теперь над прахом поэта, – им такие чувства неприсущи и непонятны! Почему и спорить с ними бесполезно: только загрязнишься.

Однако кто их и станет слушать кроме охотников до пакостных сплетен? Читатели Цветаевой, знакомые с ее всегда целомудренной музой в обман не дадутся ни при какой погоде: разные от нее слышны ноты, – но похабного визга, никогда!

Да и что за вес имеют словеса ее поносителей, оскорбителей страдальческой тени, искажителей бессмертного образа? Это ведь даже не люди, а (как они сами деликатно выражаются) андрогины.

«Наша страна» (Буэнос-Айрес), 10 сентября 1982, № 1677, с. 4.

---

¹²⁹ Дмитрий Сергеевич Дудко (1922–2004) – священник РПЦ (МП). В 1980 арестован за антисоветские проповеди, однако обратился с открытым «покаянным» письмом к патриарху, а затем по телевидению. Заявил, что никогда не выступал против советской власти, а как священник вел борьбу с безбожием. Был духовником газеты «Завтра», печатал там свои статьи.

¹³⁰ Игнатий Станиславович Рейсс (наст. имя Натан Маркович Порецкий; 1899–1937) – работник ВЧК, НКВД, разведчик. Невозвращенец. Выступил во французских газетах с открытым письмом, обличившим политику Сталина. Убит спецгруппой НКВД в Швейцарии.

Поезд не в ту сторону

Когда пытаешься установить политические и религиозные взгляды Марины Цветаевой, сразу оказываешься перед глухой стеной. Оставившие о ней воспоминания, почти сплошь, – люди крайне левых, а то и хуже еще – просоветских убеждений. Понятно, что они или сознательно, или, по меньшей мере подсознательно, придают ей те черты, которые им самим свойственны.

К числу наиболее ценных и важных мемуаристов принадлежит в данной области М. Слоним. Он был долголетним знакомым и даже близким другом поэтессы, с которой его объединяли общие литературные интересы и сравнительно сходный культурный уровень.

Но вот именно от него идет подчеркиваемое им с явным удовольствием утверждение, будто у Цветаевой вообще не было, мол, политических мировоззрений. Вполне возможно, что она подобную фразу перед ним и произнесла; однако существенно рассмотреть, при каких обстоятельствах.

Они встретились в Берлине. Он приехал на время из Чехословакии, где жил ее муж, и куда она сама собиралась перебраться. Ей он, видимо, показался интересным и симпатичным человеком, а главное – он мог ей рассказать достоверно и подробно о стране, где ей предстояло жить. А тут еще он ей и делал не лишнее для нее значения предложение сотрудничать у него в журнале!

Удивительно ли, что Марине Ивановне не хотелось с ним вступать в спор о политике, грозивший с места в карьер испортить отношения? Что и лежало, скорее всего, в основе ее, произнесенных «скороговоркой», слов:

– Политикой не интересуюсь, не разбираюсь в ней...

Опять-таки: какой конкретно смысл она вкладывала в это высказывание? Трезвый анализ говорит, что следующий: что она не принадлежит формально ни к одной из политических группировок и не связана никакими параграфами устава или программы; а сохраняет за собою право говорить и действовать, как ей сердце и разум подскажут. Что, само собою, никак не означает аполитичности; даже наоборот, – так может выражаться всякий человек, имеющий сильные и определенные мнения в сфере политики.

Могут возразить, что Цветаева нелегко шла на компромиссы и никогда не колебалась отстаивать свои убеждения. Все так; да ведь – в известных пределах! В данной же ситуации, настаивать на разногласиях с любезным и потенциально полезным собеседником могло ей представляться не только непрактичным, но и просто нетактичным.

Другая же фраза, гораздо более поздняя, относящаяся к 1936 году, тоже зафиксированная Слонимом, – еще более двусмысленна; или, собственно говоря, вовсе как раз недвусмысленна.

Речь шла об ее поэме про гибель царской семьи, о коей Слоним заявлял, что если бы и согласился ее опубликовать в своей «Воле России», то только с примечаниями от имени редакции.

Марина Ивановна пожалала плечами: «Но ведь всем известно, что я не монархистка, меня и Сергея Яковлевича теперь обвиняют в большевизме».

Глубокая горечь, вызванная непониманием ее истинных чувств со стороны правых кругов русского Зарубежья, явственно глаголет ее устами. Многим из нас случалось то же самое переживать, перед лицом тупости и враждебности закостеневших в узких предрассудках элементов старой эмиграции.

Само же сотрудничество в «Воле России», многолетнее и прочное, представляло собою, поистине, палку о двух концах. Отдадим Слониму и его товарищам-эсерам должное: они печатали то, что Цветаева им давала, не переделывая и не требуя исправлений. Вероятно, она им и

предлагала только то, что могло им подойти. Во всяком случае, налицо была немалая разница с «Современными Записками», где Цветаева наткнулась на жесткую цензуру, притом же до крайности пристрастную и неумную. Однако, вот мы знаем, что «Перекоп» Слоним все же не принял.

«Считал, что это слабая вещь», – оправдывается он. Если считал искренне, то сие не делает чести его литературному вкусу. По справедливости, – это одна из вершин цветаевского творчества.

Что до суждений сестры, Аси, и дочери, Али, то к ним надо подходить *cum grano salis*¹³¹. О них, впрочем, как о других, писавших в СССР, следует сделать оговорку; они могли, иной раз, исказить картину из самых добрых побуждений. Стараясь приблизить Марину к советскому стандарту, они руководствовались, быть может, желанием сделать ее проходимой для большевистской печати, добиться снятия табу с ее имени, отмены отвержения ее в целом как эмигрантки, белогвардейки или контрреволюционерки. При этом, всем известно, главная забота Али всегда была обелить память отца, и этой цели она нередко жертвовала объективностью касательно матери.

Безусловно не стоит придавать серьезного веса, как бы подсоветские биографы того не подчеркивали, факту, что 13-летняя Марина, наслушавшись взрослых, увлекалась революцией 1905-го года. Напомним, в качестве курьеза: известно ведь, что Гумилев, будучи гимназистом, склонялся один момент к социализму, а Владимир Соловьев пережил в юности период пламенного атеизма. Такие кризисы в детстве и в отрочестве переживаются сплошь и рядом даже обыкновенными людьми, а выдающимися – и того чаще.

Не годится делать ложные выводы и из восторженных отзывов Цветаевой о Маяковском и о Пастернаке, ее притяжение к ним носило профессиональный характер (представляло ли оно собою положительный фактор – иной вопрос; мы-то бы скорее согласны со мнением Карабчиевского¹³², что отрицательный). Тогда как в политическом разрезе с Маяковским она расходилась радикальным образом. Слова на его выступлении в Париже: «Сила там!» значили на деле (как совершенно правильно комментирует Слоним), что правда, в противовес силе, – у белых, а не у красных. А самая идея поэмы о царской семье зародилась первоначально у нее в отпор на стихотворение ее советского собрата «Император». О политических же идеях Пастернака вряд ли стоит толковать; каковы бы они ни были, на Цветаеву они, бесспорно, не влияли.

При наличии противоречивых и сумбурных свидетельств, обратимся к самому надежному и осведомленному очевидцу и хроникеру: к самой Марине Ивановне Цветаевой.

В 1921 г., в Москве, перед красными курсантами, она читает с эстрады стихи со словами: «Да, ура! За царя! Ура!».

Трудно поверить, чтобы такое опасное высказывание производилось ею из одной бравады. Почему бы не предположить нечто гораздо более правдоподобное: что она руководствовалась искренним чувством?

Уточним, что описанному выше «вечеру поэтесс» предшествовала такая вот беседа между будущими участницами, Цветаевой и Аделиной Адалис¹³³, спрашивающей:

«Будете ли вы читать... со мной и с Радловой?»¹³⁴ – «Коммунистка?» – «Ну, женский коммунизм...» – «Согласна, что мужской монархизм лучше».

¹³¹ С оговоркой, с осторожностью; дословно: «с крупинкой соли» (*лат.*).

¹³² Юрий Аркадьевич Карабчиевский (1938–1992) – поэт, писатель-биограф, литературный критик. Наиболее известна книга «Воскресение Маяковского» (Мюнхен, 1985).

¹³³ Аделина Адалис (урожд. Адельдина Алексеевна Висковатова, с 5 лет Аделина Ефимовна Ефрон; 1900–1969) – поэтесса, писательница, переводчица.

¹³⁴ Анна Дмитриевна Радлова (1891–1949) – поэтесса, переводчица. Заведовала литературной частью в театре под руководством мужа, С. Э. Радлова. Во время войны с театром оказалась на оккупированной территории, затем – в Париже, откуда по предложению советской миссии вернулась в СССР. При возвращении арестована, обвинена в измене и приговорена к 10 годам заключения, которое отбывала под Рыбинском. Занималась сценической речью с актерами самодеятельного театра в

Тут уж точки и вовсе поставлены над і.

Однако, поэтесса еще яснее определила свое политическое кредо в «Лебедином стане»:

Царь с небес на престол взведен:
Это чисто как снег и сон.
Царь опять на престол взойдет, —
Это свято как кровь и пот.

Мало того, в стихах, принадлежащих эпохе между отречением Государя и гибелью всей императорской семьи, она формулирует с полной четкостью принцип легитимизма, «Le roi est mort, vive le roi!»¹³⁵:

За царевича младого Алексея,
Помолись, церковная Россия!

Этого бы и довольно. Но приведем еще рассказ о диалоге с Андреем Белым в Берлине: «В первый раз войдя в мою комнату в Pragerpension'e, Белый на столе увидел – вернее стола не увидел, ибо весь он был покрыт фотографиями Царской Семьи: Наследника всех возрастов, четырех Великих Княжон, различно сгруппированных, как цветы в дворцовых вазах, матери, отца...

И он, наклоняясь:

– Вы это... любите?

Беря в руки Великих Княжон:

– Какие милые... Милые, милые, милые...

И с каким-то надрывом:

– Люблю тот мир!»

Так что тут мы имеем дело не с минутными, не с преходящими порывами, а с мировоззрением и умонастроением, которые Марина Ивановна пронесла через все свое существование.

Последняя ее большая поэма, как мы и констатировали выше, посвящалась мученической кончине Государя Николая Александровича, его жены и детей. Чьи-то коварные руки устроили так, что данное произведение до нас не дошло. Тяжелый, непоправимый урон для русской поэзии, для российской словесности в целом!..

Если для создания фальшивого политического образа Цветаевой используются какие-то (вопрос, насколько достоверные) ее высказывания в 13 лет, для столь же ложного религиозного ее образа пускают в ход письмо к Розанову в 20 лет, где она объявляет о своем неверии. Но разве это убедительно? Через искушения в этом роде прошли многие люди, позже неоспоримо доказавшие свою веру. Легко понять, что в те годы она находилась в становлении и еще не выработала конечных своих идеалов. Да и стояла она тогда только на пороге тяжелых испытаний, определивших формирование ее внутреннего мира.

В pendant юношеским ее сомнениям, процитируем отрывок из дневника последнего года жизни Цветаевой, незадолго до смерти:

«С Богом! (или) – Господи, дай! – так начиналась каждая моя вещь, так начинается каждый мой, даже самый жалкий, перевод (Франко, например)... Верующая? – Нет. – Знающая из опыта... Я никогда не просила у Бога рифмы (это – мое дело), я молила у Бога – силы найти

лагере, где в 1949 умерла от инсульта.

¹³⁵ Король мертв, да здравствует король! (*фр.*)

ее, силы на это мучение. Не: – Дай, Господи, рифму! А – Дай Господи, силы найти эту рифму, силы – на эту муку. И это мне Бог – давал, подавал».

И это слова не для публики, а для самой себя. Зачем бы тут лгать?

Впрочем, упоминания о Боге, – и прежде всего в связи с самым ей дорогим, с поэтическим творчеством, – проскальзывают у Марины постоянно.

Даже по поводу переписки с друзьями, она роняет, что собственно говоря, адресуется «поверх их голов – Богу или, по крайней мере – ангелам».

Да и трактат ее «Искусство при свете совести» посвящен по сути дела вопросу об отношении между поэтом и Богом.

Изумления достойно, как сумел Н. Струве¹³⁶, приписать ей атеизм и, того больше, равнодушие к религии?

Правда, Слоним отмечает, что она избегала дискуссий о богословии. Но, во-первых, – с кем? С эсерами и левыми интеллигентами, в основном неверующими? Нетрудно взвесить, что такие споры обернулись бы и неприятными, и бесполезными. Да и вообще, для многих людей тяжело бывает обсуждать с посторонними те или иные стороны своего внутреннего мира.

Есть свидетельства, что в Чехословакии Цветаева истово посещала церковь и соблюдала все обряды. А для чего бы ей это было нужно, – не имей она внутренней к тому потребности, – в среде левой интеллигенции, где равнодушие к вере никого бы не удивило и несколько бы не скандализировало?

О более поздних годах у нас с этой стороны нет сведений, (а любопытно бы). Но мы ведь и не ставили себе задачей доказать строгое обрядовое Марины Ивановны, а лишь ее общую веру в Бога, которая, возможно, носила характер свободный и индивидуальный. А вот, что она не была ни неверующей, ни равнодушной к религии, – это нам рисуется совершенно бесспорным!

Гибель поэтессы оказалась отчасти предрешена именно с момента встречи со Слонимом. Сотрудничество в эсеровской «Воле России» отдаляло ее и отрезало от тех кругов, где царили идеи Белого Движения, тем более от монархистов, ото всех, унаследовавших культ старой России. А в узком кругу левых, где она оказалась, – она не могла говорить в полный голос...

Вот и ее столкновение с молодыми младороссами, на докладе Слонима в Париже, выглядит печальным недоразумением. Они ее, видимо, знали и уважали как певца Белой Гвардии; Слонима же хотели освистать как левого, как социалиста. Тогда как для нее Слоним был личным другом, – а верность дружбе у нее была в крови.

Главную же трагедию составила эволюция ее мужа, Сергея Эфрона, левевшего не по дням, а по часам. Она любила белого героя, – а он превратился в изменника, в советского патриота, и наконец в чекистского агента по мокрым делам. Оторвать от него сердце она не могла и не желала, да и считала своим долгом следовать за ним повсюду. Не совсем ясно, почему дети целиком подпали под влияние отца, человека ординарного и небезупречного, а не талантливой, выдающейся матери? Возможно, в житейских, бытовых обстоятельствах талант помогает мало. Ну да это нужно бы было разбирать в ином и отдельном исследовании.

Не исключено даже, что многочисленные увлечения Марины, – которые мы, соглашаясь в этом со Слонимом, относим к поэтическим фантазиям, – имели подсознательной подоплекой стремление вырваться из семьи, неуклонно толкавшей ее в бездну. Но ей убийственно не везло в выборе: фигуры вроде Родзевича¹³⁷ выглядят куда более отталкивающе, чем Эфрон, а о таких, как Штейгер¹³⁸, смешно и упоминать.

¹³⁶ Никита Алексеевич Струве (1931–2016) – издатель, публицист, переводчик. Заведующий кафедры славистики Университета Париж X (Нантер). Главный редактор журнала «Вестник русского христианского движения» (Париж). Руководитель издательства «ИМКА-Пресс».

¹³⁷ Константин Болеславович Родзевич (1895–1988) – переводчик, художник по дереву. Агент НКВД в русской эмиграции. Участник гражданской войны в Испании, один из организаторов «Интернациональных бригад». Участник антифашистского

Эфрон говорил жене: «Представьте себе вокзал военного времени – большую узловую станцию, забитую солдатами, мешочниками, женщинами, детьми, всю эту тревогу, неразбериху, толчею – все лезут в вагоны, отпихивая и втягивая друг друга. Втянули и тебя, третий звонок, поезд трогается – минутное облегчение – слава тебе, Господи! – но вдруг узнаешь и со смертным ужасом осознаешь, что в роковой суете попал – впрочем, вместе со многими и многими! – не в тот поезд, что твой состав ушел с другого пути, что обратного хода нет – рельсы разобраны».

Сопротивления во Франции во время Второй мировой войны.

¹³⁸ Анатолий Сергеевич Штейгер (1907–1944) – поэт. Представитель «парижской ноты».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.